

стас маркелов: никто кроме меня

Выступления и публикации С.Ю. Маркелова.
Воспоминания друзей и коллег

Книга издана на частные пожертвования.
Благодарим всех, кто своим личным временем
и средствами содействовал изданию

Составители сборника:
Федотова И.М., Трусевич О.Г., Черкасов А.В.,
Рябов П.В., Леонтьев Я.В.

В подготовке текстов сборника принимали участие:
Бачин Д.В., Бикбов А.Т., Болушаева Е.Э., Бубнова М.А.,
Дзиваева Н.В., Еремина А.С., Кожина Е.А., Савочкина Ю.А.

В художественном оформлении сборника принимали участие:
Апшиняц М.Р., Карпова Т.А., Метелик Т.С.

С76 Стас Маркелов: Никто кроме меня. Выступления и публикации С.Ю. Маркелова. Воспоминания друзей и коллег / Составители: И. Федотова и др. М.: Памятники исторической мысли, 2010. – 336 с., ил.

ISBN 978-5-88451-275-7

Сборник памяти Станислава Маркелова, известного российского адвоката, правозащитника и левого активиста включает в себя его основные статьи, интервью и выступления. Во второй части сборника опубликованы воспоминания о нем друзей, коллег и соратников.

Адвокат Станислав Маркелов был убит выстрелом в затылок 19 января 2009 года, в центре Москвы, у дома 1 по Пречистенке. Но эта книга – не об убийстве и не о расследовании. Она – о судьбе нашего современника, в которой отразилась вся сложность и противоречивость российской жизни на рубеже тысячелетий.

ББК 66.3(2Рос)6

ISBN 978-5-88451-275-7

© С.Ю. Маркелов, 2010
© Коллектив авторов, 2010
© Леонтьев Я.В., Рябов П.В., Трусевич О.Г.,
Черкасов, А.В. Федотова И.М., 2010
© Соркин М.М., Метелик Т.С., оформление, 2010

Взявшему в руки эту книгу	6
СТАНИСЛАВ ЮРЬЕВИЧ МАРКЕЛОВ: краткая биография.	8
ПРЯМАЯ РЕЧЬ	13
Часть 1. АДВОКАТСКАЯ ПРАКТИКА	16
Оправдывая Буданова, мы признаем Чечню независимым государством	16
Типичные правовые ошибки и проблемы журналистов в досудебной практике	21
Последнее интервью Станислава Маркелова.	26
Последняя пресс-конференция Станислава Маркелова: незаконный выход Буданова из колонии	29
Речь Станислава Маркелова – адвоката потерпевшего на первом процессе «Кадета»	31
Речь Станислава Маркелова – адвоката потерпевшего на втором процессе «Кадета»	34
Сила закона против закона силы	38
Акция против похищений людей в Грозном	43
Преодолевать трудности	44
Часть 2. В РОССИИ	58
После летаргического сна	58
Не читайте эту книгу!	63
О положении в российской прокуратуре.	66
Политзаключенные сегодня.	69
Европейская сказка в реальности российских колоний	72
Часть 3. В МИРЕ	80
Демократия как свобода выбора, совершаемого за нас	80
Беларусь в преддверии гражданского конфликта	85
Выборы властью нужного ей народа	93
Грузия: конец демократии?	95
С «Крыши мира» льется кровь.	96
Часть 4. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ	101
Останкино. Голоса	101
Общественная жизнь 1992–1996 гг. в репортажах Станислава Маркелова	105
Студенты сушат порох и ждут «Искру»	118
Профсоюзное движение России в 1990-е –2000-е годы.	120
Иркутск, 2008: Социальный форум в России	131

Мальме, 2008: Социальный форум – место, где представители Южной Осетии, Абхазии и Грузии пожали друг другу руки	133	Людмила Щербакова. Он не умел смотреть сверху вниз	269
Прифронтовая полоса	138	Наталья Таубина. Сотрудничество с фондом «Общественный вердикт».	272
Часть 5. ПРОБЛЕМЫ НЕОНАЦИЗМА В РОССИИ	143	Елена Санникова. Оставшиеся без защиты	277
Дело об убийстве Александра Рюхина	143	Ирина Бергалиева. Есть такая работа – быть последней надеждой	281
Закончено следствие по делу «банды Рыно»	145	Евгения Чирикова. Защита Михаила Бекетова – защитника Химкинского леса	284
Наказания для российских расистов и нацистов становятся жестче	146	Василий Сызганов. Так пересеклись наши пути	286
О проблеме роста нацизма в РФ и убийствах антифашистов	148	Вячеслав Измайлов. В Стасе и Наташе я видел продолжателей дела Анны	287
КРАСНАЯ КНИГА АНТИФА	151	Александр Черкасов. На передовой	289
Часть 6. СОВРЕМЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ	166	Григорий Тарасевич. Розовая зрелость	295
Новое Средневековье: восстанут ли умершие монстры?	166	Франческа (Ольга Иванова). Воспоминания	297
Прямой потомок старых традиций	178	Наталья Яковлева. Он попрощался ненадолго...	300
Бесконечный застой, или Почти ностальгия по советским магазинам	181	Ольга Алленова. Портрет: Анастасия Бабурова и Станислав Маркелов	302
Игорь Подшивалов и Прямухинская Вольная артель	185	Влад Тупикин. Устный доклад про Стаса и Настю	313
Два мира, две смерти	189	Василий Голованов. Viva, анархия!	323
КАКИМ ОН БЫЛ	195	ПРИЛОЖЕНИЕ	328
Петр Рябов. Он был...	197	Отклики в периодических печатных изданиях на убийство Станислава Маркелова и Анастасии Бабуровой	328
Вадим Дамье. Человек глубоко левой культуры	209	Список сокращений	332
Ольга Трусевич. Встречи в «Мемориале»	214	Краткие сведения об авторах воспоминаний	333
Утэ Вайнманн. Он верил в способности людей что-то менять	218		
Ирина Федотова. Когда мы познакомились...	222		
Петр Рябов. «Вяселка»-1998: краткий очерк антиатомной анархической кампании	226		
Ярослав Леонтьев. Маркелов был романтиком	229		
Павел Былевский. Корифей левой правозащиты	239		
Дарья Митина. У него было обостренное чувство справедливости	242		
Борис Ракитский. Они истребляют надежду народа, его заступников	245		
Павел Кудюкин. Левые потеряли очень мощного потенциального лидера	247		
Дмитрий Лозован. Поездка в Назрань	250		
Максим Кучинский. Стас всегда ориентировался на позитив	252		
Витни. Из блога ЖЖ. Воспоминания	254		
Александр Желенин. Муравинские четверги	256		
Дмитрий Рублев. Стас – каким я его запомнил	257		
Светлана Ганнушкина. Мальчик со светлым взором	258		
Лев Пономарев. Он запомнился человеком думающим	262		

Вы будете жить. Убивают только лучших.

Шарль де Голль.

Время – кожа, а не платье.

Александр Кушнер.

ВЗЯВШЕМУ В РУКИ ЭТУ КНИГУ

Посмотрите в окно. Там то, что многие считают нормой, чем даже «гордятся» (теперь это называется «патриотизм»). Этот пейзаж сойдет за норму, если накрепко забыть об остальных частях суши и не вспоминать о жизни, что бурлила у нас двадцать, пятнадцать, десять лет назад.

Включи телевизор. Те, кого многие считают политиками, публицистами, адвокатами, «гордятся» и говорят о «патриотизме». Эти персонажи, эти речи тоже стали частью нормы: не с кем сравнить.

Чтобы сравнивать, требуется шкала, система координат. Нужны люди, которые своими делами и поступками задают «аршин» для наших дел, а убеждениями – осевую линию, направление. Необязательно с ними соглашаться: ведь и по компасу можно идти в любую сторону, – важно знать, где север. Чтобы не распалась связь времен, нужна хотя бы память о тех, кто жизнью заплатил за эти убеждения и поступки.

Станислав Маркелов был убит выстрелом в затылок среди бела дня на многолюдной улице – 19 января 2009 года около трех часов пополудни, в центре Москвы, в сотне метров от храма Христа Спасителя, у дома 1 по Пречистенке.

Но эта книга – не про убийство и не про расследование. Она – о неполных тридцати пяти годах полной жизни. «Неформал» родом из «лихих девяностых», Станислав Маркелов к концу «подлых нулевых» стал лидером левого антифашистского движения, одним из ведущих российских адвокатов, заметной фигурой среди правозащитников. Он рос, в его системе координат менялся масштаб, но оси – общественные и политические пристрастия, определившиеся на рубеже 1990-х, – не сдвинулись вопреки изгибам политической моды.

Он был и остается неудобен. Он не «вошел в систему», не поддавался прагматизму. Он – неудобен для глянцевого модных адвокатов и растолстевших анархистов, надевших костюмы и поблескивающих очками из президиума правящей партии. Неудобен тем из «неформалов», кто остался «вечным мальчиком», гордясь непродажностью лишь потому, что не пытались купить. Неудобен и тем из «левых», кому непривычно обращение к праву и закону, то есть к государству. И тем из правозащитников,

для кого чужда антилиберальная риторика Маркелова-антифашиста и его социальный пафос.

Остается загадкой, как он мог быть своим среди них, соединять все это в себе и собою объединять сообщества, в обычных условиях несмешивающиеся, как вода, масло и ртуть.

Станислав Маркелов не был «человеком из железа», и мы не хотим сделать его «человеком из мрамора». Книжки о тех, кто ярко жил и трагически ушел, нередко выпускают «свои» – и для «своих». На поминках ближайšie друзья, которым «и так все ясно», говорят не о жившем, а о мертвом. Рассказы и воспоминания складываются в книгу, человек превращается в героя. Для оставшихся героический образ недостижим и тем удобен – восхищение означает невозможность (читай: нежелание) следовать примеру. Книга становится не пьедесталом, а тяжким надгробием. Мы попытались отойти от этого канона, в первую очередь дав слово самому Стасу.

Судьба человека – всегда портрет времени: «глубока его печать, словно с пальцев отпечатки, с нас черты его и складки, приглядевшись, можно снять». Можно уворачиваться, избегать – и отпечаток становится смазанным, неразличимым и неотличимым от миллионов других. А можно – иначе.

Станислав Маркелов жил с нами и среди нас, но брался за дела, от которых другие предпочитали отворачиваться. Отпечаток времени вышел четким. Мы лишь постарались перенести его на страницы этой книги. Познакомься с человеком, которого мы знали. Может быть, через его судьбу по-новому откроется наше общее недавнее прошлое – жизнь в непрошедшем времени.

СТАНИСЛАВ ЮРЬЕВИЧ МАРКЕЛОВ: краткая биография

Станислав Юрьевич Маркелов родился 20 мая 1974 года в Москве в семье журналистов. Младший сын в семье. Его старшие братья Михаил и Платон стали журналистами, да и сам Станислав, избрав путь адвоката и общественного деятеля, немало и успешно занимался журналистикой. В старших классах (с 1989 года) он учился в 721-й школе в специализированном историческом классе. Юность Станислава пришлось на годы перестройки. В эти годы проявляется его интерес к истории, политике, социальной жизни, увлечение идеями хиппи.

В 1991–1996 годах он учится в Московской государственной юридической академии (МГЮА) и активно включается в общественную жизнь. Он принял участие в создании Социал-демократической партии России (СДПР) и примкнул к ее левому крылу, активно участвовал во внутри-партийных дискуссиях.

2–5 октября 1993 года во время трагических событий в Москве (столкновение двух ветвей власти, вылившееся в массовое кровопролитие в Останкино и у Дома советов) Станислав участвует в Санитарной дружине имени Максимилиана Волошина, созданной социалистами и анархистами и помогавшей жертвам конфликта с обеих сторон.

В 1994 году едет в Ингушетию в качестве наблюдателя от Правозащитного центра «Мемориал» для изучения ситуации с правами людей, пострадавших в ходе осетино-ингушского конфликта.

В 1994–1995-х Станислав – один из лидеров леворадикального студенческого профсоюза «Студенческая защита», инициатор создания в МГЮА его отделения, член Исполнительного комитета и руководитель юридического отдела этого профсоюза. Он был в числе организаторов студенческой демонстрации в Москве 12 апреля 1995 года – одного из крупнейших студенческих выступлений в новейшей истории России, вылившегося в столкновения с милицией и массовые задержания (Станислав при разгоне был избит).

С 1992 по 1995 год Станислав Маркелов активно сотрудничает в качестве корреспондента с «Бюллетенем Левого Информцентра» (БЛИЦ), куда пишет многочисленные заметки по широкому кругу вопросов социальной жизни: ситуация в СДПР, рабочее, студенческое, антимилитаристское движение. В середине 1990-х он активно участвует в заседаниях

и дискуссиях Левого Исторического Клуба (ЛИК) при «Мемориале» – сообщества историков, придерживающихся социалистических и анархических убеждений.

Летом 1996 года, после окончания учебы в МГЮА, Станислав вместе с группой друзей-анархистов работает в Прямухинской Вольной Артели – в селе Прямухино Тверской области – над восстановлением усадьбы Бакуниных. В Артели Станислав будет трудиться и в 2001 году, а в 2007-м примет участие в Прямухинских Чтениях, выступив с докладом, посвященным памяти своего товарища – иркутского анархиста Игоря Подшивалова.

Начиная с 1996 года он регулярно ездит в Беларусь, сотрудничает с белорусской оппозицией, пишет статьи о ситуации в республике, становится адвокатом по делам о разгоне митингов в Минске, в 2001-м выступает общественным наблюдателем на выборах президента Беларуси. Летом 1998 года он стал одним из инициаторов и участников антиатомного проекта «Вяселка» и марша по Беларуси (Быхов – Могилев – Шклов – Минск) против строительства АЭС в Республике Беларусь.

В начале 1997 года Станислав знакомится в Минске со студенткой-журналисткой Галиной Гога, которая через несколько лет станет его женой. У них родятся двое детей – сын Лев и дочка Ксения.

С середины 1990-х Станислав активно участвует в деятельности радикального анархо-экологического движения «Хранители Радуги». В 1996 году участвует в организованном «Хранителями» в Волгодонске экологического лагеря протеста против пуска Ростовской АЭС, в 2008-м – в лагере протеста в Сасово (Рязанская область) против строительства цеха по производству фенолформальдегидных смол, неоднократно помогает «Хранителям Радуги» как юрист.

В 1997 году Станислав Юрьевич Маркелов становится адвокатом Межреспубликанской коллегии адвокатов, впоследствии входит в Международный союз и Международный клуб адвокатов, ведет огромное количество дел, получивших широкий общественный резонанс.

С января 2004 года Станислав Маркелов был помощником депутата Государственной думы Олега Шеина. Это было не формальностью, а полноценным сотрудничеством. Выполняя в том числе и задания депутата, он ездил в Астрахань по делу о фактической ликвидации местного самоуправления, и в Элисту, когда там был жестко разогнан митинг оппозиции.

В сентябре 2005 года он вошел в состав Комитета защиты прав адвокатов, созданного адвокатом Михаилом Трепашкиным. В 2006 году основал и возглавил Институт верховенства права. Особый акцент в работе Института, объединившего на общественных началах ряд адвокатов, был сделан на деятельности в кризисных российских регионах (Северный Кавказ, Калмыкия, Башкирия и др.) и на ведении социальных и иных наиболее важных процессов по защите прав граждан. Отмечалось, что юристы, вошедшие в эту социально-правовую организацию, «берут на

себя наиболее крупные судебные дела, имеющие социальное и политическое звучание», в частности выступают «постоянными партнерами по делам, связанным с уголовными преследованиями журналистов». Сам Станислав Маркелов оказывал регулярную юридическую помощь «Новой газете»; был адвокатом ряда журналистов, в частности журналистки «Новой газеты» Анны Политковской (убита 7 октября 2006 года); редактора «Химкинской правды» Михаила Бекетова, возглавившего борьбу в защиту Химкинского леса и обвиненного в клевете на главу администрации Химок Владимира Стрельченко (журналист подвергся нападению в ноябре 2008 года и был покалечен). Адвокаты его Института активно работали во многих делах, связанных с войной на Кавказе, в том числе в деле Эдуарда Ульмана, капитана спецназа ГРУ, признанного виновным в убийстве шести мирных жителей Чечни, и в деле об убийстве владельца сайта «Ингушетия.ру» Магомеда Евлоева. Маркелов сотрудничал с правозащитными организациями: Движением «За права человека», Московской Хельсинской группы, Фондом «Общественный вердикт», Правозащитным центром «Мемориал».

Параллельно с адвокатской деятельностью и в тесной связи с ней Станислав активно участвовал во многих научных конференциях, проводил пресс-конференции, круглые столы, давал многочисленные интервью и комментарии по жгучим вопросам общественно-политической жизни, выступал с докладами и статьями по широчайшему кругу проблем общественной жизни, участвовал в форумах и митингах.

Вот только несколько примеров (за последние месяцы его жизни): в августе 2008 года он активно участвовал в V Сибирском Социальном форуме в Иркутске, осенью 2008 года принял участие в международном Европейском Социальном форуме в Мальме (Швеция), а 30 ноября выступил на митинге в Москве (это стало одним из его наиболее ярких публичных выступлений).

Многokrатно Станислав Маркелов бывал на Северном Кавказе как адвокат и правозащитник.

Основные сферы общественных интересов и адвокатской деятельности Станислава Маркелова: ситуация в Чечне, в Беларуси, история социалистического движения, антимилитаризм и пацифизм, рабочее движение, коммуитаризм, экология, левый терроризм, милицейский произвол, антифашизм, социальные инициативы, преследования журналистов.

Впервые широкую известность в СМИ Станислав получил в 1997 году, выступив защитником Андрея Соколова и других участников подпольной группы «Реввоенсовет» – фигурантов по делу о взрыве мемориальной плиты царской семье на Ваганьковском кладбище, попытке взрыва памятника Петру I в Москве и ряде других деяний (обвинения в терроризме с подзащитных Маркелова были сняты, однако их осудили по другим, более мягким, статьям УК РФ). В 1998 году Станислав выступал адвокатом по «Краснодарскому делу» – он был защитником Ларисы

Щипцовой и других анархистов, обвиненных в подготовке покушения на губернатора Краснодарского края Кондратенко. В 1998–1999 годах он был адвокатом группы анархистов и комсомольцев – членов «Новой Революционной Альтернативы», обвиняемых в ряде символических взрывов, направленных против Общественной приемной ФСБ на Лубянке, однако под давлением ФСБ, добившегося его перевода в статус свидетеля по этому делу, был выведен из процесса.

В 2001 году адвокат Маркелов представлял интересы захвативших свой завод рабочих Выборгского ЦБК в их конфликте с новыми владельцами предприятия. Далее он неоднократно оказывал юридическую помощь незаконно выселяемым из московских общежитий, защищал от массовых увольнений активистов независимого профсоюза железнодорожников, а также контролеров, уволенных из ОАО РЖД, вскрывал финансовые злоупотребления в этой кампании.

В мае 2002 года Маркелов в ходе судебного процесса защищал интересы родителей Эльзы Кунгаевой, убитой в Чечне 26 марта 2000 года полковником Юрием Будановым (в 2003 году был приговорен к десяти годам колонии строгого режима). В 2002–2003 годах Станислав принимал участие в освобождении Яхи Несерхоевой – потерпевшей при теракте в «Норд-Осте», подозревавшейся в сотрудничестве с террористами, а также оказывал адвокатскую помощь в судах родственникам погибших заложников.

В 2003 году он стал защитником Заура Мусиханова, который после отказа вступить в чеченскую милицию был приговорен к девяти годам лишения свободы.

Станислав Маркелов защищал многих отказников от военной службы, а также главу владимирского комитета солдатских матерей Людмилу Ярилину, обвиненную в пособничестве в уклонении от воинской службы (осужденную в декабре 2004 года на два года лишения свободы условно).

В 2004 году Станислав Маркелов подвергся нападению в вагоне московского метро. Нападавшие забрали у потерявшего сознание Станислава документы и ценные вещи. Уголовное дело, возбужденное в связи с этим, не получило должного расследования, несмотря на неоднократные обращения Станислава в ГУВД и Прокуратуру.

В 2005 году Станислав представлял интересы потерпевших в деле «Кадета» – милиционера из Ханты-Мансийска Сергея Лапина, причастного к пыткам и исчезновению человека (осужден на 11 лет за убийство). Станислав также был защитником Магомедсалеха Масаева, добиваясь возбуждения дела по факту его похищения чеченскими властями, но 3 августа 2008 года тот был вновь похищен и, вероятно, убит.

С 2005 года Маркелов работал как адвокат потерпевших по делу о проведенной в декабре 2004 года в Благовещенске (Башкирия) «общепрофилактической операции», в ходе которой ОМОНОм были задержаны и жестоко избиты несколько сотен человек. По итогам проведенной

проверки несколько руководителей силовых органов Башкирии были отправлены в отставку, несколько милиционеров получили от условных сроков до четырех лет колонии.

В 2006–2007 годах Станислав защищал интересы близких убитого нацистами в Москве антифашиста Александра Рюхина, добиваясь для троих из пяти обвиняемых по этому делу квалификации не по статьям УК, карающим за «хулиганство», а по статье «убийство» с отягчающими обстоятельствами – националистическими мотивами. Он также добивался розыска остальных обвиняемых.

В 2008 году Станислав Маркелов стал защитником одного из лидеров антифа-движения Алексея Олесина, обвиненного по сфабрикованному уголовному делу в хулиганстве. Довести до конца этот процесс Станислав уже не успел.

Весной–осенью 2008 года Станислав представлял интересы молодых людей, избитых сотрудниками ОВД «Сокольники» в Москве (эта кампания против милицейского произвола получила широкий резонанс и привела к ряду митингов, перекрытию Тверской улицы и т.д.).

Здесь перечислены лишь некоторые, наиболее известные судебные процессы, в которых (наряду с текущей «рутиной») участвовал Станислав Маркелов, и лишь некоторые, наиболее значимые и показательные направления его общественной деятельности.

В декабре 2008 года, после того как Дмитровградским городским судом было принято решение об условно-досрочном освобождении Юрия Буданова, Маркелов отправил кассационную жалобу на это постановление суда. Жалоба удовлетворена не была, и Буданов вышел на свободу. 19 января 2009 года адвокат провел в Москве пресс-конференцию по этому поводу в Независимом пресс-центре на Пречистенке. Около 15 часов, когда Станислав Маркелов, вместе с журналисткой «Новой газеты» анархисткой и антифашисткой Анастасией Бабуровой шел после пресс-конференции по улице к метро, к нему сзади подошел человек и выстрелил ему в голову из пистолета с глушителем. Станислав погиб на месте. Смертельно раненная Анастасия Бабурова в тот же день скончалась в больнице. Убийцу на месте преступления задержать не удалось.

Станислав Юрьевич Маркелов похоронен на Останкинском кладбище в Москве.

Прямая речь

В выпусках новостей он сжался до пары слов: «адвокат Маркелов». Но ушедший человек может раскрыться в сказанном при жизни, в написанных текстах.

Статьи и интервью «адвоката Маркелова», избранные выступления за последние пять лет адвокатской практики, – о работе на войне, о делах «Новой газеты», о деятельности основанного им Института верховенства права, – открывают эту часть книги. **(Ч. 1)**

От частного – к общему, от конкретики – к обобщению: опыт современной ему постсоветской действительности обобщен в статьях Маркелова – правоведа и публициста. **(Ч. 2)**

Станислав писал и о бурных политических событиях в мире, прежде всего в бывших советских республиках, – всегда имея в виду Россию, где в «подлые нулевые» никаких событий не происходило, кроме разве войн и убийств. **(Ч. 3)**

«Куда ж нам плыть?» Ответ был для Станислава очевиден. Еще до того как стать адвокатом, он стал убежденным «левым», стал в то время, когда в моде были идеи неоллиберальные. Мысль и слово были тут неотрывны от действия. В 90-х он не только репортер и публицист «левых» информгентств и изданий или же участник семинаров по истории русского освободительного движения. Станислав Маркелов замечен на левом фланге социал-демократической партии, в середине десятилетия – среди организаторов левого профсоюза «Студенческая защита», а в «нулевые» – один из инициаторов широкого левого движения, его диалога и взаимодействия с движением правозащитным. **(Ч. 4)**

Противоборство шло отнюдь не только в пространстве идей и текстов. В новом тысячелетии неонацистский террор выплеснулся на улицы российских городов. Стас был известен как адвокат, защищавший «неформалов» и антифашистов. Однако мало кто знает Маркелова как организатора, пропагандиста и теоретика этого движения – автора, издателя и распространителя «Красной книги антифа». **(Ч. 5)**

Что объединяло такие разные стороны личности Стаса, что побуждало его к деятельности в этих, казалось бы, не пересекающихся пространствах? Он умел видеть современный мир в контексте прошлого. Этот день, его заботы и злоба были непосредственным продолжением Истории в самых разных ее масштабах – истории цивилизации, истории русского освободительного движения столетней давности и неформальных движений последних десятилетий. Продолжением и следствием событий вчерашнего дня, становящегося Историей. **(Ч. 6)**

Часть 1 АДВОКАТСКАЯ ПРАКТИКА

Оправдывая Буданова, мы признаем Чечню независимым государством

Процесс полковника Буданова – первое из «чеченских» дел Станислава Маркелова. Ирина Озерная взяла у него это интервью в начале июня 2009 вскоре после того как он включился в это дело в качестве адвоката потерпевших – семьи Кунгаевых.

[Ирина Озерная]: С чем, на твой взгляд, связана замена прокурора, этот уникальный поворот в деле?

[Станислав Маркелов]: Мне фактически пришлось играть в этом процессе несвойственную адвокату роль обвинителя, так как прокурор Назаров¹, по сути, оказывался четвертым адвокатом со стороны Буданова, поддерживая исключительно его позицию. Дело это изначально воспринималось многими продолжением той же войны. С одной стороны – русские: федеральный офицер и его адвокаты, с другой – чеченцы: семья Кунгаевых и адвокат Хамзаев² (очень, кстати, грамотный и опытный). Когда же я, русский адвокат, подключился к потерпевшей стороне, сложившаяся картина существенно изменилась. Я все это время пытался доказать, что дело гораздо серьезнее, чем представлялось. Оно – векторное. Хоть у нас и не прецедентная система права, дело стало показательным потому, что содержит ряд принципиальных юридических вопросов, от решения которых зависит дальнейшее направление молодого российского законодательства, то, какие нормы будут действовать на территории России в дальнейшем – юридические или дикарские. Мечь, например, у нас всегда считалась отягчающим вину обстоятельством. Буданов же, постоянно меняющий показания, стабилен лишь в одном – оправдывая свои действия именно мщеньем за погибших товарищей, а российский суд, как ни странно, эту мотивировку воспринимал положительно. А если мечь становится оправдывающим фактором, вся наша правовая система идет по варварскому пути. Мечь – правовая норма Чечни, и в случае оправдания Буданова возникает следующий вопрос – кто же кого там побеждает, если у нас даже судить стали по чеченским законам. Оправдывая Буданова, мы автоматически признаем Чечню независимым государством. Думаю, в связи с тем, что наконец-то это поняли наверху, и произошел этот уникальный поворот в деле, когда в последний момент был заменен

прокурор. Обвинительная речь Назарова (более оправдательной речи я не слышал) была настолько курьезной с точки зрения нарушения Закона, что высшие правоохранительные структуры, думаю, просто не выдержали, так как под сомнение ставилась уже и их честь, вся система.

И.О.: Но накануне этого поворота адвокаты потерпевшей стороны устроили демарш, отказавшись в знак протеста суду участвовать в прениях сторон. Появляло ли это на ход событий?

С.М.: Думаю, да. Это, конечно, было риском, отчаянным шагом, но другой возможности быть услышанными у нас уже не было. Перед этим суд совершенно незаконно остановил следствие, несмотря на наши заявления о том, что не допрошены еще все свидетели и не рассмотрено множество ходатайств, объявив на завтра прения сторон. Незадолго до этого к делу подключался ростовский адвокат Тихомирова, приглашенная Кунгаевыми, которой суд не считал нужным даже дать возможность ознакомиться с материалами дела. После объявления прений по моей инициативе и произошло то, чего, насколько мне известно, еще не было в истории российской судебной практики – отказ адвокатов одной из сторон от участия в них. Прения – это итоговые выступления, осветляющие позиции сторон, и если бы мы там выступали, то дня не хватило бы на одни только перечисления ошибок, которые в наш адрес допустил суд. Реакция на наш поступок была шоковой, но тем не менее эти односторонние «прения» все-таки прошли. И вот сразу после них заменяется прокурор. Вместо Назарова появляется Милованов³, который не копирует позицию предшественника, а напротив, первоначально заявляет: «Я хочу определить свою точку зрения». Подобное на этом суде прозвучало впервые и несколько обнадежило после того, как месяц мне пришлось защищать российское право от российских же правоохранительных органов. На последнем заседании суда, впервые за всю историю этого дела, моя точка зрения совпала с мнением прокурора.

И.О.: Недавно на тебя поступила жалоба из Северо-Кавказского окружного военного суда в Межреспубликанскую коллегию адвокатов. В чем конкретно тебя обвиняют?

С.М.: В том, что я назвал суд балаганом и не подчиняюсь его решению. Я действительно назвал его так, но не в процессе, а после окончания судебного заседания, на котором нам в очередной раз отказали в очевидных ходатайствах. Например, в материалах дела среди свидетелей Буданова появились вдруг фамилии двух его «информаторов» – Сембиева, указавшего якобы накануне убийства Эльзы на Кунгаевых как на сподручников снайперов; и Яхьяева, передавшего будто бы Буданову фотографию, изображавшую Эльзу с матерью при полном вооружении в горах. Суд вынес по этому поводу определение: свидетелей надо допросить, но тут же добавил, что найти их невозможно. Тогда мы сами находим и Сембиева, сидевшего в российской тюрьме (потому отыскать его было элементарно), и Яхьяева, находившегося по своему адресу и ждавшего все это время судебной повестки. Мы просим: «Допросите их,

они же свидетели в пользу Буданова». Но суд, при полной поддержке прокурора Назарова и адвокатов обвиняемого, отказывается это делать. Вот после чего я и назвал его балаганом.

И.О.: То есть эти свидетели – фикция?

С.М.: Они – основные козыри защиты Буданова, но когда мы начали выяснять эти факты, то столкнулись с серией просто юридических анекдотов. Начнем с фотографии, наличие которой – серьезный повод для ареста Кунгаевых. Правда, этой фотографии нигде нет, ее никто никогда не видел. Далее, из документов становится известно, что оба свидетеля воевали в первую чеченскую войну, когда Эльзе было всего 13 лет. Мать Эльзы – инвалид 2-й группы с серьезным заболеванием, из-за которого не может даже работать в поле, что, по чеченским обычаям, обязательно для женщины. Представьте, 13-летняя «снайперша» с инвалидом 2-й группы при полном вооружении в горах. Даже прокурор Назаров, услышав такое, оценил эти аргументы защиты Буданова как «несерьезные». Теперь по поводу информации Сембиева. Он подтвердил, что действительно указал Буданову на дом, где поддерживают снайперов. Но тут же выясняется, произошедшая путаница. Дело в том, что в большом селении Танги-чу есть и улица Заречная, и Заречный переулок, расположенные друг от друга на расстоянии около полутора километров. Сембиев указал на дом, находящийся на Заречной улице, а пьяный Буданов, выехав ночью «брату снайпершу», заявился в Заречный переулок. Дом, указанный информатором, должен был быть белым и находиться в зарослях, а дом Кунгаевых – из красного кирпича, на открытом месте. Ну, ошибся полковник, подумалось, и взял того, кто под руку подвернулся. Причем в первом показании Буданов называл Эльзу «дочерью снайперши», а в последующих – она уже сама оказалась «снайпершей». Все это должно выясняться судом, вместо того заявившего нам: «У нас полнота исследования дела, потому заниматься этим не будем».

И.О.: Как ты оцениваешь те скандальные экспертизы Института Сербского, касающиеся этого дела?

С.М.: Первоначально психолого-психиатрическую экспертизу проводила Новочеркасская психиатрическая клиника, заключившая, что в момент совершения преступлений у Буданова действительно было изменение формы сознания, правда, в результате простого опьянения. Известно, что Буданов в день убийства Эльзы Кунгаевой праздновал день рождения своей дочери. По первым его показаниям, он выпил одновременно две бутылки водки, по следующим – количество водки снижалось до 600 г, потом до 400 г. То есть, чем дальше шло следствие, тем больше трезвел Буданов, и по последней экспертизе Института Сербского – протрезвел окончательно. Эта экспертиза дала вообще уникальные результаты, по которым во время совершения таких преступлений, как «похищение человека» и «превышение служебных полномочий», Буданов был «ограниченно вменяем», а во время убийства – уже совершенно «невменяемым, с сумеречным состоянием сознания». При этом, как утверждают эксперты, сумеречного состояния

у него не было ни до убийства, ни после. Потому меру принудительного медицинского лечения ему определили как амбулаторное наблюдение и даже решили, что он ограниченно годен к воинской службе.

Факт руководства этой экспертной комиссией печально известным психиатром Печерниковой⁴, упекшей «на лечение» множество диссидентов, среди которых был, например, Вячеслав Игрунов⁵, изначально возмутил и специалистов, и общественность. Но суд не желал принимать и это во внимание. На личную телеграмму В. Игрунова, протестующего против решения комиссии, возглавляемой скомпрометированной личностью (подобные телеграммы пришли и от многих других бывших жертв Печерниковой), была послана бумага в дисциплинарную комиссию Госдумы, где говорилось: «Депутат В. Игрунов оказывает давление на суд». (Мы шутили тогда: наконец-то нашлись виноватые в деле Буданова – депутат Игрунов и адвокат Маркелов.) Результаты психолого-психиатрической экспертизы возмутили крупнейших российских и зарубежных специалистов в этих областях, приславших в суд свои альтернативные заключения. Суд, принципиально не принимая это все во внимание, вдруг, после поворота дела, определил, что последняя экспертиза действительно противоречит предыдущим, не ответила на все поставленные вопросы, потому надо назначить новую. Для проведения ее предлагались и 6-я психиатрическая клиника в Петербурге, и Институт Бехтерева, но суд все это отклонил, выбрав все тот же Институт Сербского, где, конечно же, существует корпоративная солидарность. Правда, в комиссию были приглашены специалисты со стороны, так называемые «генералы психиатрии», в том числе еще более одиозная, чем Печерникова, фигура академика Морозова⁶, руководившего Институтом Сербского в самые мрачные советские годы, объявившего невменяемым Петра Григоренко и многих-многих других диссидентов. Так что, подожду, новые сюрпризы нас еще ожидают.

И.О.: Что ты скажешь о признании солдата Егорова, полученном корреспондентами «МК», в том, что «прокуроры» заставили его взять на себя факт изнасилования мертвой уже Эльзы Кунгаевой?

С.М.: Видеозапись показаний Егорова, сделанная журналистами, надеюсь, поможет следствию. Но то, что девушка была изнасилована при жизни, было ясно и из результатов первой судебно-медицинской экспертизы, произведенной сразу после вскрытия тела и утверждающей именно этот факт. Следы крови – следствие лишения ее Будановым девственности – четко видны на фотографиях. Эксперт, производивший вскрытие тела, не делал гистологический анализ в связи с тем, что у него якобы не было необходимых для этого препаратов. Думаю, что на самом деле анализ этот не был проведен тогда просто в связи с очевидностью картины изнасилования. Следующая экспертиза подтверждает этот вывод патологоанатома, говоря при этом, правда, что девушка была изнасилована либо при жизни, либо сразу после смерти. Но для юридической характеристики это уже не имеет значения – факт изнасилования Будановым

Эльзы Кунгаевой налицо. Далее проводится судебно-медицинская экспертиза с подключением московских специалистов, и тут с абсолютной точностью выясняется, что изнасилование было произведено не Будановым, а солдатом Егоровым, надругавшимся над мертвым телом с помощью черенка лопаты во время похорон. Независимые эксперты – а я обращался к таким ученым с мировыми именами, как, например, доктор медицинских наук, патологоанатом с 50-летним стажем А.И. Ойфа – не понимают, каким образом сейчас такое можно утверждать с точностью. Тело ведь не выкапывали, а работали только с материалами дела. Всегда в оценках всех подобных обследований на первое место ставится экспертиза патологоанатома, проводившего вскрытие, – он видел труп. Но выводы независимых экспертов, которые я привозил в Ростов, суд отказался даже приложить к материалам дела.

И.О.: Известно, что война выявляет людей, выплескивая на поверхность их лучшие и худшие качества. Для одних она – самопожертвование, героизм, а для других – возможность наживы и безнаказанных убийств. Так кто же, на твой взгляд, полковник Буданов – изначальный пользователь войны или ее порождение?

С.М.: Мне думается, что война стала средством реализации худшего в полковнике. Да, войнам всегда сопутствует множество преступлений, но ситуация, устроенная Будановым, – уже полнейший беспредел, бьющий в первую очередь по России, по возможности налаживания отношений с Чечней. Интересная деталь: 26 марта 2000 года, накануне убийства Эльзы Кунгаевой, когда жители селенья Танги-чу – наиболее лояльное расположенное к федеральным войскам! – шли на выборы президента России, Буданов с криками: «Я из вас сделаю второе Комсомольское!»⁷ – прилюдно избил главу их администрации, подошедшего к нему пожаловаться на мародерствующих солдат. Заведенное тогда уголовное дело о побоях было быстро прекращено, якобы в связи с произошедшим примирением сторон. Когда позже у главы администрации спросили, действительно ли произошло примирение, он ответил: «Меня тогда следователь попросил так написать, и вообще я боюсь, мне еще там жить». Буквально через сутки происходит беспричинный дневной обстрел мирного села и захват Кунгаевой с последующим ее убийством. Более антироссийской пропаганды в глазах чеченцев не придумали ни Хаттаб, ни Басаев. И все-таки Кунгаевы обратились за правдой в российский суд, рассказывая потом, что все селение смеялось над ними по этому поводу. Но даже если представить себе, что все то, чем мотивирует Буданов факт убийства чеченской девушки, было бы правдой, он не имел права вершить самосуд, а должен был доложить об этом находящимся рядом представителям ФСБ и ОМОН. Он, солдат, должен воевать, а не исполнять функцию правоохранительных органов. А вот действительно ли они – уже следующий вопрос, и, войдя в это дело, я решил, что провожу своего рода эксперимент над действенностью российского права.

Опубликовано 20 января 2009 г. на сайте «Новой газеты»

Типичные правовые ошибки и проблемы журналистов в досудебной практике

Из всего объема правовых конфликтов дела, связанные с журналистской деятельностью, отличаются особой спецификой. Она вызвана как особой категорией лиц, участвующих в них, так и предметом правового спора. Причем эта специфика распространяется и на гражданско-правовые, и на уголовные дела. Но если гражданские дела, возникшие в связи с журналистской деятельностью, еще имеют научное освещение, то подобная уголовная практика обычно не выходит за рамки интереса публицистики. Хотя именно от уголовного преследования серьезнее всего страдают журналисты и в Беларуси, и в России. Правда, одной из отличительных черт юридических конфликтов, вызванных журналистской деятельностью, является относительная легкость, с которой они пересекают грань между гражданско-правовыми и уголовными областями. Да и на досудебной стадии журналисты делают одинаковые ошибки. Не претендуя на всеобъемлемость, все же имеющийся опыт по самым разнообразным журналистским делам дает мне возможность выделить типичные ошибки в правовом профессиональном поведении представителей масс-медиа. Приходится только удивляться частоте и настойчивости их повторения. Собственно, и журналисты раз за разом оказываются в одних и тех же юридических ямах.

Серьезные правовые ошибки возникают еще на стадии подготовки материалов журналистами. Прекрасно понимаю профессиональную необходимость скорейшего получения информации, но если вы делаете критический материал и ожидаете на него острую реакцию, не проще ли изначально подстраховать свою безопасность? Сделать это отнюдь не сложно. Например, направить письменный запрос (вместо устного) в организацию или должностному лицу, о деятельности которого готовится журналистский материал. Если первый не имеет никакой юридической силы, то второй впоследствии сможет стать серьезным аргументом в пользу вашей непредвзятости. И не важно, был ли получен ответ на ваш запрос или нет. Отказ отвечать или отсутствие ответа вообще фактически дает журналисту право использовать уже имеющуюся у него информацию. В данном случае позиция представителя СМИ становится юридически подкреплённой сразу двумя правовыми базами: законодательством, регулирующим положение СМИ, и законодательством, определяющим деятельность государственной службы и государственных служащих, если объектом журналистского интереса являются именно они. При этом следует иметь в виду, что государственные служащие в пределах своей компетенции обязаны отвечать и разъяснять правовые вопросы всем гражданам, а не только журналистам. Если вы так и не дождались ответа на свой запрос, то у вас уже появился козырь: закон нарушил чиновник, не предоставивший вам объективную информацию по интересующему делу.

В связи с этим в интересную правовую коллизию попадают судьи, хотя проблемы судебной журналистики будут затронуты чуть ниже. Ссылаясь на положение о независимости судей, они обычно отказываются идти на любой контакт с представителями СМИ. Но они также подпадают под положения о государственных служащих, хотя сами очень не любят это признавать, следовательно, на них также распространяются все правовые обязанности госслужащих.

В этом плане показательным уголовным делом, возбужденное в связи с заявлением федерального судьи Чудовой, узревшей в публикации известной журналистки Анны Политковской⁸ признаки совершения таких преступлений, как клевета на суд и оскорбление судьи. Отказ того же судьи от какого-либо контакта с журналисткой еще на стадии подготовки материала неизбежно привел к резко критической направленности статьи. После публикации судья Чудова⁹ вспоминает о необходимости общения с представителями прессы, правда, использует для этого правоохранительные органы. После многолетнего (!) разбирательства на стадии предварительного следствия доказана невиновность Политковской и прекращено производство по делу в связи с отсутствием состава преступления. Из-за изначально неправомерных действий судьи в рамках данного уголовного разбирательства не потребовалось даже проведения лингвистической экспертизы. В итоге федеральный судья Чудова, сама сыницировав уголовное преследование против журналистки, создала прецедент ограничения сложившегося на практике положения о правовой исключительности судей.

Одной из наиболее уязвимых правовых позиций журналистов при подготовке и проработке материалов является их работа с источниками получения информации. Я не призываю работников СМИ раскрывать свои информационные источники и понимаю, что абсолютно проверенные сведения бывают лишь в идеале, но всем журналистам желательно помнить, что ссылка на источник переносит ответственность за категорические суждения или оспариваемые факты на информатора. Здесь обязательно следует учитывать, что журналист отвечает только за факты и возможные оскорбления, его суждения полностью остаются в его неоспоримом ведении. Согласен, между этими понятиями очень зыбкая грань, и для облегчения вашей работы желательно заранее показывать материал юристу, работающему в редакции. Юрист не может влиять на текст или направленность статьи, сюжета и пр., в его задачу входит только указать на те моменты, которые впоследствии могут стать основанием для претензий или даже преследования журналиста. Такой просмотр необходим в первую очередь для острых, критических материалов, в отношении которых можно заранее ожидать реакции недовольства и судебных тяжб со стороны героев публикаций. Если заранее предполагать возможность конфликта, то зачем давать оппонентам аргументы, свидетельствующие о вашей правовой неграмотности?

Одним из любимых объектов претензий служат прямые оценочные суждения. Исключая их, вы не снизите остроту передаваемой информа-

ции. Пусть выводы, которые вы хотите, сделают сами читатели, зрители и прочие.

Особый риск незапланированной встречи с представителями правоохранительных органов имеют журналисты, работающие с материалами, которые связаны с государственной тайной. Целая череда уголовных процессов в России по обвинению в разглашении гостайны показывает исключительную опасность этой тематики для журналистов. При работе с подобным материалом прежде всего необходимо четко выяснить сферу действия запретов и получить подтверждение их границ от государственных органов. Эти разъяснения (только в письменной форме) могут впоследствии стать серьезным доводом вашей защиты. Также постарайтесь полностью исключить ссылки на техническую документацию и любые технические параметры. Читателей и зрителей обычно не интересуют подобные данные, а журналистам не придется отвечать за их разглашение. Как и в случае обнародования иных, не секретных материалов, претензии могут быть вызваны опубликованием фактов, а не суждений о них. Правда, в правовой практике возникло такое понятие, как аналитический шпионаж. В беседе со мной представители прокуратуры определяли его явление, где фактор секретности присутствует только в знаниях автора, а не в используемых документах, и распространяется он путем обнародования аналитических выводов. Столь сложное объяснение на практике преобразуется в просто-таки афористичные формулы. Чего стоит пассаж из известного уголовного дела по обвинению Сутягина¹⁰: тайный сбор информации из открытых источников. Но даже для аналитического шпионажа необходимы определенные условия, иначе все обвинения будут выглядеть совсем уж бездоказательно. И самое главное – это профессиональная приближенность автора к источникам сведений, составляющих государственную тайну. В противном случае у него не будет знаний и навыков для подобной аналитической работы. Если вы по своей профессии далеки от секретности, то все попытки обвинить вас в совершении аналитического шпионажа – это либо прямое беззаконие, либо нереализуемые угрозы.

Помимо секретности, другим традиционным камнем преткновения в правовом обеспечении работы журналистов является освещение ими работы следственных органов и суда. Я уже упоминал о ставшем показательным уголовном деле «федеральный судья Чудова против Политковской», но большинство журналистских дел по этой тематике отнюдь не становятся прецедентными. Чтобы не попасть в череду лишних проблем, необходимо пользоваться четкими правилами, едиными, пожалуй, для всех стран как ближнего, так и дальнего зарубежья. Точно так же, как и в случаях возникновения проблем с документами, имеющими гриф секретности, при работе с материалами суда или следственных органов нежелательно обогащать журналистское расследование излишними техническими данными. На практике это означает отсутствие ссылки на конкретные номера листов дела, страницы протоколов и прочие формальные характеристики. При этом никто не вправе запрещать вам освеще-

щать дело по существу и, самое главное, давать оценку обнародованным фактам. Состав дел, которые рассматриваются в закрытом режиме, четко определен законодательством. Правда, и в этом случае судебные правоохранительные органы отработали методику отстранения журналистов от информации. В любое общественно значимое дело включается буквально один-два документа, имеющих гриф секретности. После этого положение засекреченности автоматически переносится на все дело. То, что секретные документы обычно имеют весьма косвенное отношение к существу дела, уже никого интересовать не будет. К подобной ситуации надо быть готовым и уметь законными способами противостоять ей. Во-первых, в деле в большинстве случаев остаются лица (представители сторон, адвокаты), способные излагать свое видение ситуации в пределах компетенции и не раскрывать секретных сведений. Во-вторых, несмотря на засекреченность дела, вы можете запрашивать у компетентных органов любую информацию о нем вне пределов сведений, составляющих государственную или какую-либо другую тайну. При этом на данные органы ложатся те же обязательства, что и при любом ином запросе (они обязаны ответить на любой запрос, см. выше). Полученные таким путем сведения легализуются для обнародования или, по крайней мере, ответственность за их распространение переносится на информационный источник. Этот способ почти не опробован журналистами. Обычно они предпочитают только первый вариант, т.е. опрос различных участников дела, и уже в ходе его многие допускают правовую ошибку.

Стремясь ускорить процесс получения информации, а иногда и подправить ее, некоторые журналисты работают с лицами, имеющими различное правовое положение, одновременно. Ни в коем случае нельзя сводить вместе участников дела с различным статусом до того, как они дали показания. Иначе вы рискуете подпасть под обвинение в оказании давления на органы следствия, суда, на свидетелей и иных лиц.

Столь же осторожно следует относиться и к своим материалам об острых правовых конфликтах. В данном случае вы вольны в своих оценках, но постарайтесь избежать рекомендаций (кроме самых общих) и конкретных наставлений участникам дела.

Освещение общественно значимых дел грозит правовой опасностью журналистам, и подчас очень трудно удержаться от констатации виновности тех или иных лиц. Если в простых делах применяются корректные формулировки: обвиняемый в воровстве, обвиняемый в убийстве, подозреваемый в хозяйственных нарушениях и пр., то как только вокруг правового конфликта возникает общественный ажиотаж, пелена корректности спадает. Например, когда мною осуществлялась защита в первых делах по обвинению в терроризме в России, редкий журналист удерживался от того, чтобы не назвать обвиняемых террористами. Впоследствии, однако, со всех них обвинение в столь тяжком деянии было снято. Вышедшие на свободу лица имели полное право при желании подать в суд на представителей прессы, поторопившихся в вынесении приговора.

Еще более драматично сложились отношения прессы с одной из заложниц «Норд-Оста», Яхой Несерхоевой¹¹. За то время, пока она была в больнице и находилась до выяснения всех обстоятельств в изоляторе временного содержания, вышло несколько публикаций. В них не только утверждалось, что она террористка, но и публиковалась ее фотография, придумывались небылицы о поясах шахида, следах гексогена и какой-то бабушке, которая разоблачила опасную террористку, и т.п. После выхода Яхи Несерхоевой на свободу и признания ее потерпевшей мне и ее родственникам приходилось прятать от нее эти статьи, чтобы еще больше не травмировать человека, находящегося в тяжелейшем постстрессовом состоянии. Журналистика – слишком серьезное оружие, чтобы столь беспринципно его использовать.

Но такие случаи, к счастью, бывают не столь часто. В повседневной практике самым любимым пунктом правовых притязаний к журналистам является их обвинение в распространении клеветы. Пожалуй, эти претензии можно назвать профессиональным составом обвинения журналистов. Если вы предполагаете, что ваше журналистское расследование приведет именно к таким последствиям, постарайтесь заранее озаботиться проведением правовой и лингвистической экспертиз вашего материала. Экспертизы не бывают лишними. Даже если потом будет по чьей-либо инициативе проведена еще одна экспертиза, и она придет к неутешительным для вас выводам, это приведет к назначению новой комиссионной экспертизы. Разумеется, инициировать ее проведение следует, если вы уверены в своей правоте и не сомневаетесь в должном профессионализме экспертов. Когда эти условия соблюдены, то заранее подготовленная экспертиза, помимо всего, демонстрирует солидность вашей правовой позиции.

Другим необходимым элементом журналистской досудебной дипломатии является точное определение правовой сути претензий. Обычно сторона, считающая себя оклеветанной и оскорбленной, недовольна результатом журналистской работы в целом. Ничто не мешает вам попробовать, желательно официально, выяснить у нее конкретные пункты претензий. По меньшей мере, вы приобретаете серьезный правовой аргумент в пользу того, что сами инициировали процесс урегулирования спора (удался он или нет – это уже будет вопрос к другой стороне). Если оскорбленные лица среагируют на ваши запросы, вы сможете узнать серьезность характера их претензий и уровень подготовленности. Да и накопившуюся злость лучше вылить на вас в частной переписке, чем в ходе суда и предварительного следствия.

Конечно, бывают случаи, что ввиду очевидной предвзятости или крайней непрофессионализма, а иногда и того и другого вместе, представители суда или следственных органов сами не могут четко определить суть предъявляемых обвинений. Чего стоит официальный вопрос, заданный экспертам со стороны следствия в рязанском деле по обвинению в клевете заместителя главного редактора регионального приложе-

ния «Новой газеты» М. Комарова¹²: использовались ли Михаилом Викторовичем Комаровым приемы скрытого речевого воздействия, и если да, то какие и с какой целью? Какими паранормальными способностями должны обладать лингвисты-эксперты, изучающие газетную статью, и в чем следствие хочет обвинить журналиста, остается только догадываться. Но даже на подобные кавалерийские наскоки от юриспруденции надо уметь грамотно отвечать. Иначе последствия грозят нанести серьезный удар по репутации, нервам, времени, материальному положению, а то и безопасности.

Журналист не должен становиться юристом, но он должен знать право в тех объемах, в которых работники опасных профессий знают приемы оказания первой медицинской помощи. Только в нашем случае это оказание помощи себе. В дальнейшем необходимо обращаться к юристам, желательно в специальные юридические службы по защите интересов журналистов, включающие как юристов, так и адвокатов. Поскольку журналистика стала самой проблемной профессией и в России, и в Беларуси, появление межреспубликанских объединений для выполнения этой цели оказывается в повестке дня. Но все же первую правовую помощь оказываете вы себе сами, и чем более профессиональной она будет, тем меньше проблем вас ожидает при общении с Фемидой.

Опубликовано в журнале «Медиа Эксперт» в 2003 г., № 2
и на сайте Института верховенства права

Последнее интервью Станислава Маркелова

Последнее интервью, подготовленное Настей Бабуровой, и последнее интервью, которое Станислав дал для «Новой газеты» 5 января 2009 г.

[Анастасия Бабурова]: Как вы оцениваете отмену Госдумой суда присяжных при рассмотрении особо важных дел¹³?

[Станислав Маркелов]: Изъятие из юрисдикции суда присяжных преступлений, связанных с государственной изменой, со шпионажем, с терроризмом, а также с массовыми беспорядками, по сути, означает отмену института суда присяжных как действенного фактора.

Заметьте, что дела, которые относятся к категории так называемых бандитских, где как раз было больше всего нареканий к институту судов присяжных, остаются в их компетенции. Я обращаю внимание, что в европейской практике только две страны исключили госпреступления из юрисдикции присяжных – Испания и Ирландия.

В соседней с Ирландией Северной Ирландии (входящей в Великобританию) были введены военное положение и прямое управление из Лондона. В Испании было де-факто введено военное положение в связи с баскским терроризмом.

Что за военное положение у нас в стране, разработчики этого закона не объяснили. Более того, если бы вы увидели сопроводительную записку к этому фундаментальному изменению в российском законодательстве, в корне меняющему уголовно-процессуальную систему Российской Федерации... Знаете, какого она размера? Это страничка и один абзац!

Вот и все пояснение, причем практически не содержащее никаких аргументов. Обычно минимальные изменения в законодательстве сопровождаются пояснительными записками на 4–8 листах, а здесь страничка и один абзац.

Судя по комментариям тех депутатов Государственной думы, которые с успехом протолкнули этот законопроект, он был введен по принципу *sui generis*, т.е. по определенному случаю.

Определенный случай – это подготовка для рассмотрения в суде дел, в доказательной базе которых сомневаются правоохранительные органы. С той целью, чтобы суд изначально определил решения по этим делам без вмешательства судов присяжных, так как наши правоохранительные органы, а сейчас и законодательные, боятся, что решение судов присяжных не будет соответствовать их интересам.

Если правовая система будет меняться по принципу *sui generis*, т.е. по определенным поводам, которые даются правоохранительной практикой, то она у нас отменится вообще. Это означает, что у нас нет законов, а есть только правоприменительная практика, которую аранжируют сами правоохранительные органы.

То же самое касается расширения административных наказаний, по сути, до уровня уголовных преступлений. Это будет означать, что применение этих наказаний не будет связано с какими-либо степенями защиты для граждан. А у нас и сейчас административные протоколы фиксируются судом фактически в стахановском порядке – без разъяснения фактической сути дела. Судьи просто не успевают дело разъяснить.

Если это будет предполагать значительные санкции, например арест на несколько месяцев, то человек, попадающий в эту систему, не будет иметь реальной защиты. А подумайте, что такое для человека на несколько месяцев сесть в тюрьму? Это иногда может оказаться сломанной жизнью – потерянная работа, семья, которая остается без кормильца, потеря социальных связей. Это очень серьезное наказание, по сути, уголовное наказание для большинства.

А у нас это хотят внести для административных правонарушений – не преступлений, а правонарушений. Насколько же мы не доверяем нашим гражданам, чтобы даже за мелкие проступки так их судить?

А.Б.: А пункт, который касается организации массовых беспорядков, – не дает ли это дополнительные возможности для борьбы с инакомыслящими?

С.М.: Дело в том, что государственные преступления почти всегда так или иначе касаются инакомыслия. Другое дело, что это инакомыслие действительно иногда бывает противоправным и даже преступным. Если

террорист совершает свои преступления из-за идейных мотивов, то он, безусловно, преступник, но одновременно и инакомыслящий. Просто он взял на вооружение методы борьбы, которые абсолютно недопустимы в обществе.

Но если это отдается на общественный суд, то он в лице присяжных определяет, что в этом деле преобладает – желание разобраться с инакомыслием или действительно наличие преступных методов данного лица. Во втором случае, естественно, никто не смотрит на его взгляды, а он несет заслуженное наказание. Но если общественного суда присяжных нет, то это определяется фактически волевым государственным решением.

А.Б.: Дает ли коллегия из трех профессиональных судей, как предполагает новый порядок, возможность для вынесения объективных решений? По сравнению с судом присяжных?

С.М.: Судьи – это государственные чиновники. А госчиновники всегда вписаны в вертикаль власти. Можно сколько угодно говорить о независимости судей, но посмотрите статистику. Сколько судей потеряли свою должность? Много. А сколько из них потеряли свою должность из-за жалоб граждан? Эта цифра может приближаться к нулю.

Получается, что судьи очень жестко подчинены собственной судебной вертикали. А судебная вертикаль, естественно, вписана в вертикаль власти. Поэтому что три судьи, что один, что коллегия из сорока судей... Если они будут рассматривать определенное дело, есть всегда вероятность того, что они станут руководствоваться не правовыми мотивами, а мотивами так называемых государственных или ведомственных интересов.

А.Б.: По поводу условно-досрочного освобождения бывшего полковника Буданова. Может ли это решение вызвать массовые протесты в Чечне?

С.М.: Ситуация на Северном Кавказе – и социальная, и психологическая – серьезно отличается от ситуации в России в целом. Там такие решения необязательно вызывают немедленные реакции, когда выплескивается общественное недовольство, а затем все забывается. Там реакция может быть долговременной. И проявится позже – на Северном Кавказе никто и ничего не забывает. И в данном случае не надо забывать того факта, что, например, чеченского полевого командира и реальных бандитов, которые руководствовались сепаратистскими идеями и исламистскими идеями, никто никогда не пытался освободить условно-досрочно.

А ведь в данном случае мы говорим о преступлениях одного уровня – особо тяжких преступлениях против личности, которые состоялись приблизительно в одно и то же время. Причем в отношении деяний полковника Буданова мы можем даже говорить о более отрицательном влиянии на общественное мнение. Потому что чеченские сепаратисты и исламисты совершали свои преступления не под лозунгами Российской Федерации, а наоборот – под лозунгами прекращения действия российских законов, российской власти.

А Буданов был лицом, которое представляло именно российскую власть и российские силовые структуры. Соответственно его действия –

это прямая дискредитация российской власти. А сейчас эту дискредитацию продолжил суд, показывая, что никакой объективности в оценке схожих преступлений на одной и той же территории, в одном и том же вооруженном конфликте ждать не приходится.

А.Б.: И к каким результатам это в принципе может привести?

С.М.: Это может привести к утверждению мнения Северного Кавказа, что российская судебная система не работает. Либо работает по политической указке, выполняя определенные политические функции, нарушая принцип объективности и универсальности.

В любом случае – будет ли кратковременный взрыв общественного недовольства или длительная затаенная обида – крайне неприятных последствий не избежать.

Опубликовано в «Новой газете» 21 января 2009 г.

Последняя пресс-конференция Станислава Маркелова: «Незаконный выход Буданова из колонии»

Выступление Станислава Маркелова 19 января 2009 г. на пресс-конференции в связи с условно-досрочным освобождением полковника Буданова. Это была вторая пресс-конференция на эту тему, первая прошла на неделю раньше – 12 января 2009 г.

На вопрос, заявленный темой сегодняшней пресс-конференции, мало кто может ответить, включая самого Буданова. 24 декабря принимается решение об УДО на основании живых фактов, предоставленных прокуратурой, которая заявляет, что по делу Буданова невозможно найти потерпевших, что сам Буданов не представляет общественной опасности. Я напомним: несмотря на то, что семья Кунгаевых находится сейчас в Норвегии, они вынуждены были обратиться в полицию в связи с угрозами, поступившими в их адрес, а одна из дочерей находится под личной охраной, которую правоохранительные органы не предоставляют без веских оснований. Сейчас я могу говорить об этом совершенно свободно, имея доказательства, что прокуратура врет. Если бы это было не так, они бы уже подали на меня в суд.

Если бы сторона потерпевших не имела права обжаловать решение суда, то Буданова бы выпустили еще 3 января. Раз его не отпустили, значит, на тот момент суд решил, что потерпевшая сторона имеет право подавать жалобу. В УПК четко написано, что любые участники процесса имеют право обжаловать решение суда. Когда один человек несколько раз на дню меняет свою точку зрения, ставится вопрос о его вменяемости. В данном случае несколько раз на дню меняет свою точку зрения суд. Нормы права здесь и рядом не лежали. На мои запросы относительно освобождения Буданова Дмитровградский суд отвечал по факсу. Я вообще не понимаю – когда это официальная переписка

велась по факсу? Вместо того чтобы посылать официальный документ с печатями и т.д., мне его отправляют по факсу. Такое впечатление, что они мне интимную переписку устроили.

Кому это выгодно? Как ни странно, Буданову это невыгодно. Потерпел бы еще немного – и легально бы вышел на свободу. Ему было бы это намного выгоднее. Невыгодно это и суду – так подставляться. Если говорить о политических силах, я уверен, что разным группам, симпатизирующим Буданову, это тоже невыгодно. Буданов им нужен как герой, а не как раскаявшийся преступник. Это невыгодно и прокуратуре, которая играет в молчанку. Вы хоть одно заявление от них слышали? Хоть формальное? Хоть отбрехивание? Такое ощущение, что они сами подталкивают общественное мнение к мысли, что это был заказ.

Не нужно забывать, когда и в каких условиях началась эта история. Восемь лет назад за справедливостью люди в Чечне не обращались в суд, а шли в лес. Потом обстановка постепенно начала немного меняться – сколько усилий на это было положено, сколько труда, чтобы люди обращались не к сепаратистам, а в суды. Поэтому в контексте дела Буданова более наглую демонстрацию того, что зря вы это делали, трудно представить. Это освобождение выгодно тем, кто бежит по горам, потому что нет законного решения об освобождении Буданова. Если бы хотели соблюдать хоть минимум законности, подождали бы решения Ульяновского суда и более-менее легально освободили бы. Кому это выгодно? Тем, кому выгодно, чтобы российские правовые институты на Кавказе не установились.

Раз правоохранительные органы бездействуют, я вынужден взять на себя их функции. Решение об отказе в подаче жалобы на освобождение Буданова будет обжаловано, потому что меня не интересует мнение какого-то судьи Дубова¹⁴, меня интересует мнение председателя Верховного суда Лебедева.

За Будановым числятся еще преступления. Сейчас идет следствие¹⁵. Когда мы начинали дело против Буданова, мы не хотели расплываться, а сосредоточились на наиболее доказательных фактах, решили добиваться обвинения по одному эпизоду. Факты эти были общеизвестны, их нельзя списать на военное время, это факты отношений лично Буданова с мирными жителями, которые приходили к нему без оружия. Прокуратура молчала об этом девять лет. Я буду требовать поднятия материала.

Сейчас вопрос к следственным органам, чтобы следственные действия перешли в расследование. Срок давности еще не прошел, он составляет 15 лет. Как же лицо с таким хвостом оказалось общественно безопасным? Прокуратура обязана реагировать на противоправные факты. Если бы я врал, на меня уже подали бы в суд.

В данный момент я намерен, во-первых, подать официальную жалобу на письмо, подписанное судьей Дубовым. Когда я узнал об освобождении Буданова, я сразу заявил, что, как только будет известно, кто дал приказ о выходе, мы подаем в суд на этого человека, это статья, по-

скольку решение незаконно. Этим человеком сделали какого-то судью Димитровградского горсуда Дубова.

Во-вторых, я намерен обратиться в управление Генпрокуратуры на Северном Кавказе с просьбой взять под свой контроль проверку по фактам преступлений, совершенных Будановым, и возбудить уголовное дело.

В-третьих, до 29 января я жду ответа от председателя Верховного суда Лебедева.

Мне бы не хотелось выводить это дело из внутрироссийской плоскости, я стараюсь решить эти вопросы внутри страны. Но если прокуратура и суд уйдут в блиндажи, если все спрячут головы в песок, если все сыграют в страусов, я вынужден буду перевести это дело в область международного суда.

Опубликовано на сайте
Института верховенства права: www.ruleoflaw.ru

Речь Станислава Маркелова – адвоката потерпевшего на первом процессе «Кадета»

Выступление в Октябрьском суде г. Грозного 25 марта 2005 г. на процессе, связанном с исчезновением в 2001 г. Зелимхана Мурдалова, которого вывез в неизвестном направлении милиционер Лапин по прозвищу «Кадет»¹⁶.

Ваша честь! Меня много раз спрашивали, почему я работаю в этом регионе РФ, не страшно ли мне здесь работать, также как и любому человеку, который сюда приезжает, тем более постоянно живет. Но я понимаю, что Чечня – это больше чем ее географические границы. На протяжении десяти лет здесь безвластие и это распространяется на всю Россию и даже больше, чем на Россию. Наводить порядок, приводить ситуацию в соответствие с законом нужно непосредственно на той территории, где беззакония начались. Преступник должен отвечать там, где совершил преступление, а не в Москве, в Ростове и даже не в Страсбурге. Только в этом случае право будет демонстрировать себя как реальную силу. Расследованное дело является одним из самых ярких примеров этого произвола и безвластия, и оно не может быть оправдано борьбой с НВФ, поскольку даже задержание Зелимхана Мурдалова, хотя оно и было незаконным, никак не было связано с какими-либо обвинениями в участии в НВФ. За все время следствия только однажды от свидетеля Кондакова звучало обвинение в участии в НВФ и то не в адрес Зелимхана Мурдалова, а в адрес его отца. И тогда же был выяснен его клеветнический характер. Поэтому в отношении Лапина не может применяться действующая амнистия, так как она распространяется на участников вооруженного конфликта, а Лапин никоим образом в конфликте не участвовал.

Кроме того, амнистия является актом гуманизма государства по отношению к лицам, признавшим свою вину или раскаявшимся в содеянном.

Лапин вину свою не признал, в содеянном не раскаялся. Следовательно, амнистия не может применяться ни по фактическим, ни по процессуальным основаниям. Нельзя также признать потерпевшего хоть сколько-нибудь виновным в совершении каких-либо противоправных действий, так как незаконность его задержания доказана и работниками милицкого следствия и работниками прокуратуры. Свидетели, которые подписали протокол изъятия наркотиков, находились в зависимом положении от лиц, производивших изъятие, и сами, опасаясь за свою безопасность, не имели возможности отказаться от подписи. Поэтому были вынуждены ставить подписи, о чем они указали в зале суда. Незаконность пребывания потерпевшего в изоляторе временного содержания (ИВС) подтверждается тем обстоятельством, что его вообще не было в списках задержанных. Кроме того, в показаниях врача Малюкина четко указано, что на теле Мурдалова не было никаких следов применения наркотиков, и Мурдалов не находился в состоянии наркотического опьянения.

Помощник прокурора г. Грозного Баталов заявил, что территория, контролируемая Октябрьским ВОВД была похожа на Бермудский треугольник, где регулярно совершались противоправные действия. При этом он заявил, что именно на территории, контролируемой Октябрьским ВОВД, было найдено 64 трупа. Это не частное заявление, а официальные показания должностного лица. По показаниям иных свидетелей, Лапин отличался особенной жестокостью даже в этом подразделении. Неудивительно, что обвиняемый ссылается на лестницу, как на причину падения Мурдалова, поскольку это обычное определение при получении телесных повреждений или даже гибели внутри милицйских объектов. Однако впервые лестница стала виновной не только в получении телесных повреждений, но и в исчезновении человека. После осмотра потерпевшего врачом Малюкиным и его вывода, что такие повреждения невозможны при падении с высоты собственного роста или с лестницы, уже не имеет значения, какого размера или высоты была там лестница. Зелимхан Мурдалов сам сказал, что получил повреждения при падении с лестницы, опасаясь, наверное, новых побоев, поэтому в его слова не поверил даже врач. Впоследствии в камере он четко и неоднократно говорил, что к нему применялись пытки, в том числе указывал на позывной лица, который его пытал. Телесные повреждения у Мурдалова заметил и начальник ИВС Гульнев. При этом ссылки обвиняемого и его защиты на створ всех свидетелей выглядят нереальными, так как невозможно себе представить створ начальника ИВС и бывших задержанных, а также гражданского врача и всех экспертов, дающих заключение против Лапина. Тем более что начальник ИВС прекрасно понимал, что в случае дачи им заведомо ложных показаний он несет уголовную ответственность, и вряд ли он стал придумывать что-либо в своих показаниях. Наверное, по версии обвиняемого в заговоре против него участвовали все работники предварительного следствия, и заместитель генпрокурора Фридинский, подписавший обвинительное заключение, и Генеральный прокурор РФ Устинов, которому

Лапин неоднократно жаловался, и Президент РФ Путин. Вряд ли столь широкий круг лиц был заинтересован в том, чтобы осудить Лапина.

На самом деле отсутствие какого-либо створа доказывает поведение одного из основных свидетелей Кадиева, который первоначально вообще не понимал причину своего привода в судебное заседание и свой статус. Именно этот свидетель дает четкие показания о том, что Мурдалов лично говорил ему, что Лапин избивал его, и впоследствии он напел в милицйской машине, принадлежавшей Октябрьскому ВОВД, медный браслет Зелимхана Мурдалова. Эти показания полностью подтверждаются и показаниями других сокамерников и утверждением начальника ИВС Гульнева.

В ходе предварительного следствия, так же как и в суде, обвиняемый неоднократно менял свои показания. Он имеет на это право, но это дает основания сомневаться в правдивости его каждой новой версии. Ссылки Лапина на применение физического насилия в чеченском РУБОПе¹⁷, как на причину изменения своих показаний, выглядят несостоятельными, так как он постоянно менял свои показания и до ареста, и после освобождения из-под стражи. Показания, данные в период нахождения в ОРБ-2, вообще не были включены в обвинительное заключение. Другое объяснение обвиняемого, что он не понимал характера дела и не разбирался в законодательстве, выглядит вообще несерьезным, так как он имеет высшее юридическое образование, и до момента ареста занимался правоохранительной деятельностью, работал следователем. Если он не знает закона, то как он проводил следственные мероприятия. Следствием накоплена такая доказательная база, что доказательств вины Лапина хватило бы не на один приговор. Поэтому я полностью присоединяюсь к позиции прокурора и прошу признать Лапина виновным по всем трем предъявленным статьям обвинения и назначить ему максимальное наказание.

Кроме того, в ходе судебного следствия раскрылись факты причастности к совершенным преступлениям иных лиц, которых предварительное следствие считало неустановленными. В связи с этим прошу выделить материалы из уголовного дела и передать прокуратуре: в отношении Прилепина – за превышение должностных полномочий и нанесение тяжких телесных повреждений; в отношении Минина, Варлакова, Журавлева – по факту превышения должностных полномочий. Четко вину и относимость к преступлению каждого из них должна установить прокуратура. Причиной таких жестких, но справедливых требований является не желание отомстить преступникам, поскольку в Чеченской республике легче прибегнуть к мщению, а не идти по долгому, законному пути, а необходимость установить власть правосудия. А также для того, чтобы люди, пострадавшие от преступников, могли обратиться в правоохранительные органы. Я прошу суд вынести обвинительный приговор. Я считаю также, что это дело даст нам шанс перейти на мирные рельсы.

Публикуется впервые

Речь Станислава Маркелова – адвоката потерпевшего на втором процессе «Кадета»

Выступление в Октябрьском суде г. Грозного 6 ноября 2007 года

Уважаемые судьи, процесс, действительно, странный¹⁸. Мы знаем мало процессов по серьезным преступлениям, которые делятся семь лет, но даже сейчас есть понимание, что при любом решении суда это далеко не конец. Настрой сторон не стал мягче друг к другу, наоборот, более принципиальным. Понятно, что любое решение суда вызовет неудовольствие одной или другой стороны.

Обычно считается, что адвокат должен всегда защищать интересы обвиняемого, хотя в реальности это далеко не так. Это особенно относится к тем процессам, где число потерпевших очень большое. В данном случае потерпевшими оказались чуть ли не все граждане республики, в первую очередь те, кто не принимал реального участия в боевых действиях. У кого было оружие, могли себя защитить, а у кого оружия не было, страдали в первую очередь, и именно от тех, кто должен был их защищать. В данном случае граждане оказались между молотом и наковальней, между теми, от кого они должны были защищаться, и теми, кто должен был их защищать. И там, и там они чувствовали себя в положении потенциальной мишени.

Используя профессиональный навык, я пытался представить себя в положении адвоката Кадета-Лапина и высчитать все его варианты защиты. В ходе следствия он умудрился пять раз поменять свою позицию. Конечно, можно поменять ее и сорок раз, но раз прозвучали все версии, я повторю все аргументы, которые он выдвигал начиная с первых дней допросов.

Первая версия: Зелимхану Мурдалову были нанесены побои не сотрудниками Ханты-Мансийского ОМОНа, а федералами, которые его задержали. При этом, правда, свидетельница Ибахиева, которая находится в очень плохих отношениях с теми же федералами (по ее словам, они избili ее мать), прямо показывает, что задержание Мурдалова было, а вот избияния – нет. Двое других свидетелей, Дошукаев и Сулейманов, говорят одно и то же: на момент, когда их вызвали в качестве понятых, Зелимхан Мурдалов был чистым, т.е. без следов побоев. Следователь Журавлев опять-таки поясняет, что никаких следов побоев не было. Я не думаю, что четыре человека могли сговориться, включая следователя Журавлева.

Следующая версия та, что возникла в ходе следствия: виной всему оказалась лестница. Я прекрасно понимаю, что лестница – это самое страшное место во всех милицейских отделениях. Если возникают повреждения, убийства, то всегда виновата лестница. Но обратите внимание, у каждого, кто сюда приходил в качестве свидетелей, находившихся в камере изолятора, я спрашивал, не падал ли кто-нибудь в тот вечер с лестницы. На меня смотрели с каким-то удивлением. Согласитесь, если человек высокого роста, каким был Зелимхан Мурдалов, падает с лест-

ницы, то не слышать это падение просто невозможно. Наверное, врач Малюкин находился тоже в створе с нами, еще с той страшной ночи, если он сразу написал, что эти повреждения невозможны при падении с лестницы. И я не верю, что при падении с лестницы может быть оторвано ухо, повреждены внутренние органы, отбита промежность и так далее. Что это за лестница такая?

После этого на этапе следствия вдруг возникает один из убитых сотрудников милиции г-н Таймасханов как должностное лицо, которое якобы причастно к данному преступлению. Надо отметить, возникает он, по удивительному стечению обстоятельств, после своей гибели. Мы знаем, что наиболее простой и распространенный способ снять с себя вину во всем уголовном мире – это перенести ее на тех, кто пропал, или на тех, кто погиб. Вопрос в другом: зачем тогда Лапин подделывал документы, касающиеся освобождения из этого здания Мурдалова, за какое-то иное лицо. Это такая странная дружеская помощь или же с нами в створе оказываются неизвестные нам люди: ставропольские медики, почерковеды и другие эксперты? Причем, обратите внимание, эти экспертизы проводились даже не по назначению прокуратуры Чечни, они проводились по назначению управления Генпрокуратуры на Северном Кавказе в Ессентуках. Все они, наверное, тоже вошли в единый круг по створу за осуждение Лапина.

Лапин утверждает, что 3-го числа он отдыхал и именно поэтому не мог нанести Зелимхану Мурдалову телесные повреждения. Почему же тогда на него указывают все сокамерники потерпевшего? Определить его было очень легко: по выбритому знаку на затылке. Каким образом в круту лиц, четко указывающих, что именно Лапин выводил с утра Мурдалова, оказался еще и начальник ИВС Гульнов?

Наконец, последняя версия, которую мы слышали. Она звучала и на предыдущих заседаниях: «Меня запутали, меня обманули, я не думал, что я обвиняемый, я был свидетель, меня сделали подозреваемым, мне что-то прикрыли на первой странице допроса и делали прочие нехорошие вещи следователи, они угрожали мне арестом». Если бы перед нами сидел четырнадцатилетний подросток, я бы еще поверил. Если бы на месте подозреваемого сидел крестьянин из глубокой деревни, я бы поверил. Но когда эти слова мы слышим от лица, имеющего высшее юридическое образование и постоянно работавшего в уголовной системе, жалобы на то, что его самого обманули следователи, то какой же он тогда оперативный работник? Или он не знал закон, что даже как свидетель на допрос он мог прийти с адвокатом? А почему следователи не должны были ему верить? Ведь человек, имеющий высшее юридическое образование и работающий в сферах уголовного права, может сам себя защитить, причем подчас лучше любого другого адвоката. Либо человек работал оперативником и имеет опыт работы в подобных делах, либо не надо говорить, что меня много раз обманывали и именно поэтому я менял свои показания.

Меня меньше всего интересуют те показания, которые даны Лапиным в ОРБ-2. Я говорил об этом еще на предыдущем заседании. Невозможно себе представить более четкой доказательной базы преступления и без показаний Кадеты в ОРБ-2. Его причастность подтверждается двумя показаниями экспертов, причем обе дополнительные; свидетельскими показаниями лиц, с которыми имел общение Лапин; свидетельскими показаниями сослуживцев или лиц, которые не имели никакой ведомственной подчиненности и которые вообще не являлись жителями республики, как, например, врач Малюкин. Что еще нужно для доказательной базы?

Лапин утверждает, что нет лиц, конкретно указывающих на него. Это не так. Обратите внимание, что у всех, кто здесь был, я под протокол выяснял, есть ли какие-нибудь основания оговаривать обвиняемого. Защита обвиняемого подозревает свидетеля Кациева в желании оклеветать бывшего оперативника. Однако что бы ни говорил Кациев – выгораживает он его или нет, клеветает или нет – на судьбу Кациева это никак не повлияет, он сидит по другому делу. И потому у него нет никаких оснований говорить неправду. Лапин сам признал, что говорящий здесь о пытках и жестокости Хадаев просто не работал с Лапиным, следовательно, у него нет оснований его оговаривать. Более того, Хадаев прямо сказал, что ему жалко Лапина, который здесь находится один. Свидетель Исраилов, прямо указывающий на применение пыток Лапиным, в том числе в отношении потерпевших, также по утверждениям самого Лапина с ним не работал. То же самое касается и свидетелей Далаевых и Дашукаевых. Что же это за заговор, неужели включающий и зам. Генерального прокурора Фридинского, подтасовывающего документы ради одного лица, чтоб его обвинить?

Или же есть элементарное объяснение, четко проскальзывающее на первых допросах самого обвиняемого. Он не предполагал, что это приведет к тем самым последствиям, которые происходят сейчас. Он никогда не думал, что его будут судить. Он считал, что будет та самая ситуация, о которой рассказывал прокурор Баталов¹⁹, – когда на попытки вызвать милиционеров в прокуратуру, вместо милиционеров или вместе с ними появилась куча вооруженных людей, буквально берущих штурмом здание прокуратуры, устраивающих там погром, берущих прокуратуру под стволы бронемашин, издевающихся над прокурорскими работниками. Естественно, в такой ситуации о какой-то ответственности говорить невозможно.

Это дело особо значимо, потому что оно ставит вопрос не об одном человеке. Значимость заключается в том, что в любом месте, в любом регионе, тем более в том, где произошли столь страшные драматические события, ставится вопрос, что превыше всего. Либо власть человека с ружьем, либо уверенность любого гражданина, что можно прийти за своей защитой в милицию и не оказаться пропавшим на следующее утро, что его хотя бы попытаются защитить. Уверенность, что он сможет прийти в прокуратуру и прокуратура будет разбираться с его делом, а не говорить, что мы сами их боимся. И самое главное, это не вопрос одного Лапина, Лапин – это просто винтик в механизме. Но я не согласен со свидетелями, которые его жалели,

мол, из-за вот этой выбритой надписи «Кадет» он один попал под суд. Но свидетели не знают российских законов и очень сильно ошибаются.

Лапину повезло. Дело в том, что со времени этого инцидента прошло более пяти лет. А по нашим законам, если в течение пяти лет человек является пропавшим без вести, он может быть признан погибшим. Если бы уголовное преследование Лапина началось не тогда, а допустим, сейчас, к нему можно было бы применить не ст. 111 ч. 3 УК РФ (нанесение тяжких телесных повреждений с отягчающими обстоятельствами), а гораздо более серьезную статью. Из-за того, что сегодня Зелымхан Мурдалов может рассматриваться как погибшее лицо. И сами понимаете, что это уже статья «убийство» или ст. 111 ч. 4 (нанесение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть человека), что практически не отличается по тяжести наказания за убийства. Законодательство не позволяет утяжелять статьи по сравнению с первоначальным обвинением, данным на предварительном следствии. Потому Лапину очень повезло в плане предъявления обвинения.

Да, он оказался исполнителем, причем наиболее ретивым исполнителем, раз его так четко все запомнили. В отделе Ханты-Мансийского ОМОНа находилось на тот момент гораздо большее число людей, однако, обратите внимание, здесь повторялись одни и те же: Лапин, Кадет, Алекс, Алекс-Лапин, Минин. То есть одни и те же лица отличались повышенной жестокостью. Я понимаю, в той ситуации реальная власть была только у тех, кто имел силу и жесткость. Но если эту тенденцию не остановить, если не восстановить силу права, то она будет расползаться все дальше и дальше. Я прекрасно понимаю, что сила права устанавливается только по одному очень простому критерию: человек должен нести ответственность за содеянное там, где он содеянное совершил, независимо от того, где он живет, какой национальности, какое должностное лицо. Только на этом держится сила закона.

Еще об одном. Этот вопрос, наверное, задавал здесь каждый участник процесса: зачем я вошел в это дело. И я задавал себе этот вопрос. До этого дела я ни разу не был в Чечне и Чечни вообще не знал. Когда я приехал, захотелось очень простых вещей, чтобы я здесь работал так же, как и в любом другом регионе. Я постоянно бываю в различных регионах.

Очень важно, чтобы здесь у любого человека, в том числе и у Лапина, был адвокат, постоянно его защищающий. Адвокат, а не электропровода, которые привязываются к ушам задержанного, чтобы, когда Лапин крутил диск, его било током, и это называлось «Звонок адвокату». Для того чтобы и у обвиняемого Лапина была элементарная медицинская помощь, хотя бы на уровне таблеток анальгина, а не дубинка с надписью «Анальгин», которая применялась тогда, когда человек просил медицинской помощи. Для того чтобы лестницы не были инструментами пыток в милицейских отделениях. Чтобы родственники знали, где находится задержанный, могли прийти к нему на свидание и передать ему необходимое. Чтобы им не сообщали на следующее утро, что их родной человек отпущен, одновременно находится в больнице, улетел в космос, куда угодно, только к

нам не приходите. Для того чтобы можно было обратиться в прокуратуру и прокурорские работники сами не боялись преступников. Кажется, что это элементарно. Если мы здесь и сейчас не установим власть и право, которые должны быть в каждом регионе, мы этого не добьемся никогда. Это вопрос принципа, вопрос больше одного процесса: либо устанавливается сила права, либо эта сила отдается автомату и взяткам.

В этом деле мы умудрились собрать очень серьезную доказательную базу в экстремальных условиях, причем намного большую, чем необходимо для подтверждения обвинения. Дело, которое слушается сегодня, можно квалифицировать по более серьезным статьям, чем существующее обвинение, доказательная база подтверждена экспертными заключениями, показаниями свидетелей, показаниями сослуживцев, показаниями специалистов. А защитой Лашина и самим Лашиным было дано множество взаимоисключающих версий. Поэтому я прошу признать его виновным по всем предъявленным обвинениям и назначить максимальное наказание, которое предусмотрено Российским законодательством по данным предъявленным статьям.

Опубликовано на сайте
Института верховенства права: www.ruleoflaw.ru

Сила закона против закона силы*

Интервью Станислава Маркелова журналу The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies (PIPSS) от 3 июля 2008 г.

PIPSS.ORG: Вы работали адвокатом в деле Буданова, и вы создали Институт верховенства права. Этот институт давно существует?

Станислав Маркелов: Около двух лет.

Р.О.: А кто его создал?

С.М.: Я.

Р.О.: В каких регионах он работает в России?

С.М.: Если я не ошибаюсь, в России он работает в 22 регионах, плюс в СНГ (Белоруссия, Украина).

Р.О.: А как это финансируется?

С.М.: Никак. Методом «общего котла».

Р.О.: Значит Вы – коллегия адвокатов, и к Вам обращаются?

С.М.: Нет, мы не коллегия адвокатов – каждый из нас находится в своей коллегии. Мы – общественная организация. И у нас не только юристы: к нам уже присоединились журналисты, которые занимаются правовой тематикой, социологи, переводчики, психологи...

Р.О.: Но у вас есть помещение?

*Это полный текст интервью С. Маркелова, которое в печатном издании сборника было опубликовано с существенными сокращениями. Для этой цели в интернет-версию добавлены страницы (42-1–42-8)

С.М.: Помещение минимальное: в каких-то регионах оно побольше, а в Москве мы буквально ютимся. Арендуем небольшую комнату в центре города, но это очень дорогая аренда. Мы вообще не имеем ни грантов, ни финансирования.

Р.О.: Сколько военных дел вы вели?

С.М.: Постоянно веду их.

Дело 1 – Офицер против солдат

Р.О.: Смогли ли бы вы выбрать два-три дела?

С.М.: Дело, которым я как раз сейчас занимаюсь, рассматривает Волгоградский военный суд. Фабула там такая: ночью, в военную часть приходит информация: «наш караул избит». Нападение на караул является воинским преступлением, причем тяжким. Естественно, поднимается тут же весь взвод, и обнаруживает пьяного офицера в гражданском и кучу пьяных контрактников, только что вернувшихся из Чечни. Это – те, кто напал на караул. Все произошло больше года назад, а дело рассматривается сейчас, и я сейчас часто езжу в Волгоград. Офицер выскакивает и орет матом: «Я сейчас вам всем дам по морде». Его отпихивают, пытаются напасть на контрактников, избивших караул. Начинается массовая драка, офицер участвует в драке, и его самого бьют. Все это, возможно, произошло бы незамеченным, но тут приезжает комиссия Генштаба, чтобы хоть как-то прикрыть действия офицера. А поскольку за действия офицеров отвечает руководство, то в отношении двух солдат-срочников возбуждают уголовное дело по факту нападения на офицера. А то, что офицер был пьян, и был в гражданской форме, и то, что он сам полез драться...

Р.О.: Он не имеет права быть в гражданской форме?

С.М.: Тогда непонятно – офицер ли это был вообще? На все эти факты никто уже не обращает внимания. Как только кто-то из солдат начинает «активничать», ему вменяют статью. Например, статью за вымогательство – только из-за того, что другой солдат не возвращал долг, а он его потребовал вернуть. А тот суд идет до сих пор. Это типичная ситуация, когда прикрывают действие офицеров путем возбуждения уголовных дел против солдат.

Р.О.: А тот, другой солдат – не срочник?

С.М.: Те, против кого возбудили дело – срочники. А тот, другой – контрактник.

Р.О.: Когда вы употребляете слово «солдат», это может быть и срочник, и контрактник?

С.М.: Да. Это общий термин. Рядовой. Это типичное дело – именно в том плане, что преступление офицеров покрывают за счет солдат. В данном случае это массовая драка. Плюс к этому, имеются общие военные проблемы, которые возникли еще в 90-е годы. Тогда возникла страшная ситуация с хозяйственными преступлениями в армии, потому что Гайдар разрешил там коммерческую деятельность. И все военное имущество стало распродаваться на корню.

Р.О.: Это для людей было вопросом выживания?

С.М.: Для многих это был вопрос выживания, но сначала кто-то набивал карманы, а оставшиеся – выживали. Распродавали тогда всё, что только можно. Я не знаю, как насчет оружия массового уничтожения – не могу дать гарантию, что его не продали, потому что распродавалось все. Включая солдат – как «рабов» для строительных нужд.

Р.О.: В этом деле вы защищаете солдат?

С.М.: Да. Одного из них, но позиция у них общая. Кстати, второго защищает адвокат Тихомирова – та самая, которая была со мной в деле Буданова. В деле Буданова она, так же как и я, защищала потерпевшую сторону. Она защищала потерпевшую сторону и в деле Ульмана.

Дело 2 – Прокуратура против Комитета солдатских матерей

С.М.: Второе дело, о котором я могу Вам рассказать, это дело, которое вела военная прокуратура в отношении Людмилы Ярилиной, руководителя Комитета солдатских матерей во Владимире. Она регулярно спасала парней из армии, и в данном случае она спасла двух ребят. Одного из них избивали сослуживцы в военной части, а второй после ранения попал в госпиталь из Чечни, и «почему-то» не захотел туда вернуться. У него было тяжелое ранение, его контузило от взрыва. Ярилина с помощью врача помогла установить диагноз этим двум парням, который показался военной прокуратуре некачественным, и она возбудили дело по поводу того, что Ярилина, якобы, умышленно помогала уклониться от армии. Интересно, что поскольку наши гражданские судьи, как правило, менее чистоплотные, военная прокуратура специально перевела это дело в общегражданский суд.

Р.О.: Это законно?

С.М.: Раньше это было недопустимо, а сейчас законно. Гражданский прокурор не может передать дело в военный суд, а военный прокурор может передать дело в гражданский. В деле участвовали военные прокуроры, причем уровня Центрального военного округа, а это довольно серьезный уровень. Это дело было из ряда вон выходящее, потому что свидетелей – тех, которые должны были показать, что Ярилина действительно договаривалась с врачами, чтобы вытащить ребят, – привозили сами военные прокуроры, в наручниках. Есть соответствующие фотографии. Это дело я вел вместе с адвокатом Василием Васильевичем Сызгановым, у которого военные суды – основная специализация. Ярилину осудили, но дали условный срок²⁰, и она находится на свободе, так что с ней можно связаться. Она, кстати, неоднократно бывала в Чечне.

Р.О.: В первую чеченскую кампанию?

С.М.: Да. Это дело показательное тем, что душили организационную оппозицию, не давали возможность вытаскивать людей из армии – тех, кому не хотелось там служить, на кого оказывали давление, обычное физическое давление. Одного из этих солдат избивали, и его уже из госпиталя вытащили.

Р.О.: Его вытащили, потому что его избивали?

С.М.: Да. А второй, который был ранен, после госпиталя не захотел возвращаться в часть. Дело возбудили, и несмотря на кучу нарушений (например протокол допроса вели разные люди, даже почерк был разный), никаких реальных доказательств не было. Вытаскивали свидетелей, как я вам уже говорил, в наручниках. К сожалению, существует то, что мы называем «позвоночное право», не от «позвонка», а «по звонку». Звонят высшестоящие судьи или представители власти. Должность судьи является все-таки привилегированной: они получают хорошую зарплату, у них хорошие ставки за выслугу лет, дополнительные оплаты, и все это обидно потерять.

Р.О.: В деле Буданова судьё позвонил вышестоящий?

С.М.: Мы это не можем доказать, но есть предположения. Более того, эта практика является «секретом полишинеля»: об этом никто не говорит, но все понимают, что так оно и происходит.

Р.О.: Как можно это доказать?

С.М.: Никак. Точно так же, как то, что заранее выносят приговоры, еще до окончания судебного следствия. Это общая практика: приговоры выносятся до окончания суда, еще до прений сторон, которые считаются, формально, самой важной частью процесса. Это подведение итогов со стороны обвинения и защиты мы называем «выступлением клоунов»: ведь приговор уже есть.

Р.О.: А то, что военных судят военные, является ли это препятствием?

С.М.: Нет, это не препятствие. Да, офицеры, если есть возможность, пытаются скинуть вину на нижестоящих или на рядовых, но это общая проблема, не только военных. Начальство на гражданке точно так же пытается найти «стрелочников» из нижестоящих. Просто у военных это более заметно из-за военной иерархии. Более того, когда ставится вопрос о необходимости существования военных судов, то – да, у них есть специальный отдел уголовных преступлений: дезертирство, самоволка и прочее... Но ведь такие же особые преступления есть у таможенников. И что же – нам теперь создавать делать отдельные таможенные суды? Конечно, формально-юридически такой аргумент имеет силу, но поскольку военные суды и судопроизводство у нас выше по профессиональному уровню, чем общегражданские...

Р.О.: Чем Вы это объясняете?

С.М.: Тем, что они считают себя привилегированной частью судопроизводства, и, может быть, тем, что гражданские суды часто бывают сильно связаны с органами власти. Военные суды все-таки выделены в отдельную иерархию, и поэтому степень подчинения у них меньше. Хотя все это очень усредненно, и взяточничество, а также непрофессионализм, там тоже присутствуют. Но в среднем уровень военного правосудия выше.

Р.О.: То есть это лучше, что военные судят военных?

С.М.: Да, как ни странно. Хотя, если брать с чисто правовой позиции, должно быть все у всех одинаково.

Р.О.: А кроме Буданова, кроме Ульмана, Аракчиева, есть ещё дела связанные с Чечней, которые до суда дошли?

С.М.: Есть одно дело, но поскольку там милиционеры, а не военные, дело слушалось в общегражданском суде.

Дело 3 – Полицейский произвол

С.М.: В деле Лапина, я был адвокатом, а Анна Политковская там являлась потерпевшей²¹. Это первое дело, где суд прошел именно в Грозном, по месту происшествия. И это дело оказало большее влияние, чем дело Буданова, потому что принципиальным моментом было то, что суд происходил не за 2000 км в Ростове, а прямо там, в Чечне. Оно начиналось, когда еще шла война – в Заводском районном суде города Грозного.

Р.О.: В каком году?

С.М.: Суд начался в 2003, если я не ошибаюсь. То есть война еще шла.

Р.О.: В чем был обвинен Лапин?

С.М.: В нанесении тяжких телесных повреждений с отягчающими обстоятельствами, в превышении должностных полномочий с отягчающими обстоятельствами, в должностном подлоге. Он еще подделывал документы, пытаясь доказать, что это не он. Первоначально ему дали 11 лет лишения свободы – больше, чем Буданову. Верховный суд вернул это дело обратно, и на втором суде, тоже в Грозном, с него сняли только последнюю статью – за истечением срока давности (подделка документов – срок давности 2 года), и дали 9 лет лишения свободы.

Р.О.: В колонии?

С.М.: Да в колонии, в Нижнем Тагиле. Бывшие милицейские сидят отдельно. Кассационная инстанция утвердила этот приговор, слово за Верховным судом. Это дело было особо значимо, потому что впервые показало, что насилие над местными жителями может быть обжаловано в правоохранительных органах. И что они реагируют, и суд примет реальное решение. То есть до этого в Чечне в течение 10 лет не знали, что такое суд. Там знали, что такое автомат, знали, что такое взятка. И там, было «право взятки», было «право автомата». То есть если пропал родственник, или его убили, вы шли к боевикам и платили, чтобы они своими руками навели порядок, отомстили. А тут вдруг жители увидели, что возможно восстановление справедливости через суд. Они на этот суд ходили, как на зрелище.

Р.О.: Это было публично?

С.М.: Да. Открыто, публично.

Р.О.: Кто был судьей?

С.М.: На втором суде – Маменова, чеченская судья.

Р.О.: Первый судья тоже был чеченцем?

С.М.: Да. Межидов. Там была коллегия из трех судей.

Р.О.: Где они образование получили?

С.М.: Образование они могли получить там, но часть из них жила в Ингушетии, в соседней республике.

Р.О.: А прокурор?

С.М.: А прокурор – русский, это тоже было очень важно. Было важно, что и адвокат потерпевшей стороны, и прокурор были русские. Это показало, что речь идет не о межнациональном конфликте, а именно об установлении российских норм права в Чечне. Кстати, если Вы посмотрите на общезвестный портал Кавказ-центра (сайт кавказских исламистов), то там об этом деле очень много написано. Меня это очень порадовало, потому что активисты Кавказ-центра очень плохо относились к этому делу – для них, чем хуже, тем лучше. А это дело показало, что на территории, которую они считают своей вотчиной, могут быть установлены нормы российского права. Вы ведь понимаете, что принадлежность страны определяется по тому, какое право там в силе.

Р.О.: А мирные жители?

С.М.: Мирные жители, наоборот, очень уважительно относились к этому процессу; для них это было неким позитивным шоком.

Р.О.: Для Вас это самое большое достижение?

С.М.: Да. Безусловно.

Р.О.: Больше, чем Буданов?

С.М.: Да, несравнимо. Это, может быть, менее известное дело, но оно более важное. Самый показательный момент был, когда Лапин, который сам пытал заключенных, причём незаконно задержанных, сказал, что у него плохие условия существования – нет полотенца и зубной щетки. Это вызвало смех среди зрителей. То есть, да, это, может быть, нарушение – отсутствие полотенца и зубной щетки, но сам он, вообще-то, занимался пытками над незаконно задержанными заключенными.

На следующем заседании произошла акция, которая на Западе называется «оранжевой акцией». При этом сами жители не знали, что она так называется. Это произошло стихийно, но очень показательно: все родственники пропавших граждан (около сотни), пришли к зданию суда с полотенцами и зубными щетками, на которых были написаны фамилии их пропавших родственников. То есть «передайте это ему, но пусть он вспомнит: может быть он знает, где мой муж, сын, племянник, и т.д.». Такова была реакция мирного населения на этот суд и я такого не ожидал.

На суде факты раскрывались чудовищные. Прокурор Баталов сказал, что было обнаружено 42 неопознанных трупа – под зданием базирования хантымансийского ОМОНа. Это в бывшем здании интерната для глухонемых – сейчас оно взорвано, и на этом месте пустырь. У меня на сайте висят последние снимки здания: там видна кровь на стенах, брошенная документация, проломленный череп, и видны условия, в которых существовали задержанные. Но, естественно, как проводились пытки, никто не снимал. О них говорили все бывшие узники: дыба, электрошок, подвешивание, иголки под ногти. Сам Лапин использовал так называемый «звонок адвокату»: если кто-то требовал адвоката, он подключал электропровода к ушам и вертел ручку полевого телефона.

Р.О.: Вы ездите в Чечню?

С.М.: Регулярно. Сейчас у меня несколько дел в Чечне. Одно дело – Заура Мусиханова – о неприменении амнистии. Потрясающая ситуация: амнистия есть, но нет порядка ее применения. Получается, что всех, кто хочет идти к Кадырову, пусть даже у них руки по локоть в крови, становятся амнистированными. А кто – нет, объявляются бандитами и получают длительные сроки. Заур Мусиханов успел только выкопать один окоп и пройти маршем по селу. Это все, что ему инкриминируют. После этого он зарыл автомат, а дальше пошел сдаваться. Он отказался идти в Кадыровское формирование и получил 10 лет как бандит. И теперь сидит.

Р.О.: По решению какого суда?

С.М.: Чеченского суда, и Верховный суд России подтвердил этот приговор. Это одно дело. Я еще веду дело «М.»²². Он просил не упоминать фамилию, но для Запада, я думаю, это не проблема. Это единственный человек, который отважился подать заявление в прокуратуру по «кадыровским» незаконным тюрьмам. Изоляторы (временного содержания) признаны, они законные – другое дело, что в них пытаются. А есть места не законные, когда в подвальном помещении содержат десятки людей. И единственный человек, который отважился подать заявление, это был «М.». Он глубоко религиозный человек, но слава Богу, не боевик. Я его очень плохо психологически воспринимаю, он – тяжелый человек, но вера дает ему возможность быть храбрым. Ведь никакой нормальный человек не подал бы такое заявление.

Р.О.: Какого он примерно возраста?

С.М.: Он, наверное, не старый. Но трудно сказать точно – когда человек в исламской одежде и в бороде, возраст стирается. Около 40 лет, может быть, даже моложе.

Р.О.: Бывший боевик?

С.М.: Нет, они по ошибке его взяли, из-за его проповеднической деятельности, а потом отпустили. Причем его даже особо не пытали – просто побили для порядка. Но все равно задержание было незаконным.

Р.О.: Не пытали?

С.М.: Нет, только продержали несколько месяцев – два, кажется. В тот момент я был в Чечне, где-то год назад. Но сейчас дело возбуждено, и находится на рассмотрении. И уже прокурорские работники звонят мне и говорят: «приезжай, бери, есть огромное количество дел по беспределам, которые творились». Это реальный беспредел, но у меня нет денег, чтобы ехать туда и брать эти дела.

Р.О.: А почему прокурор к вам обращается?

С.М.: Потому, что Чечня есть Чечня: там любят сильных, и если я выиграл дело Буданова, а потом дело Лапина, то у меня там есть имя и сфера влияния. Поэтому обращаются ко мне. Но это означает, что мне надо бросать все здесь и работать там. А кто будет за это платить?

Р.О.: Но это значит, что прокурор хочет, чтобы Вы выиграли дело?

С.М.: Да.

Выделение Следственного комитета

С.М.: Недавно в Прокуратуре произошли изменения: из нее выделился Следственный комитет²³. В принципе, это очень хорошо, потому что когда военная прокуратура устраивала беспредел, то на нее было некуда жаловаться, кроме как в вышестоящую прокуратуру, а вышестоящая спускала жалобу тому, на кого жалуются и т.д. Сейчас следствие и надзор над ним, наконец-то, разделены. И это очень позитивное изменение, но возникла другая проблема...

Все следователи, которые раньше были в Прокуратуре, теперь оказались в Следственном комитете. Раньше это была единая структура: часть Прокуратуры занималась следствием, а остальное – это была функция надзора и др. А теперь следствию сказали «Э-эй ребята, у вас не общее подчинение – вы отдельно». Естественно, Прокуратуре это не понравилось, потому что помимо того, что от нее откололась существенная часть, эта часть к тому же была инструментом давления, самым главным (кто возбуждает дела, кто их ведет, кто передает их в суд). И теперь прокуратура пытается доказать, что Следственный комитет не очень нужен. А Следственный комитет почувствовал свою самостоятельность и хочет доказать противоположное.

В результате сейчас все, к сожалению, исходит из логики этой межведомственной войны. Хотя такое разделение – правильное, потому что давным-давно говорили, что если взять обычное правосудие, когда милицейские следователи нарушают закон, то на них можно пожаловаться прокурору. А если нарушают «прокурорские», то жаловаться на них некому. Сейчас ситуация изменилась, но она пока еще не приведена к стабильному состоянию.

Какие нужны реформы

Р.О.: А какие, по Вашему мнению, должны быть самые важные реформы в отношении военного правосудия?

С.М.: Общая проблема правосудия, не только военного, но и гражданского – система отчетности по раскрываемости преступлений. Дела начинают выдумывать, чтобы повысить показатель раскрываемости. Официально заявляется, что эта система отменена, но это ложь. Все равно все смотрят на процент раскрываемости, и это – бич системы. Замалчиваются, скрываются все серьезные преступления, поскольку они трудно раскрываемые. Наряду с этим придумываются легко раскрываемые, осуждаются невинные люди. Такова общая система. И надо переходить к отчетности по жалобам граждан. На это представители правоохранительных органов говорят: «как же, все преступники начнут жаловаться». Но на самом деле жалобы преступников всегда будут составлять определенный процент: 10–15%, не больше.

Вторая проблема: несмотря на то, что у нас кодифицированная система права, нам необходимо введение каких-нибудь прецедентных

норм. Я понимаю, что мы, конечно, не станем полностью английской системой – это неестественно для нас. У нас неустоявшаяся судебная система, что дает простор для творчества адвокатов. А большая часть наших граждан попадают в руки плохих адвокатов, или же средних. Ведь когда вы идёте к врачу, вы не знаете, хороший он или плохой – вы ориентируетесь либо на имя, либо на рекомендацию, либо играете в лотерею. Следовательно – рискуете.

Именно поэтому, если по идентичному делу принято решение в одном регионе (признано абсолютно законным, проверенным высшими инстанциями и т.д.), то надо, чтобы подобные дела рассматривались таким же образом в других регионах. А, значит, необходимо введение хотя бы каких-то элементов прецедентных норм. Иначе по абсолютно аналогичным делам в разных регионах выносятся разные решения.

Получается, что когда я чего-нибудь добиваюсь в одном регионе и предлагаю абсолютно такое же решение суду в другом регионе, на меня смотрят удивленно: «Что Вы? Широка страна наша... Пусть даже они похожи настолько, что можно только заменить фамилии, всё равно это не имеет к нам никакого отношения».

Далее. По существующим правилам, представленные доказательства рассматриваются с учетом «внутреннего убеждения судьи». Я работаю двенадцатый год адвокатом и пытаюсь все эти 12 лет разгадать тайну, что же такое «внутреннее убеждение судьи». Это – мистическая тайна, и она не поддается разгадке. Моя версия: это то, что судья увидел на потолке. Это я буквально процитировал УПК: «...внутреннее убеждение судьи». Я не знаю что это такое.

Р.О.: А в других странах нет такого?

С.М.: Оценка дается судом – по четким нормам в системе кодифицированного законодательства, как принято во франко-германской системе, к которой мы принадлежим. Но у нас при этом не устоявшаяся правовая система, и у нас «внутреннее убеждение судьи». Вы – судья, и я вам не понравился: например, я вел себя не так, и почему-то у вас есть предубеждение против меня. А другому я понравился, и поэтому он за меня. Причины могут быть какие угодно: или за вами кто-то стоит, или адвокат не понравился, или погода не та... Понятие «внутреннее убеждение судьи» означает, что либо должна быть какая-то шизофрения, либо внутри судьи сидит еще один человек с «убеждениями», либо у него какая-то «говорящая душа». Это все одно и то же. Я человек неверующий, поэтому я не понимаю, что такое «внутреннее убеждение судьи». Я считаю, что все судьи по этой норме должны страдать раздвоением личности.

Р.О.: А по поводу полномочий: что-нибудь надо было бы изменить у прокурора или у судьи?

С.М.: Вернуть институт следования, безусловно. Что бы не говорили правозащитники. Здесь моя позиция совпадает с позицией Прокуратуры. Дело в том, что сейчас его фактически выдумывают. Есть такая норма, что если в обвинительном заключении есть техническая

ошибка, то дело на 5 дней возвращают в прокуратуру. И эти 5 дней не выдерживаются никогда.

Р.О.: Если ошибка техническая?

С.М.: Да, тогда на 5 дней возвращают в прокуратуру. И сейчас это оказывается тем самым исследованием. То есть они по факту понимают, что это необходимо, что оправдательные приговоры вынести не дают, а дело разваливается. И если дело к суду не готово, используется этот момент. Судьи просто вынуждены пойти на извращение закона, я их прекрасно понимаю и сам их поддерживаю. Есть, якобы, техническая ошибка, а на самом деле под этим предлогом производится исследование.

Р.О.: А как они могут тогда сослаться на техническую ошибку?

С.М.: Ссылаются на то, что в деле есть существенные ошибки – такие, что повлияли на обвинительное заключение, и исправить их может только прокуратура. А пять дней выдерживаются так: сначала говорится, что по почте до прокуратуры все шло месяц – даже если она с судом в одном здании. Потом, с момента принятия дела прокуратурой, отсчитывается 5 дней, и она «отсылает» дело обратно, после чего курьер может потратить на доставку месяц, другой, третий... Вот такой идиотизм получается.

Р.О.: А есть ли статистика, сколько военных были осуждены, и сколько оправданы?

С.М.: По статистике приговоров прошлых лет, и это статистика общегражданских судов – оправдательных приговоров было 0,2%. А для военных судов – то ли 0,3%, то ли 0,4%.

Р.О.: Почти все военные, против которых открываются уголовные дела, наказаны ?

С.М.: Из тех, которые доходят до суда. В ходе следствия дело может быть приостановлено, или же забыто, прекращено...

Р.О.: Много таких ?

С.М.: Да. Это фактические оправдания... За 12 лет работы у меня было всего лишь несколько оправдательных приговоров. Фактическое оправдание – это когда дело прекращается, и человек меняет статус с обвиняемого на свидетеля, либо...

Р.О.: Как это: «меняет статус»?

С.М.: С него снимается обвинение. Фактическое оправдание – это когда в ходе следствия дело приостанавливается и про него забывают. Раньше для этого использовали исследование: в ходе него дело приостанавливали, снимали обвинение, и происходило то самое фактическое оправдание. А сейчас из-за ограничения функции исследования, возникла довольно неприятная ситуация.

“Российское право – не прецедентное”

С.М.: Дело в том, что российское право, поскольку не прецедентное, имеет одну не очень приятную особенность: как вы знаете есть прецедентные системы, как англо-саксонская система общего права, которая действует

по ранее принятым решениям. И есть кодифицированные системы. В России традиционно право кодифицировано и относится к европейской континентальной семье, ближе всего оно к немецкому праву. Но дело в том, что там устоявшаяся структура судопроизводства, и от этой кодифицированной системы, шаг влево, шаг вправо считается «шобегом» от правосудия. А у нас система неустоявшаяся. В результате по идентичному делу добиваешься победы в одном регионе, а для другого региона это не только не указ, но приходится все делать заново.

Доходило просто до смешного – когда мы уже «на спор» вели идентичное дело, связанное с альтернативной подсудностью по гражданским делам. Мы тогда «на спор» с адвокатами подавали два идентичных иска в разные суды разных регионов. Например, при споре о собственности, можно подавать иск по месту нахождения собственности, а можно – по месту нахождения ответчика. Мы подавали иски в двух разных регионах, прикладывали к ним одни и те же документы, (оригиналы или заверенные копии), и получали разные результаты. Этого не должно быть, но, тем не менее, все так и происходит.

В принципе, развитие российского права происходит через те дела, которые называются стратегическими. Стратегические дела – это дела, влияющие на большее число лиц, чем непосредственные участники данного дела, а также их родственники и ближайшие заинтересованные лица. Но рассмотрение этих дел, конечно, существенно отличается от общего потока. Поток просто следует за ними, как хвост кометы, у которой ядро очень маленькое, а хвост огромный.

Дело Буданова как раз было одним из таких «векторных» дел, с помощью которого можно было влиять на российское правосудие. Но сама структура российского права, к сожалению, остается, во-первых – произвольной, во-вторых – конвейерной. И в конце должен быть обвинительный приговор, именно обвинительный. Сломать эту систему практически невозможно: если дело попадает в суд, оно должно выйти отсюда с обвинительным приговором, причем неважно, какой это суд – общегражданский или военный.

В военном суде, и это одна из основных особенностей военного суда и военной юстиции вообще, отношение к делу более тщательное и более профессиональное, чем в общегражданских судах. Они стараются себя представить некоей «белой костю», но, конечно, это только в среднем. Т.е. система взяточничества там также развита, возможен произвол, и существует та самая обвинительная направленность. И не из-за того, что там судьи плохие, не профессионалы и т.д. – это, безусловно, не так. Просто действует установка, что дело, попадающее в суд, должно уйти с обвинительным приговором.

Огромный удар в этом плане, как ни странно, нанесли правозащитники, потому что у нас большая часть правозащитников – это люди от семинаров и кабинетов, а не практикующие юристы. Они добились отмены института доследа [дослед – юридический сленг, сокращение от «возвращение дела на дополнительное расследование»]. Если раньше

судья видел, что дело разваливается, что дело, поданное в суд, юридически неграмотно, он возвращал его в органы следствия, говоря, что в таком виде суд его не может рассматривать. Очень часто это означало, что дело вообще прекращалось или приостанавливалось. Чтобы не выносить оправдательный приговор, судья его возвращал, а дальше оно умирало на следствии. Прекратив эту практику, суды вынуждены были доводить дела, имеющие крайне низкую доказательную базу, а то и никакую, до обвинительного приговора. Поэтому и число оправдательных приговоров не увеличилось.

Р.О.: Когда это было отменено?

С.М.: С принятием нового УПК (Уголовного Процессуального Кодекса)

Р.О.: Вы считаете это результатом действия правозащитных организаций?

С.М.: Да, это было общее давление. Они пытались привести это в соответствие с европейскими нормами, а оказалось, что привитие европейских норм без смены системы правосудия приводит к плохому «гибридному» результату.

Вторая такая же ситуация была с вопросом ареста. Раньше арест утверждала прокуратура, и это было очень плохо. Это было на усмотрение вышестоящего прокурора, и такая же система была в военных прокуратурах. Сейчас принимать решение об аресте должен суд. Но вместо того, чтобы реально рассматривать необходимость ареста человека, обвиняемого или задержанного, суд теперь просто «штампует» решения о задержании. Если раньше эта система была плохая, но можно было хоть как-то повлиять на нее через вышестоящего прокурора, то сейчас ни на что повлиять невозможно. Теперь, если приходят на суд за решением об аресте, то есть 100% уверенность, что суд не откажет. Вплоть до того, что адвокаты отказываются идти на утверждение в суде ареста, понимая, что это бесполезно, и что подзащитного всё равно арестуют.

Опять-таки, правозащитники считали это своим достижением, потому что они не знали практики, а находились в основном в Страсбурге, или же на семинарах и конференциях. А это «достижение» обернулось тем, что многие лица, которые в иной ситуации могли бы остаться на свободе – по подписке о невыезде, например, – оказались в тюрьме, арестованными. А если человек арестован и попадает на суд, то это уже не 100%, но во всяком случае 80–90% гарантия, что ему дадут реальный срок. Потому, что есть правило, пусть и не стопроцентное: «из тюрьмы – на зону, из подписки о невыезде – на условный срок».

Роль рекомендаций Страсбургского суда

Р.О.: А все-таки о тех делах, которые в Страсбургский суд отправляют?

С.М.: Знаете, у нас правозащитники устремляются в Страсбург, и я прекрасно понимаю, почему: потому что там вести дела намного легче, чем в России. В реальности у Страсбурга есть огромный минус: во первых, все силы переориентировались на Страсбург, и правозащитники не за-

нимаются в должной мере вопросом реформирования российских судов. И это огромная проблема, которая больше всего ударила по Чечне. Очень больно ударило по Чечне решение, что Страсбург напрямую берет дела в Чечне, минуя российскую стадию судопроизводства. Юристы перестали давить на местные правоохранительные и судебные органы в Чечне – за исключением таких организаций, как чеченский «Мемориал». При этом появилась целая когорта юристов, которые говорят, что они ведущие специалисты по Чечне, которые – обратите внимание – ни разу в Чечне не были, но, поскольку они находятся на Западе, то западные специалисты слышат их, а не тех, кто работает в Чечне.

Р.О.: Скажите, какой юридический статус имеют рекомендации Страсбургского суда?

С.М.: Российская правовая традиция говорит как раз о том, что рекомендательные нормы являются нормами игнорируемыми. Таким образом, *de facto*, эти решения оказываются юридически ничтожными. Страсбургский суд имеет влияние только как факт давления – в связи с тем, что это еще одна инстанция, с помощью которой можно давить на российскую судебную систему. И именно потому, что в сфере надзора российская судебная система бездействует. Количество отмененных приговоров в Верховном суде составляет около 2%, даже меньше. Это значит, что надзорная инстанция не действует. Это значит, что осужденный практически лишается шанса на исправление своей ситуации, или же он сводится к арифметической погрешности, к ничтожному минимуму. Страсбург в этом плане – это еще один шанс. Но со Страсбургским судом произошла очень неприятная ситуация: люди, чьи права нарушены, а в России их огромное число, посчитали Страсбург еще одной высшей инстанцией, при этом юристы, которые занимаются Страсбургом, забывают говорить им о том что Страсбург не рассматривает дела по- существу. Ведь людей обычно интересуют какие вопросы? – Было или не было преступление, справедливо ли наказание, соответствует ли оно содеянному, правильно ли квалифицировали... Это начинается в Чечне и заканчивается в других регионах России.

И когда я в той же Чечне говорю, что эти вопросы Страсбург не решит – он не освободит вашего сына, не признает, что убийца вашего родственника является преступником, – на меня смотрят, как на человека, который пытается отнять последнюю надежду. И именно из за того, что происходит ложь умолчания в отношении Страсбурга. Страсбург – это очень хорошая вещь, и это еще один инструмент влияния на российское правосудие, но он привел к тому, что акцент деятельности переместился на вещь факультативную. Это факультативная вещь – по сравнению с задачей реформы национального правосудия. Основной акцент должен быть сделан на том, чтобы дела рассматривали по существу в наших – какие бы плохие они не были – именно в наших судебных органах, на наших судах, в том числе – военных. А у нас все занимается Страсбургом.

Страсбург, помимо безусловного позитива, дает и очень серьезные отрицательные последствия – именно из-за того, что получился очень серьезный перебор в интересе к нему. Плюс к этому, возникает правовая проблема, о которой не упоминается, и которая не решена: Страсбургский суд работает по прецедентам. А российская система абсолютно не воспринимает прецеденты. И даже постановления пленума Верховного суда России, а по военной части – Высшего военного суда России (там такая же иерархия, она как бы идет параллельно), имеют рекомендательный характер. А как я вам уже говорил, рекомендация – это то, что можно игнорировать. Да, к ним могут иногда присмотреться, но это – не вопрос обязательного прецедента Страсбургского суда.

Опубликовано на сайте The Journal of Power Institutions
in Post-Soviet Societies: <http://pipss.revues.org>
(там же даны ссылки на французскую и английскую версии)

Акция против похищений людей в Грозном

29 мая 2008 года в Грозном недалеко от офиса Уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике прошел пикет родственников похищенных людей, приуроченный к визиту в республику Владимира Устинова, полномочного представителя президента в Южном федеральном округе. Около десяти человек держали плакаты с фотографиями исчезнувших молодых людей. В руках одной из участниц – небольшой транспарант с надписью: «Верните наших сыновей!».

Станислав Маркелов: «Похищения – одна из самых острых проблем в нынешней Чечне. И один из самых доходных видов бизнеса. Да, сейчас их стало меньше в сравнении с началом 2000-х годов, но тем не менее масштабы явления остаются существенными. Если раньше большинство претензий было обращено к «федералам», то сейчас, по признанию местных жителей федералы этим перестали заниматься вовсе. В основном виновными в похищениях называют сотрудников официальных и полуофициальных вооруженных формирований. Причем как «кадыровцев», так и противостоящих Кадырову группировок. Так, при расследовании прокуратурой деятельности батальона «Восток»²⁴ выявляется немало примеров такого рода.

Естественно, в случае, если похищают люди, пользующиеся покровительством высоких лиц, надежд на правоохранительные органы мало. Кроме того, люди просто опасаются за безопасность свою и близких. Поэтому родственники похищенных, как правило, пытаются освободить их, используя неофициальные каналы. Это, кстати, сильно искажает статистику.

То, что люди, несмотря на все опасения, вышли на открытую акцию протеста, показывает, что терпение кончается, Жители республики на-

конец хотят настоящего правопорядка. Возможно, свою роль сыграли и надежды на вновь назначенного Полномочного представителя Президента В. Устинова, который по прежнему месту работы имеет репутацию жесткого чиновника, не останавливающегося перед крутыми мерами.

Полностью опубликовано на сайте
Институт Коллективного действия: www.ikd.ru

Преодолевать трудности

Последнее большое интервью Станислава Маркелова, которое он дал Дмитрию Рублеву для сайта Рабкор.ру 26 октября 2008 г.

[Дмитрий Рублев]: Станислав, Вы президент Института верховенства права. Не могли бы Вы рассказать нашим читателям, что это за организация, какие цели она перед собой ставит?

[Станислав Маркелов]: Деятельность Института верховенства права часто отождествляют только со мной, воспринимая ее как организацию, которая существует вокруг одного человека. Это заблуждение, на самом деле все не так. У нас отделения в 22 регионах России, если не ошибаюсь, плюс отделение в Белоруссии, плюс партнерские организации с похожими структурами или отдельными юридическими образованиями в других странах СНГ. Но сначала организация возникла именно как профильная юридическая, т.е. как объединение независимых адвокатов, юристов, ведущих дела общественно значимой социальной направленности, для взаимной поддержки, передачи друг другу дел, поскольку такие дела связаны с особым риском их ведения, они сейчас, так скажем, не очень популярны, это не дела по бизнесу...

Д.Р.: И не оплачиваются...

С.М.: К огромному сожалению, я просто вынужден это подчеркнуть и поставить множество восклицательных знаков: с оплатой мы не можем помочь. Основной вопрос здесь — это взаимоподдержка, координация усилий, ну и помощь тем, кто ведет такие дела, так как люди, попадая в орбиту социально значимых дел (их еще называют «стратегическими делами»), обычно просто не очень умеют их вести. Такие дела сильно отличаются от общего порядка дел.

Со временем функции института значительно расширились. Мы стали выступать как партнеры целого ряда организаций, которые постоянно имеют проблемы из-за их преследования со стороны судебных инстанций, правоохранительных органов. Например, мы выступаем постоянными партнерами по делам, связанным с уголовными преследованиями журналистов. И мы завязали дружеские контакты как с обслуживающими организациями юридического профиля, например по защите социально-трудовых прав, так и с социальными организациями, возник обмен ин-

формацией, мы стали выпускать собственные издания, брошюры. К сегодняшнему дню мы издали пять таких брошюр. И деятельность института сильно расширилась, вышла за пределы чисто юридической. Теперь в нашем составе есть и социологические отделения, психологи, журналисты, которые интересуются общественной тематикой, ну и люди, так или иначе сталкивающиеся с правовой и с правозащитной деятельностью.

Многие считают институт чисто правозащитной организацией. Это не так. Скорее, это социально-правовая организация, так как изначально все-таки ее костяк — профессиональные юристы, воспринимающие свою деятельность как часть социальной, а не как просто профессиональное обеспечение своих прав. В дальнейшем мы сделали акцент на информационной работе, подняв свой сайт до такого уровня, что он стал интересен — уже можно сказать с определенностью — не только юристам, но всем, кто интересуется крупнейшими делами, которые существуют у нас в России, — политическими делами, правовыми и социальными конфликтами. И сейчас по посещаемости он находится на уровне информационных порталов, хотя мы не ставили своей задачей сделать информационный портал со штатом работников, постоянным обновлением информации. Делали ставку на выделение той информации, которую невозможно найти где-либо еще.

Кроме того, мы активно участвуем в социальных проектах, например в тех же социальных форумах, которые бывают как юридические, так и чисто социальные. И еще: мы пытаемся действовать в тех сферах, которые выпадают из активности как правовых, так и социальных активистов, хотя имеют особое значение для ситуации в России вообще. Я имею в виду «горячие точки», где приложено наших усилий особо значимо. Сейчас это вопросы преступлений, связанных с социальной и национальной рознью. Ну и, наконец, те самые особо значимые общественные и социальные дела, которые, собственно, и явились профилем, целью создания нашего института.

Д.Р.: Громкий резонанс в СМИ, интернет-изданиях, среди активистов левого движения и социальных инициатив не так давно вызвало нападение на главного редактора «Химкинской правды» Михаила Бекетова²⁵. Насколько известно, вы вели и ведете до сих пор его дело?

С.М.: Я адвокат Михаила уже почти год. Интересно, что он тогда уже находился в ситуации постоянного давления со стороны правоохранительных органов и административных структур, чуть ли не под психической атакой. Людей, которые хотели его защищать, было крайне мало. Сейчас, когда произошло это чудовищное нападение, его имя не сходит со страниц газет и с телеэкранов. Мне хочется спросить: где ж вы были раньше?

Ситуация по этому делу выглядит очень интересно и потому, что, когда возникло дело о клевете, можно было сразу сказать, что это не просто дело, а именно организованное давление со стороны заинтересованных структур, не имеющее ничего общего с какими-либо правовыми основаниями. Бекетову поставили в вину то, что он подозревает в причастности к взрыву его автомобиля главу администрации города Химки.

При этом само дело по взрыву автомобиля еще не было расследовано, оно находилось на стадии предварительного следствия. Совершенно очевидно: какая же тут может быть клевета и заведомая ложь, если само дело еще до сих пор расследуется? Уже во время суда был выявлен факт прямой подделки доказательств. И этот факт оказался просто умопомрачителен, поскольку в заявлении одного из свидетелей, Егорова, было прямо сказано, что Бекетов занимается клеветой на органы власти и дестабилизирует политическую ситуацию в обществе – ни много ни мало. Этот Егоров оказался оператором Рен-ТВ. И когда он пришел на суд, то был крайне удивлен, что давал такие показания, потому что самого Бекетова он впервые увидел, когда у того взорвали машину.

Д.Р.: То есть он не давал показаний, и это было кем-то написано вместо него?

С.М.: Совершенно верно! Это прямая подделка. И эта подделка была сделана от имени работника Рен-ТВ! Мы тут же потребовали возбуждения уголовного дела, но у нас суд и следствие объективны только на бумаге – и, естественно, судья просто сделала все, чтобы не принять заявление, хотя она обязана была это сделать. Прокурор вообще выдал шедевр: да, мы подтверждаем факт фальсификации, но это мелкое техническое нарушение, поэтому заявление мы не примем. Я цитирую. Мы – Бекетов и я, подали заявление о должностном преступлении. В ответ мне пришла умопомрачительная бумага за подписью референта отдела по делам лиц, имеющим массовый правовой статус, из Генеральной прокуратуры РФ: мое заявление, ответили мне, передано на рассмотрение в Ямало-Ненецкий автономный округ.

Д.Р.: М-да... А кто тут ненец, Бекетов?

С.М.: Ну вообще-то, Химки всегда были в Московской области. Поэтому, прочитав ответ (он есть у меня на руках), я направил в Генпрокуратуру заявление (которое тоже могу представить), где было прямо написано, что я с удовольствием ознакомился с этим ответом, но поскольку очень занят, наверное, пропустил реформу, которая присоединила город Химки и Московскую область к Ямало-Ненецкому автономному округу. А если следователь, который занимался подделкой, прячется в тундре среди хантов-оленоводо-вод, то его надо объявлять в федеральный розыск, потому что он и там будет фальсифицировать доказательства. На это заявление я до сих пор ответа не получил. А Михаил Бекетов в ответ на свое заявление, к сожалению, получил вот тот самый визит гостей, который так печально закончился.

Я не связываю напрямую заявление и факт нападения. Но с другой стороны, понимаю, что, раз попытка быстро его осудить и оказать на него давление усилиями правоохранительных органов и суда закончилась ничем, вполне возможно, что они просто перешли к давлению не через прокуратуру, а через кого-либо еще. И это, пожалуй, самый важный момент, дело в том, что следствием по делу Бекетова занимаются правоохранительные органы, которые Бекетова незаконно преследовали за клевету и преследуют до сих пор – дело же ведь никто не отменял, он

и сейчас находится под судом за клевету. Дело расследуют те же самые органы, которые обвиняли его в клевете. Более того, это те самые органы, которые он сам обвиняет в совершении не должностного проступка, а именно преступления. Получается, что они объективно должны расследовать и проявлять рвение в отношении потерпевшего, который их же обвинял. Основная задача сейчас – это, конечно же, во-первых, перевод дела в федеральные следственные структуры, чтобы они находились вне пределов следственных органов того региона, который хотя бы административно должен отвечать за совершение зверского преступления против общественного деятеля. Во-вторых, подтверждение того факта, что это было покушение на убийство, а не просто какое-либо хулиганское нападение. Все эти тактические вещи – нормальная адвокатская борьба, которая ведется в рамках особо сложных дел.

Д.Р.: СМИ сообщили, что в совершении преступления подозревается бывший сотрудник милиции. Как Вы прокомментируете эту информацию?

С.М.: С этим человеком я лично беседовал. Он сам, можно сказать, и вышел на журналистов, и общался со мной. Но он утверждает, что не имеет никакого отношения к делу, что это подстава, выдвигает свои версии, но чисто гипотетические, именно предположения. Самое интересное, что, несмотря на этот слив, к нему никакие сотрудники милиции не приходили ни разу. Соответственно можно говорить о прямом сливе с целью ввести в заблуждение средства массовой информации и общественное мнение.

Д.Р.: Вы ведете дело Алексея Олесинова²⁶, антифашиста, арестованного за драку с охранником клуба «Культ». Не так давно по интернет-СМИ прошла информация о многочисленных нарушениях, допущенных в отношении него следствием. В чем, на Ваш взгляд, причины ареста Олесинова и в каком состоянии сейчас находится это дело?

С.М.: Дело более чем странное – по той причине, что реально-то дела никакого нет. У Олесинова была, еще в августе, небольшая стычка с охранником клуба. Подобные стычки в Москве бывают очень часто. По так называемому дресс-коду охранники не пропускают в клубы молодых людей, а молодые люди начинают возмущаться и пытаются прорваться. Таких людей было около сорока. Они стали возмущаться, началась толкотня с охранником. По показаниям и самого Алексея, и тех, кто там был, охранник сам первый нанес удар. У них завязалась легкая стычка, не закончившаяся ничем. Никаких травм, ни, как я понимаю, даже синяков ни у кого не было, а после этого уже сам Олесинов был задержан сотрудниками милиции, которые составили протокол об административном задержании, взяли с него разъяснения. Сделали нормально свою работу и отпустили. В крайнем случае – это административный проступок, за который можно наложить штраф или же, как в данном случае, отделаться выговором, что более чем распространено. И вдруг через два месяца возбуждается уголовное дело. По этому делу Олесинова не только задержи-

вают, но ему предъявляют обвинение. И более того – после этого его еще и арестовывают. Если двигаться такими темпами, то у нас скоро будут арестовывать за безбилетный проезд в общественном транспорте. Тем более что Алексей москвич и, естественно, никуда не собирался бежать. Тем более что он ранее не судим и за примитивное хулиганство у нас вообще как-то не принято арестовывать людей. Ну, если, конечно, вдобавок к этому хулиганству человек не совершил еще серию преступлений или же имел непогашенный срок. Все дело разъяснилось очень просто, когда я увидел два документа, на которые сейчас могу сослаться, потому что они были оглашены на суде по мере пресечения. Это постановление о привлечении в качестве обвиняемого и постановление о ходатайстве в выборе меры пресечения содержания под стражей. Первой же строчкой написано, что Алексей Олесинов является неформальным лидером движения антифа и это движение имеет противоправный характер. Там более сложная формулировка, но смысловая нагрузка именно такая. Поскольку это поставлено во главу угла, понятно, что его судят не за какую-то непонятную стычку с охранником, которая произошла давным-давно и за которую он уже понес административное наказание, а именно за то, что он участвует в антифа-движении. И кроме того, я совершенно не понимаю, почему следствие уже заранее решило, что антифа-движение носит антиобщественный характер. У нас вроде никаких решений судов по этому поводу не было. Из всех политических организаций я знаю такие решения по Национал-большевистской партии, но уж никак не по движению антифа. В связи с чем этот вывод сделалось следствие и почему это поставлено во главу угла, ну... пусть они попробуют ответить. До сегодняшнего дня никаких ответов нет. Остались только документы, указывающие, что человека обвиняют за то, что он является лидером антифа-движения, молодежной части, так скажем. И оказывается, за это он может быть не только обвинен, но и арестован.

Д.Р.: В ряде интернет-СМИ прошла информация, что это дело было объединено с делом об убийстве Федора Филатова²⁷. Правда ли это и с чем Вы связываете такой ход дел?

С.М.: Оно не объединено с делом об убийстве Федора Филатова, а связано с последующей серьезной дракой, которая была у того же клуба «Куль». Там действительно после этого была очень серьезная драка уже с тяжкими последствиями. Но даже оперативные работники говорят, что у человека могут быть два железных алиби: либо человек мертв, либо он сидит. В момент этой драки Алексей Олесинов сидел в УВД «Таганское» за вот эту вот мелкую толкотню с охранником. И присоединять его к этому делу – более чем странно. Разве что инцидент с охранником произошел приблизительно рядом с тем же местом, где потом была одна большая драка. Но в одном месте, к сожалению, может совершиться много разных преступлений в течение многих лет. Как, почему это определено, совершенно непонятно. Кроме того, совершенно непонятно, почему данное дело находится на личном контроле первого заместите-

ля министра внутренних дел, если, конечно, подтвердится информация, которую я знаю только из устных источников.

Д.Р.: То есть дело о хулиганстве теперь берет под личный контроль заместитель министра?

С.М.: Ну, наверное, у нас в стране нет более серьезных дел, чтобы первый замминистра МВД лично контролировал дело о хулиганстве. Я думаю, что это, наверное, такое особо значимое дело! А дела об организованной преступности, дела о тяжких преступлениях, ах – они не столь значительны. Далекое не каждое из них удостоивается личного внимания таких высоких персон.

Д.Р.: А информация об объединении дел Олесинова и Филатова? Она достоверна?

С.М.: Да, такая информация была. Она, видимо, связана с тем, что дело расследуется фактически тем же следовательским составом и в том же самом следственном отделе. Таким образом, можно говорить о фактическом объединении этих дел. Формально, может быть, они имеют разные номера.

Д.Р.: Вы достаточно давно занимаетесь вопросами, связанными с нарушением прав человека на Кавказе и в Закавказье. Не могли бы Вы рассказать о деятельности Вашего института на этом поприще?

С.М.: Я занимаюсь проблемами Северного Кавказа аж с 1994 года. В том году я первый раз выезжал в этот регион – был в Северной Осетии, в Ингушетии, в Пригородном районе, в зоне осетино-ингушского конфликта. На тот момент первая война в Чечне еще не началась. Она началась 11 декабря. Но тогда уже были столкновения внутривосстановительского характера, связанные с «лабазановцами» и «гантемировцами». В любом случае, тема Кавказа оказалась в сфере деятельности института в силу ее особой значимости и особой напряженности. Может быть, просто несколько менялась направленность интересов. Там, где наиболее сложная ситуация, – там мы активнее всего работали. На протяжении многих лет, конечно же, основным пунктом приложения усилий была Чечня. Совсем недавно – Ингушетия, в связи с последними событиями, убийством Евлоева²⁸ и т. д. Кстати, во всех делах, связанных с Кавказом, как в ведущихся на Кавказе, так и выходящих в других регионах, но непосредственно затрагивающих кавказскую реальность, работал я лично либо адвокаты из моего института. Я просто перечислю: дело Буданова (работал я), дело Ульмана (со стороны потерпевших работала наш адвокат Тихомирова, я не знаю, каково сейчас состояние этого дела, может быть, и работает до сих пор), дело по убийству Евлоева (работает наш адвокат Магомед Абу-бакаров). Дела, связанные с совершением особо значимых преступлений в Чечне, практически целиком охвачены нашими адвокатами. Я работал по делу «Кадета» – это федеральный офицер, омоновец, осужденный непосредственно в Грозном за тяжкое преступление, когда еще на улицах продолжались боевые действия. И тогда уже удалось начать восстанавливать судебную систему в Чечне. Сейчас активно работаем по осетино-

грузинскому конфликту. И вот последнее наше крупное мероприятие: нам удалось провести большую конференцию по проблемам Северного Кавказа на Социальном Форуме в Мальме, где произошла уникальная вещь. Представители Южной Осетии и Грузии смогли не только демонстративно пожать друг другу руки, но и договориться о целом ряде практических вещей для ликвидации последствий конфликта.

Д.Р.: Это представители каких-то конкретных общественных организаций? Каких договоренностей удалось достичь?

С.М.: Вся конференция проходила под эгидой нашего института. Там были представители Южной Осетии, Абхазии и Грузии. Но доминировала в связи с войной тема Южной Осетии и Грузии, естественно. Партнерами с западной стороны, поскольку это общая практика социальных форумов, выступали наши давние коллеги – «Профсоюзный конвой»²⁹. Это профсоюзная организация из Франции, мы их очень хорошо знаем, поскольку еще во время активных боевых действий в Чечне они не просто сплачивали гуманитарную помощь, чтобы ею спекулировали там на черном рынке, а пытались приехать в Чечню и раздать ее там нуждающимся. Мы предоставляли им своих юристов в качестве «сталкеров», проводников в Чечню, чтобы они смогли провести французскую делегацию. Что касается представителей из Южной Осетии и Грузии, то здесь также сложились тесные отношения. Причем это не были какие-то маргиналы или заранее питающие к другой стороне симпатию. Достаточно сказать, что представитель Южной Осетии приехал на Социальный Форум в Мальме, только-только отвоёвав в Цхинвали. Насколько я знаю, он был ранен. Сейчас он легит зрение из-за последствий ранения. Что касается представителей Грузии, мы не очень хотим их раскрывать по одной простой причине. Ситуация в республике, к сожалению, достаточно накалена, и те, кто активно общается с российскими представителями, уже имеют определенные проблемы. А уж те, кто соглашается общаться и общается с представителями Южной Осетии и Абхазии, тем более рассматриваются властными структурами как нежелательные элементы. Я отнюдь не собираюсь обелять российскую сторону, но это грузинские реалии. А я гражданин России, а не Грузии. Поэтому коллег из Грузии, какие организации они представляют и как их зовут, раскрывать не буду.

Д.Р.: Какова специфика дел, которые приходится Вам как адвокату и Вашим коллегам вести на территории Чеченской республики?

С.М.: Это одно из наших профильных направлений. Достаточно сказать, что в Чечне я бываю приблизительно раз в месяц, может быть, раз в полтора месяца. Плюс в соседних регионах (Дагестан, Ингушетия, Осетия). Дела там имеют всегда особый характер и особую сложность. Достаточно сказать, что на территории Чечни за последние несколько лет убиты шесть адвокатов. Плюс к этому надо учитывать, что там произошла полная деградация правовой системы. На протяжении более десяти лет у них не было никаких судов, даже столь неразвитых и достойных критики, как у нас в России. У них были какие-то суррогатные

правовые системы вроде шариятского права или там полевых судов. Но к нормальному суду они не привыкли, и приходится ломать тенденцию, когда адвоката рассматривают только как посредника во взятках, чловека, который принесет конверт следователю.

Д.Р.: А в каком случае в ход дела вмешиваются Ваши представители?

С.М.: В основном это происходит через дела, что имеют особую значимость для положения в Чеченской республике или могут оказать влияние на ситуацию с правовой системой вообще, в самой ли Чечне или во всей России. Ну, понятно, что это такие дела, как дело Буданова, дело Ульмана³⁰... Они оказывают влияние на всю общероссийскую правовую ситуацию. В то же время, поскольку наши люди на Кавказе постоянно там работали, а люди там проверяются на тех делах, где они реально рискуют, и очень часто рискуют собственной безопасностью, в Чеченской республике и в соседних регионах мы имеем, пожалуй, самое боевое и крепкое отделение нашего института и в профессиональном, и в личном плане.

Д.Р.: Там работают филиалы Вашей организации?

С.М.: Да, безусловно. Филиалы имеются в достаточно большом количестве регионов Российской Федерации. Более того, надо учитывать, что ряд организаций вошли к нам именно как коллективные члены, как адвокатские объединения. А поскольку работа идет всегда через людей – данное отделение является сильным и серьезным.

Д.Р.: Читая материалы сайта Института верховенства права, я натолкнулся на весьма интересный материал о деле бывшего боевика чеченских сепаратистов Заура Мусиханова. Что бы Вы могли сказать об этом деле, в каком состоянии оно находится в настоящее время?

С.М.: Начну с конца. В плохом состоянии. Мусиханов сидит. Два слова об этом деле. Особая проблема в Чечне, к сожалению, малоизвестная в России, но очень острая – это вопрос неприменения амнистии, или вернее сказать, выборочного применения амнистии. Людям, которые приходят из сепаратистских боевых структур, предлагают на выбор либо переходить в официальные военные формирования кадыровцев, либо на них заводят уголовное дело и сажают как «бандитов». При этом не имеет значения, что человек реально совершил. Был ли он мародером, реально ли бандитствовал, расстреливал пленных или же, как в случае Мусиханова. Он находился в составе вооруженного формирования лишь около двух месяцев и за это время успел вырыть окоп, куда бегал с автоматом, но никаких серьезных преступлений за ним не числилось, даже по данным наших силовых структур. В этом случае можно доверять этой информации, так как понятно, что наши силовые структуры не стали бы обелять чеченца. Пошел он в незаконное вооруженное формирование тоже по понятной причине. Во время бомбардировок Урус-Мартана у него погибло одиннадцать родственников сразу³¹, за одну минуту. После этого он ушел в незаконное вооруженное формирование. Побыв там два месяца, он понял, что это не его дело, вернулся домой и зарыл автомат. По официальным источникам, все патроны, которые у него были, остались

нерасстрелянными, что еще раз доказывает, что он не принимал участия в боевых действиях. Чем это дело уникально? Ситуация, к сожалению, распространенная. Узнав об амнистии, он пришел в милицию и написал заявление. Однако вместо амнистии был объявлен бандингом и получил длительный срок лишения свободы – 10 лет. За что он сидит – совершенно непонятно, все оправдывающие его сведения находятся даже в приговоре суда. Более того, прошла вторая амнистия, в которую должны были быть включены статьи, которые были ему вменены. Самое удивительное, что суд просто забыл о состоянии амнистии и узаконил практику ее выборочного применения. Получается, что человек, который лоялен власти или может заплатить, получает амнистию. Тот, кто просто не хочет дальше воевать, хочет уйти от ношения оружия, от боевых действий, оказывается в зоне. И ситуация очень плохая, потому что Мусиханов продолжает отбывать свой срок. На примере этого дела можно выявить, что применение амнистии в Чечне не содействует урегулированию ситуации. С одной стороны, уходят от ответственности реальные бандиты, с другой – применяют санкции и очень серьезные наказания в отношении лиц, как раз достойных того, чтобы они находились на свободе.

Д.Р.: Насколько я знаю, Ваш Институт и Вы лично неоднократно вели дела, связанные с профсоюзами и трудовыми конфликтами. Есть ли сейчас какие-то судебные дела с подобной спецификой, достойные упоминания?

С.М.: Могу рассказать очень интересный анекдот. Буквально анекдот, но взятый из жизни. Я как-то общался со своим коллегой из Испании, и, рассказывая в частной беседе об особенностях своей работы, я спросил: какие категории адвокатов являются наиболее элитными в Испании. Я ожидал услышать «специалист по налоговому праву, финансовым спорам, корпоративным конфликтам, экономическим преступлениям». Но я услышал, что это специалисты по трудовому праву и трудовым конфликтам.

Д.Р.: А почему так? Это так денежно? Или их просто мало? Да так мало, что приходится их искать?

С.М.: Я крайне удивился, потому что, если сейчас ради интереса вы пройдете мимо объявлений адвокатских и юридических консультаций по оказанию услуг, очень часто увидите приписку: «Кроме трудовых дел и дел по социальному обеспечению». Это общераспространенная приписка. Ситуация очень простая. Если у нас возникает спор между работником и работодателем, то судится лично слесарь Пупкин и какой-либо работодатель. Естественно, у слесаря Пупкина никогда не было нормальных денег на адвоката. Естественно, суд почему-то всегда пристрастен в пользу работодателя. Странная тенденция, но вполне обычная. Если там возникает конфликт и доходит до испанского суда, то с одной стороны всегда выступает профсоюз, который имеет возможность организовать очень хорошую кампанию в защиту своих членов и юридическую поддержку, а с другой – выступают объединения и ассоциации работодателей. Уровень конфликтов сразу переходит совершенно в другую плоскость и

совершенно на другой качественный уровень. Мы активно работали и до сих пор сотрудничаем в сфере трудового права, но не можем делать это своей профильной областью, поскольку она до сих пор является сферой просто невыгодной, хотя у нас есть и специалисты по трудовому праву, и люди, которые работают в этой области. Более того, я был рецензентом действующего Трудового кодекса и тогда еще в стенах Госдумы проводил правовую конференцию, давшую резко отрицательную оценку Трудовому кодексу, по которому мы сейчас – не могу сказать «живем»... По нему невозможно реально проводить трудовые отношения, которые у нас формально присутствуют. Мы проводили целый ряд дел, связанных с профсоюзными конфликтами. Пожалуй, одно из самых интересных дел – связанное с контролерами на железнодорожном транспорте³², их увольнением, где из-за частного факта нарушения по увольнению удалось поменять ситуацию в стране вообще, связанную с массовым незаконным побором с граждан. Один вопрос: если вы опаздываете на электричку и не покупаете билет, а мимо проходит контролер, имеет ли он право с вас брать штраф помимо стоимости билета? А теперь стоит подумать: берет он штраф, а РЖД же у нас ОАО, т.е. частное предприятие. Это что ж получается: государственные штрафы у нас берет частное лицо в интересах частной кампании, а в бюджете, в доходной статье государственных и муниципальных органов нет такой графы, как получение денег от штрафов за незаконный проезд на электричках. Суммы оказываются просто астрономические, поскольку у этих контролеров и ревизоров даже был план по снятию штрафов. И если они не выполняли его, то их уже самих штрафовали за невыполнение рабочих обязательств. Ситуацию удалось переломить так, что сейчас штрафы с граждан не берутся, берется, естественно, стоимость проезда, и квитанция выдается за оказание услуг по продаже билета прямо в электричках. Эта сумма значительно ниже, чем стоимость штрафа. Одним частным случаем удалось сэкономить многим и многим сотням и тысячам людей деньги, которые раньше шли неизвестно куда. Это частный пример трудового конфликта, который рассматривался в пределах нашего института.

Д.Р.: Ваша деятельность распространяется и на Белоруссию?

С.М.: Беларусь была зоной приложения наших усилий, когда там были особо напряженные отношения и конфликты. К сожалению, сейчас ситуация для работы в Белоруссии крайне неблагоприятная, поскольку независимую адвокатуру фактически задавили. Там есть адвокаты, полностью подчиненные государственной юридической системе, а те независимые, которые остались, боятся входить в сколько-нибудь серьезные дела, потому что их просто лишают лицензии, они остаются без работы.

Д.Р.: Серьезные дела какого рода?

С.М.: Имеющие общественный характер. Адвокаты остаются без лицензии, поэтому вести там активную работу крайне тяжело. Я могу даже сказать, что в рамках Дня единых действий удалось провести конференцию в Минске³³ 24–26 января 2008 года. И то она прошла с огром-

ными сложностями. Неоднократно приходилось покидать помещение, где должна была проходить конференция, многих активистов и просто людей, приехавших туда, отнюдь не протестных деятелей, а юристов, снимали с автобусов и поездов, не давали проехать. И мы вынуждены были проводить конференцию в полуподпольном режиме. Хотя конференция планировалась как исключительно мирная, скорее юридическая, научно-практическая. Там собирались активисты социальных движений, профсоюзов, юристы. Это уж никак не протестное «сборище», тем более не митинг! Но даже такого уровня активность сложно проводить в Белоруссии. В Белоруссии у нас остается отделение, но, к сожалению, остается тенденция к оттоку людей. Так, например, один из наиболее активных наших юристов работал в Белоруссии, но сейчас собирается переехать в Литву. Ему просто не дают работать. С другой стороны, представители Белоруссии по линии нашего института ездили с нами в Мальме и очень активно принимали участие во всех мероприятиях.

Д.Р.: Ну и заключительный вопрос. Есть ли надежда на рост Вашего института, подобных юридических инициатив, работающих по социальным конфликтам, по нарушениям прав простых смертных?

С.М.: Есть циничная юридическая поговорка: «Надежда умирает под следствием». Я, конечно, не хотел бы заканчивать нашу беседу на такой пессимистической ноте. Хотя и говорится, что пессимист – это хорошо информированный реалист, но реальные возможности и планы, которые у нас имеются, – несовпадающие величины. И мы вынуждены ограничивать возможности своей деятельности по целому ряду причин. По финансовой причине, так как мы – организация, не имеющая внешних источников финансирования вообще. Почти единственный источник финансирования деятельности института – адвокатские гонорары, мои и моих коллег. Это и организационные причины: люди просто не хотят рисковать. Это и постоянное противостояние прессу, особенно в регионах.

Давление идет совершенно с разных сторон. Поэтому каждый раз приходится не просто работать и осуществлять социальные проекты, а именно преодолевать возникающие трудности.

Опубликовано на сайте www.rabkor.ru

Примечания

¹ Сергей Назаров – военный прокурор, полковник юстиции, обвинитель на процессе Буданова, весной 2002 г. уволен со службы.

² Абдулла Хамзаев (1937–2004), бывший прокурор, затем – адвокат, по «делу ГКЧП» защищал Г. Янаева, представлял потерпевших на процессе Буданова.

³ Милованов Владимир Васильевич, 1956 г.р. В 2002 г. – помощник Главного военного прокурора, обвинитель на процессе Буданова, с 2004 г., военный прокурор Северо-Кавказского военного округа, генерал-лейтенант.

⁴ Печерникова Тамара Павловна (1927–2007) – психиатр, с 1950 г. и до смерти в 2008 г. работала в Институте общей и судебной психиатрии им. Сербского. Получила известность в 1970-х причастностью к практике «карательной психиатрии», участием в комиссиях, которые объявляли сумасшедшими инакомыслящих, в т. ч. Наталью Горбаневскую и Вячеслава Игрунова.

⁵ Игрунов Вячеслав Владимирович, 1948 г.р., участник диссидентского движения, распорядитель Одесской библиотеки Самиздата, политзаключенный, в 1975–1977 гг. был принудительно помещен в психиатрическую больницу. В комиссии Института им. Сербского, признавшей Игрунова невменяемым, участвовала И. Печерникова. В 1993–2003 – депутат Государственной думы РФ.

⁶ Морозов Георгий Васильевич, 1920 г.р., психиатр, с 1946 г. и по настоящее время работает в Институте общей и судебной психиатрии им. Сербского, в 1957–1992 гг. – директор Института. Получил известность в 1970-х как организатор практики «карательной психиатрии», объявления инакомыслящих сумасшедшими. С 1992 г. ведущий консультант Института им. Сербского.

⁷ 5 марта 2000 г. в с. Комсомольское спустился с гор крупный чеченский отряд под командованием Р. Гелаева. Выпешдшие из села мирные жители были размещены федеральными войсками перед позициями в качестве «живого щита». В ходе боев, затянувшихся на три недели, большинство из боевиков были убиты, а село полностью разрушено.

⁸ Политковская Анна Степановна, (1958–2006) журналист, в 1994–1999 гг. работала в «Общей газете», с 1999 г. – в «Новой газете». Статьи Политковской отличались острой социальной и гуманистической направленностью. С началом «второй чеченской войны» ее главной темой стал Кавказ. С 2001 г. по разным делам систематически работала с Маркеловым. Убита 7 октября 2006 г. в подъезде своего дома. Предполагаемые пособники убийцы были арестованы, предстали перед судом, но были оправданы присяжными.

⁹ Чудова Валентина Павловна – судья Мособлсуда, персонаж статьи А. Политковской «Приветствие оговор в исполнении: Судья придумала все доказательства убийства». Чудова обвинила Политковскую в клевете в отношении судьи (ст. 298 УК РФ) и в неуважении к суду (ст. 297), но возбужденное уголовное дело было прекращено в связи с отсутствием состава преступления.

¹⁰ Сулягин Игорь Вячеславович, 1965 г.р., кандидат исторических наук, зав. сектором Института США и Канады РАН. Политзаключенный: в 1999 г. арестован ФСБ, обвинен в государственной измене (ст. 275 УК РФ), в 2004 г. осужден на 15 лет строгого режима. Приговорен за действия, с точки зрения законодательства уголовно не наказуемые, – по сути, за цитирование открытых источников. Следствие и суд сопровождалось многочисленными нарушениями. Жалоба Сулягина признана приемлемой Европейским судом по правам человека.

¹¹ Несерхоева Яха Халидовна, 1959 г.р., чеченка, экономист, жительница Москвы. 23–26 октября 2002 г. – заложница «Норд-Оста», после штурма концертного зала в бессознательном состоянии доставлена в больницу. 28 октября переведена в тюремную больницу по подозрению в причастности к террористам. 3 ноября в дело вошел С. Маркелов, 5 ноября Несерхоева была освобождена из СИЗО, с нее были сняты все обвинения.

¹² Комаров Михаил Викторович, 1973 г.р., 2001–2005 гг. зам. главного редактора «Новая газета – Рязань». В 2002 г. был обвинен в клевете на местного предпринимателя С. Кузнецова. 3 ноября 2003 г. Комаров выиграл у Кузнецова гражданский процесс. В тот же вечер он был жестоко избит в подъезде своего дома. С. Маркелов бесплатно защищал Комарова по делу о клевете, привлек к делу внимание федеральных СМИ. В 2004 г. судья С. Болотов, ведущий процесс, взял самоотвод, в дальнейшем лишен судейского статуса. Сменивший его судья закрыл дело. Кузнецов эмигрировал в Англию.

¹³ 12 декабря 2008 г. Государственная Дума РФ приняла в третьем чтении поправки в

- Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, выводящие из ведения суда тяжких и особо тяжких преступлений: терроризм, захват заложников, организация незаконных вооруженных формирований, шпионаж, государственная измена, насильственный захват власти, вооруженный мятеж, диверсия, массовые беспорядки. «Массовые беспорядки» – ст. 212 УК РФ.
- ¹⁴ Дубов Александр Юрьевич – судья Димитровградского горсуда.
- ¹⁵ 13 января 2000 г. Ваха Титаев, Сайд-Магомед Дельмуханов, Хусейн Дидаев и Висит Арснукаев были незаконно задержаны на блок-посту у с. Дуба-Юрт Шалинского р-на. По словам свидетелей, вскоре туда подъехал Буданов, чей 160-й танковый полк дислоцировался неподалеку, и увез их. 25 февраля у селения Танги-чу, куда к тому времени передислоцировался 160-й полк, военные выбросили на кладбище три истерзанных тела. Только в начале мая по особым приметам и остаткам одежды в них были опознаны Арснукаев, Дидаев и Титаев. Первоначально уголовное дело было возбуждено, но вскоре приостановлено, в феврале 2009 г. снова возобновлено, а в июне СКП заявил, что причастность Буданова к похищению и убийству людей «не подтвердилась».
- ¹⁶ Двадцатипятилетний Зелмхан Мурдалов был задержан 2 января 2001 г. в Грозном сотрудниками Октябрьского ВОВД, и «исчез». Расследование, предпринятое его отцом, Астамиром Мурдаловым, и грозненской сотрудницей «Мемориала» Натальей Эстемировой, позволило установить, что его пытал до полусмерти, а затем вывез в неизвестном направлении Сергей Лапин (позывной «Кадет») – командированный в Чечню милиционер из Нижневартовска. Об этой истории написала в «Новой газете» Анна Политковская. «Кадет» стал ей угрожать, по факту угроз было возбуждено уголовное дело, представителем Анны стал Станислав Маркелов. Уголовный процесс, связанный с «исчезновением» Зелмхана, где основным обвиняемым был Лапин, получила широкую огласку. Вместе Эстемирова, Политковская и адвокат потерпевшего Маркелов добились осуждения одного виновного в одном из тысяч «исчезновений» времен «второй чеченской». 29 марта 2005 г. Октябрьский районный суд г. Грозного признал Лапина виновным и осудил на 11 лет лишения свободы.
- ¹⁷ В помещении бывшего РУБОПа находилось образованное на его базе Оперативно- розыскное бюро № 2 Северо-Кавказского оперативного управления Главного управления МВД России в Южном федеральном округе. ОРБ возникли в 2001 г. при управлениях МВД. Сотрудники ОРБ-2 в Старопромысловском р-не Грозного – преимущественно этнические чеченцы. Там находилось одно из наиболее известных в Чечне мест незаконного содержания задержанных и арестованных, к которым применялись жестокие пытки.
- ¹⁸ Адвокаты Сергея Лапина обжаловали приговор Октябрьского суда г. Грозный в порядке надзора. 17 января 2007 г. Верховный суд РФ вернул «дело “Кадета”» для повторного рассмотрения в новом составе суда. 27 ноября 2007 г. Октябрьский суд г. Грозный вновь признал Лапина виновным и осудил на 10,5 года лишения свободы.
- ¹⁹ Баталов Саид-Хамза, помощник городского прокурора, свидетельствовал в суде. Он рассказал, что при вызове сослуживцев Лапина в прокуратуру туда на БТРах приехал целый отряд из Октябрьского ВОВД, который «устроил форменный погром».
- ²⁰ Подробнее см.: с. 258 в воспоминаниях Л. Пономарева. В январе 2009 г. было возбуждено второе дело против Яриллиной, ее взяли под стражу, но в марте освободили под подписку о невыезде. В январе 2010 г. расследование было завершено, материалы переданы в прокуратуру для утверждения обвинительного заключения.
- ²¹ После публикации в «Новой газете» статей о похищении Мурдалова Лапин угрожал Политковской.
- ²² Магомедсалах Масаев, 42 года, исламский проповедник, 30 сентября 2006 г. был задержан в мечети, до 21 января 2007 г. находился в незаконной тюрьме. После освобождения добился возбуждения уголовного дела, по которому был признан потерпевшим. Намеревался подавать жалобу в Европейский суд по правам человека, в этом ему согла-
- сился содействовать С. Маркелов. 3 августа 2008 г. был похищен в Грозном и «исчез».
- ²³ СК при Прокуратуре РФ был выделен из Прокуратуры указом президента В. Путина № 1004 от 1 августа 2007 г., начал функционировать 7 сентября 2007 г.
- ²⁴ Состоявший из этнических чеченцев батальон спецназа ГРУ «Восток» был сформирован в 2003 г. на базе отрядов братьев Ямадаевых, перешедших на сторону федерального центра в конце 1999 г. Расформирован 8 ноября 2008 г.
- ²⁵ Бекетов Михаил Васильевич, 1958 г.р., главный редактор «Химкинской правды». Газета неоднократно выступала против решения администрации по поводу статуса Химкинского леса. После публикации Бекетова о сносе могил погибших летчиков на Ленинградском шоссе, был взорван его автомобиль. Бекетов обвинил в причастности к взрыву главу администрации Химок В.В.Стрельченко. В феврале 2008 г. тот подал иск о клевете. 13 ноября 2008 г. Бекетов был жестоко избит неизвестными, получила инвалидность 1-й группы.
- ²⁶ Олесинов Алексей Федорович (Шкобарь), р. 1985, один из лидеров московских антифа, арестован 6 ноября 2008 г., и по сфабрикованному обвинению осужден 21 апреля 2009 г. на год лишения свободы.
- ²⁷ Филатов Федор Васильевич (Федяй), (1981–2008) – один из лидеров московских антифа. Убит утром 10 октября 2008 г. у подъезда своего дома тремя неизвестными членами ультраправой группировки. За год следствие не продвинулось: задержанные 12–13 января 2009 г. по подозрению в убийстве, были освобождены 15 января.
- ²⁸ Евлоев Магомед Яхъяевич, (1971–2008) – владелец сайта Ингушетия.Ру, в 2007–2008 гг. – единственного независимого СМИ в республике, один из лидеров протестного движения. 31 августа в аэропорту «Магас» был насильно посажен в машину охраны президента М. Зязикова и убит «случайным» выстрелом в голову.
- ²⁹ Профсоюзный конвой (Convoi Syndical) – гуманитарная инициатива французских левых активистов, действовала на Балканах с 1994 г., на Северном Кавказе – с 2000 г. <http://convoisyndical.free.fr>.
- ³⁰ Ульман Эдуард Анатольевич, 1974 г.р., капитан, командир группы спецназа ГРУ. 11 января 2002 г. захватил шестерых мирных жителей, затем отдал приказ расстрелять их и сжечь тела. Группа Ульмана арестована 14 января. Дважды, в 2004 и в 2005 гг., оправданы судом присяжных, оба раза Верховный суд отменяя приговор. Находясь под подпиской о невыезде, скрылись перед оглашением 14 июня 2007 г. приговора Северо-Кавказского окружного военного суда.
- ³¹ «По словам беженцев из Урус-Мартана, 2 октября 1999 г. бомба попала в подвал, где прятались люди; погибли по крайней мере 6 членов семьи Керимовых: Хасан 46 лет, его жена Марьям 26 лет, их сын Зураб 2 лет, Адаан 39 лет, его жена Бирлант 36 лет, их дочь Рита 13 лет. В подвале также погибли беженцы из Ведено Алгиреев Лечи 43 лет и Дунаев Казбек 37 лет. В подвале своих домов убиты также Джанаралиева Асет 36 лет и Расуев Абуязид 49 лет» //«Точечные удары». М.: Звенья, 1999. www.memo.ru/hr/news/gr-10-99.htm.
- ³² Принуждение контролеров к поборам с пассажиров и разнообразные нарушения трудовых прав железнодорожников. Первое известное публичное выступление С. Маркелова по этому поводу состоялось 15 февраля 2005 г. на пресс-конференции в Независимом пресс-центре. Подробнее см. в интервью Маркелова А. Бикбову о профсоюзном движении (с. 120.)
- ³³ Социально-правовая конференция, организованная белорусским отделением Института верховенства права, прошла 26 января 2008 г. в Минске в рамках Всемирного Дня единых действий «За гражданские права и социальную справедливость».

Часть 2 В РОССИИ

После летаргического сна

Россия после 90-х годов похожа на человека, проснувшегося после летаргического сна, полного кошмаров. Он рад, что выжил, что кошмары бандитского лихоletья рассеялись, но совершенно не понимает, кто он, куда идет, и с трудом ощущает почву под ногами. В таком положении его главным утешением становятся воспоминания о времени до летаргического сна с приукрашиванием всей жизни наподобие розового беспроблемного детства.

Ценностное различие подходов и идей в России определяется тем, насколько они продлевают летаргический сон, — лишь на 90-е годы или затягивают на весь период до 1917 года. Соответственно и клюквенно-романтические воспоминания касаются советской пионерской молодости или доброго царя-батюшки, почему-то доведшего страну до поражения во всех войнах и череды революций.

При этом реальное положение России сейчас никак не соответствует хотя бы минимальным потугам на реставрацию краснознаменно-маршматической власти КПСС или же соборно-православного ретроградства.

Попробуем с позиции врача, увидевшего очнувшегося человека, а не воющей по России кликуши, определить социально-экономические возможности развития страны на данном этапе именно в тех условиях, в которых она оказалась. Как и у классического героя на распутье, возможностей развития у России четыре — точно по сторонам света. По русской традиции, где запад, где восток и кому теперь поклоняться — пусть каждый определяет сам.

Итак, путь первый — открытое разваленное общество. Увидев, к чему привело его открытое идеологическое общество, Пошпер¹ сразу бы отказался от авторства своей знаменитой книги. В сочетании с идеями Хайека и Фридмана² открытое общество стало похоже на придорожный кабак во время эпидемии чумы. Глобализация привела к тому, что все мировые болезни сваливаются на голову России, а от внутренних язв она не только не избавляется, но в сочетании с зарубежными поветриями

они превращаются в смертельный недуг. Об этом можно говорить уже не в качестве прогноза, это та самая модель, которую насильственно навязала нам власть, мафия и олигархия в 90-е годы. Впрочем, по степени значимости эту триаду следовало бы перевернуть, добавив либеральную идеологию, которую вбивают в голову народа подвластные СМИ для полного препарирования мозгов.

Продолжение такого пути означает полную открытость экономики для всех западных товаров, прежде всего низкосортных, поскольку их удобнее всего скидывать в страну, превратившуюся в потребительскую мусорную яму. Рабочая сила не нужна по факту, тем более квалифицированная. Поэтому население оказывается перед вполне демократическим выбором: бежать из страны или деградировать здесь путем усиленной дружбы с паленой водкой. Основные производственные мощности вызывают интерес только как продукция сбыта, причем по демпинговым ценам и за рубеж. Соответственно вызывают интерес лишь специалисты, способные поддержать торговые спекуляции и наладить отношения с властью. Последней отдается роль ночного сторожа, охраняющего воров. Выбор этого пути, а скорее его продолжение, автоматически означает социальную ситуацию в виде «политики бантустанов» с войнами между местными кланами по разделу сфер влияния, а-ля Грузия или Таджикистан в 90-е годы. Впрочем, более далекие примеры Заира, Афганистана или Сомали оказались бы в этом случае более точными.

Сегодняшняя власть, пекущаяся о своем достоинстве и даже величии, никогда не пойдет на продолжение этого пути и пытается всеми силами ликвидировать последствия 90-х. Исключения составляют фигуры проводников такой политики в российское лихоletье конца XX века. Их личная неприкосновенность и даже почитание становятся понятными ввиду того, что одним из идейных оснований нынешней политики является преемственность. А охаивание прежних властителей создает повод для такого же неуважительного отношения к нынешней власти и нарушает древний византийский принцип царственной передачи полномочий новому Базелевсу.

Интересно, что в этом плане современная ситуация радикально отличается от российских традиций XX века и даже предыдущих веков, где каждая новая власть строилась на руинах предыдущей. За все время XX века только один длительный властитель оказывал внешнее почтение предыдущему. Как вы помните, Сталин всегда позиционировал себя как преемник и продолжатель дела Ленина. Ленинской гвардии от этого лучше не становилось, и она плавно пошла под нож вместе со всем делом Ильича.

«Византизм» в отношении курса 90-х годов, при всем возведении в святость стабильности и традиций, означает, что Россия лишается глотка относительной свободы, что была характерна для короткого периода прихода новой власти и развенчания прежней.

Начало нового пути было видно после глобального экономического кризиса 1998 года, когда тотальное разрушение системы спекулятивной

экономики, социально добив наших сограждан, позволило расчистить место для новых, намного менее паразитических экономических структур. «Время банановых королей» означает, что страна живет за счет своего достаточно мощного сырьевого запаса, обеспечивая процветание элите и более или менее приемлемое существование всему населению за счет сбрасывания крошек с царского стола. Такая система могла продержаться довольно долго, и на рубеже тысячелетий стало казаться, что она определит развитие России на ближайшие десятилетия. При ней бурно развивались добывающие отрасли. Входили в относительное благополучие регионы, богатые своими ресурсами, или же экономические центры, через которые велась торговля и управление деньгами и сырьем (в первую очередь Москва). Остальной России только и оставалось, что постепенно вымирать или переезжать трудоспособным составом в добывающие и преуспевающие области, чтобы прокормить членов семьи, которых угораздило родиться в неудачном месте.

Выбор «банановой республики» постепенно отдалялся по мере усиления центральной власти, и сейчас уже кажется абсолютно нереальным. Его рудименты поддерживаются на уровне все еще влиятельных, но постепенно рушащихся олигархий, которые пытаются ухватиться за либеральную идеологию как за последний щит своего безопасного существования. Но власть уже не хочет только материально процветать, а положение «банановых королей» означает сдачу всех своих критических полномочий мировым метрополиям в обмен на поддержку, безопасность и материальное суперблагополучие.

Признаемся, сегодняшняя российская власть не алчна, и экономический ресурс ей интересен только как один из основных рычагов влияния. Передавать кому-то свои полномочия она не собирается, у регионов реальную власть давно отняла, используя жупел террористической опасности, а с мировыми метрополиями поддерживает вооруженный нейтралитет, понимая, что сейчас реальная ссора ей не по силам. Но даже вооруженный нейтралитет выглядит смешно при отсутствии вооружения.

Что касается основного противника – олигархов, то, как сказано, кесарю почитание кесаря на монетах, а олигархам – оставшиеся монеты или пошив национального богатства в виде ваенок в далекой сибирской тюрме. Цитата из Священного Писания, конечно, не точная, зато очень верная по сегодняшним российским реалиям. Как раз олигархам и оставляют роль если не «банановых королей», то «банановых баронов» с гарантией материального благополучия и без всякой возможности влияния на власть. Попытка перейти эту черту жестоко карается (ЮКОС, Алекперов)³. Похоже, что тенденция ведет к тому, что «банановые бароны» превратятся в мелких «банановых удельных князьков» и останутся безграничными правителями только на своих предприятиях или среди девиц Куршевеля.

Более или менее независимую политику предполагают оставшиеся два пути. Один из них вызывает наибольшую злобу со стороны либера-

лов, и его проклинали все 90-е годы, чуть ли не как самое страшное наследие тоталитарной системы. То, что данная модель подняла экономику идеологически открытых и отнюдь не тоталитарных стран, естественно, замалчивалось как некоторое досадное недоразумение. Вариант закрытой дирижистской экономики на постсоветском пространстве наиболее полно реализовался в Беларуси в конце 90-х – начале 2000-х годов. И он позволил поднять экономику страны после шушкевичского мракобесия⁴, когда в стране творился инфляцизм, т.е. в отличие от России были не только заоблачные, недоступные для большинства потребителей цены, но еще и не хватало товаров на рынке. Такой путь, действительно, опасен переходом к политическому авторитаризму, что в классическом варианте иллюстрирует современная Беларусь. Но даже ее сегодняшняя политическая несвобода не сравнится с такими же показателями в экономически свободном Китае или в ряде республик Средней Азии и Закавказья.

Вариант «дирижизма» означает государственное регулирование экономики – активная дотационная политика в отношении социально значимых производственных отраслей, постепенный подъем хозяйственных связей, поддержание качества жизни для всего населения, пусть не на высоком, но на приемлемом уровне, тенденция к уравниванию доходов населения. Закрытость экономики от внешней экспансии неизбежно приводит к политическому столкновению с экономически более сильными зарубежными партнерами. Как уже говорилось, такая ситуация провоцирует положение «осажденной крепости» и может подталкивать власть к отмене политических свобод в целях единства общества для противостояния внешним угрозам. Однако при кейнсианских реформах Рузвельт сумел эту опасность избежать, несмотря на три президентских срока, а де Голля поправил французский народ, выйдя на улицы с лозунгом «10 лет достаточно»⁵.

Несмотря на вынужденную политическую независимость такой путь абсолютно не устраивает российскую власть сегодня. Он вынуждает идти не на «вооруженный нейтралитет», а именно на конфронтацию в той или иной сфере, поскольку охрана собственных социально-экономических интересов резко и больно ударит по доходам целого ряда экономических олигархий и стран, привыкших получать баснословную прибыль от России. «Неалчность» нынешней власти проявляется и в том, что она готова пожертвовать социально-экономическими интересами собственных граждан ради избежания конфликта, который может подставить ее под удар.

Главная причина отказа от закрытой дирижистской экономики с социальным уклоном, однако, содержится в другом. При таком пути претензии на статус великой державы становятся безосновательными, поскольку материальные средства распыляются по всему обществу и власть не будет обладать должными возможностями для сверхзначительного усиления своей мощи. Поэтому такой вариант сейчас даже не рассматривается, а чрезвычайно сконцентрированные у нас правящие круги (или лучше круг) ориентируются на иной вариант.

Модель «быстрого прорыва» в чем-то напоминает «большой скачок» Мао Дзе-дуна в Китае. Только в качестве топлива для скачка (к радости россиян) собираются использовать не человеческую силу, а материальный и властный ресурс. Проще говоря, финансовые влияния вместе с административной поддержкой направляются в те отрасли, которые позволяют совершить большой рывок в экономике и в кратчайшие сроки обосновать претензии России на статус великой державы. Отсюда такая любовь к нанотехнологиям и прочим новомодным научно-производственным фетишам, при том, что множество регионов до сих пор пребывает в абсолютной нищете.

Интересно сравнить возможные социальные показатели реализации двух последних путей независимого развития. При «быстром прорыве» экономические достижения намечаются большими и выполнимыми в более короткое время. Недаром целью развития России поставлена задача удвоения ВВП. Однако предполагается, что распределение экономических доходов между различными слоями общества и областями производства будет явно непропорциональным. Это означает не только сильнейшее социальное разделение, но и ситуацию социально-экономических провалов между ведущими и отсталыми регионами России. Границы между регионами станут обретать реальные очертания, а города все больше будут напоминать мегаполисы третьего мира с районами богачей и кварталами нищеты.

Казалось бы, что может быть лучше мгновенного и быстрого роста. Но большие скачки грозят большими неприятностями, возникающими не сразу, а по прошествии многих лет и даже десятилетий. Если сейчас социальная апатия, провоцируемая властью и насильственно привитая еще в 90-е годы, господствует среди населения, то это не означает, что социальных проблем становится меньше. Сегодня активность и протестные настроения ввиду социального ущемления уродливо проявляются в виде национальных преступлений. Они явно начнут перерастать в серьезные социальные бунты по окончании реализации «плана Путина» в 20–30-е годы нынешнего века. А в целом в XXI веке Россия может превратиться в страну перманентной социальной напряженности. Традиции тут ни при чем, но предполагаемый сейчас социальный разрыв, когда он оформится окончательно, будет требовать политической компенсации.

Региональный рост крупных производственных и перерабатывающих центров и наплевательское отношение к остальной России грозит перерасти в не менее тяжкие проблемы. О сегодняшнем отношении россиян к Москве не стоит и упоминать. Во всяком случае, о нем невозможно упоминать в цензурных выражениях. В том случае, если большинство регионов останутся на сегодняшнем уровне, а Москва перерастет в преуспевающий центр, во что выльется такое отношение, страшно и предположить. Но дело даже не в первопрестольной – Россия не только богата, но и страшна своими размерами. Даже такие небольшие страны, как Италия или Швеция, экономически страдали от необходимости про-

водить политику «кормления хромых уток», когда итальянская экономика работала на поддержание бедных южных регионов, а шведам упорно приходилось вливать деньги в их небогатый север. Известно, что итальянцы не знают, как поступить с «Лигой севера» Берлускони и тамошним сепаратизмом. В подобной ситуации оказалось множество вполне преуспевающих и идеологически свободных стран (Бельгия, Канада с Квебеком, Франция с Корсикой, Испания с Землей Басков и т.д.).

В истории известен пример еще одного государственного «лоскутного одеяла», Австро-Венгрии, которая тоже сделала акцент на сильную императорскую власть и поддержку ведущих регионов. Более слабые земли в конце концов проснулись, и – что-то мы не видим сегодня на карте крупнейшей страны в Европе⁶. Эта проблема сейчас убивается на корню путем централизации власти, она может быть длительной, но нереально, чтобы она продолжалась до бесконечности. Рано или поздно гайки у наработанного механизма начинают раскручиваться, тогда оказывается, что механизм не может держаться только на центральном управлении. А какие сдерживающие факторы будут у страны, изначально регионально разорванной на преуспевающую и депрессивную части?

Наш проснувшийся от летаргического сна человек пока не задается такими вопросами, и власть неуклонно ведет его в нужную сторону. Самое обидное не то, что он наконец стал двигаться, – а его идеологический самообман, когда перед глазами мельтешат либо власовские «матрасы» с портретами опальных воров-олигархов, либо кумачи с прежними кроваво-красными диктаторами, либо хоругви с имперскими тряпками. Не видя реального выбора, люди, только-только почувствовавшие хоть какую-то социальную стабильность, мечутся между этими заплесневелыми манекенами, не зная, у какого иконостаса набраться великих державных ценностей. А вдруг общество действительно поверит в средневековые византийские бредни, давно почившие на кладбище, и под новый экономический скачок подымет очередную хоругвь, чтобы устроить бессмысленную бойню а-ля Первая или Вторая мировая в XX веке? Злости и обиды за унижение 90-х годов сейчас более чем достаточно.

Опубликовано 23.06.2008 на сайте Институт Коллективного действия
и на сайте Института верховенства права

Не читайте эту книгу!

Рецензия на издание: Конституция Российской Федерации. М.: АСТ, Астрель, 2008 г.

Зачем эта книга вообще нужна? То есть не основной закон как факт – его надобность никто не отрицает, – а именно та самая тонкая книжечка, которая появилась на волне, мягко говоря, не вполне правомерных последствий сентябрьско-октябрьских событий 1993 г. и с тех пор регуляр-

но переиздается. Когда в одном из судов мой крайне законопослушный подзащитный попытался прямо в зале суда прочитать текст Конституции, его прервал властный окрик прокурора: «Конституция – документ рамочный и прямому применению не подлежит!». Отойдя от баталий того суда, я стал размышлять: а может быть, государственный защитник законности был прав? Может быть, в самом деле Конституция – документ не очень прямого действия, несмотря на то что в ней самой записано? Ведь факты в этом споре на стороне того прокурора.

А факты таковы. По своему принятию Конституция явилась документом *ad hoc*, т. е. документом, созданным к определенному событию. Она была вызвана к жизни необходимостью закрепить победу Президента и его окружения в путче 1993 г. Она стала знаком их победы. Но что если мы вдруг решим воспринимать Конституцию не как «священное писание» победителей, а все же попытаемся прочесть ее текст?

Начнем с нелюбимого либеральными правоведами права на труд. Статья 37 сразу же провозглашает: «Труд свободен». Что это такое, возможно, лучше объяснит врач-психиатр, нежели юрист. Если следовать тому же пути, следующую статью надо было начинать «отдых тоже свободен», «а социальное обеспечение вообще свободно от всех нас». Почему вдруг оказался свободен труд, а не работник, и от чего он свободен, остается неразрешимой загадкой. Возможно, такой заход призван добавить интереса при чтении.

Мне возразят, что это подводка к закрепленному праву на труд. Позвольте, какое право, где оно закрепляется? Как же, возразит внимательный читатель, часть 3 той же статьи: «Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены». А теперь обратите внимание, где стоит запятая. В нашей стране есть право на условия труда, а права на труд нам никто не обещает. Если имеется в виду гигиена и безопасность, т. е. охрана труда, то вообще-то об этом уже написано в ст. 7 Конституции, и авторы сознательно прибегают к тавтологии. Но чего не сделаешь, чтобы очаровать восторженных поборников демократии в 1993 г., чтобы позволить им с чистой совестью заявлять: у нас есть право на труд, как и любое другое право?

Впрочем, не следует подозревать авторов в обмане и злокозненности. Вот, например, в ст. 74 они искренне пишут: «На территории Российской Федерации не допускается установление таможенных границ». Посыл авторов абсолютно понятен, чтобы, например, между Владимирской и Рязанской областями какой-нибудь доброхот ненароком не поставил таможню, что было вполне актуально в начале 90-х гг. А теперь представьте себе границу РФ с любой другой страной, предположим, с Финляндией. Где находится таможенный пункт? А где ставят отметку об убытии или прибытии в нашу страну? Не происходит ли это, совершенно случайно, на территории РФ? Формально таможенная граница совпадает с государственной, да и то не всегда. Например, с Беларусью она вскоре была отменена (кроме транзита), что не мешало правоохранительным

органам вменять статью «контрабанда» за пересечение отсутствующей линии таможенного контроля. Но таможенные пункты всегда находятся на территории страны, так же как внутри взимаются таможенные сборы и пошлины. Если мы согласимся признать Конституцию актом прямого действия, значит ли это, что действие всех таможен следует признать незаконным?

Разделение властей в тексте Конституции – это вообще лебединая песня российской демократии. Вернее ее конца, поскольку формулу этого так называемого разделения по Конституции можно передать одной фразой: «Всю власть одному (Президенту), все остальное существует формально». Понятно, что ее текст, как и любой нормативный документ, у нас привыкли делать под конкретных лиц. Правда, лица имеют обыкновение стареть, чахнуть, терять полномочия и покидать этот мир, а с оставшимися документами приходится жить нестрембимому никакими реформами «многонациональному народу Российской Федерации».

Сейчас этот народ может долго гадать, например, что такое федеральные округа и как они вписаны в систему региональных властей РФ. Главное при этом гадании – не обращать внимания на Конституцию, потому что там никаких федеральных округов попросту нет, и что это такое, наш основной закон не знает. Но попробуйте оспорить наличие федеральных округов в любом суде на основании текста Конституции, я буду долго смеяться над вашей попыткой.

Если вы посчитаете такое предложение безумием или провокацией, я не вполне с вами согласусь. Я же не предагаю вам выяснять полномочия, состав и вписанность в российский властный механизм Администрации Президента Российской Федерации. Вся ее роль в российской системе власти по нашей Конституции определяется одной строчкой, а именно пунктом «и» ст. 83: Президент РФ «формирует Администрацию Президента Российской Федерации». А что она делает? Для чего она? Зачем вообще нужна эта «тайная канцелярия», вам не сможет толком ответить ни один юрист-государственник. Зато каждый чиновник из аппарата российской власти об этом органе сможет прочесть лекцию. Хотя места для Конституции в ней, разумеется, не найдется. Любопытно, что Совет безопасности РФ удостоился в тексте Конституции точно такого же упоминания. Но для него есть хотя бы отсылочная норма: его статус определяется другим Федеральным Законом. Следовательно, для Совета безопасности должен быть отдельный Федеральный Закон. А чем должна руководствоваться Администрация Президента, не должен знать простой смертный законопослушный человек. Даже формально. Вот уж поистине «тайная канцелярия».

Я знаю, что мне ответят: «Закон суров, но это закон». Даже если этот закон глуп и не может быть применен. Но об отношении к такому законотворчеству можно судить по тому, как его уважают сами победители 1993 г. В течение месяца после принятия Конституции власть-победитель успела ее дважды нарушить: при роспуске Ленсовета и при

легитимации пребывания российских войск в Абхазии⁷. Я не касаюсь правильности или неправильности данных действий, меня интересует степень уважения к документу со стороны тех, кто только что его принял. Причем принял без учета разработок Конституционной комиссии, которая до этого несколько лет пыталась придумать новую российскую Конституцию. Ах да, ее возглавлял депутат О.Г. Румянцев, который в дни противостояния занял не ту сторону. Конечно, для конституционного процесса – это событие основное и, как говорится, обжалованию не подлежит.

По месту и по времени моя студенческая юность пришлось как раз на события, ознаменовавшие появление сего документа. Московская государственная юридическая академия находится в одном квартале от Белого дома, как раз через зоопарк. В этом зоопарке, глядя через кружку пива на его обитателей, лучше всего было вспоминать создателей основополагающего российского законодательного акта и их незабвенный победоносный опус.

Опубликовано 12 декабря 2008 г. на сайте
Института Верховенства права: www.ruleoflaw.ru

О положении в российской прокуратуре

Доклад Института верховенства права о положении в российской прокуратуре, посвященный выступлению Генерального прокурора Ю.Я. Чайки в Госдуме 15 ноября 2006 г.

За прошедший период значительные изменения в формах и организации деятельности системы прокурорского надзора явились прямым отражением как изменения отношений внутри страны, так и появления обновленной законодательной базы. Рубежом начала существенного реформирования системы прокуратуры можно считать введение в силу в 2002 году нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Эти изменения имеют на сегодняшний момент как положительные, так и отрицательные черты, оказывающие влияние на состояние обеспечения законности во всей стране.

В ходе данных изменений можно зафиксировать, что увеличилась значимость функции прокуратуры за контролем над деятельностью иных правоохранительных органов и административных государственных структур. Целый ряд возбужденных дел по обвинению в коррупции должностных лиц в различных регионах РФ демонстрирует усиление прокурорского надзора и существенно сокращение ранее «неприкосновенных» фигур и лиц. Вместе с тем передача в соответствии с новым уголовно-процессуальным законодательством некоторых существенных функций прокуратуры суду породила ряд не решенных на сегодняшний день проблем.

В частности, санкционирование основных действий следствия, таких как заключение под стражу обвиняемого лица и обыск в жилище, теперь предоставлено суду, а не прокуратуре. В результате возникла ситуация, когда отказов в применении меры пресечения в виде содержания под стражей стало несравнимо меньше, чем до введения в действие нового Уголовно-процессуального кодекса. Ранее вопрос о выборе меры пресечения решался органами прокуратуры, исходя из принципа доказанности, т.е. наличия реальной доказательной базы на момент избрания санкции обвиняемому. В настоящей момент суд решает вопрос о применении ареста без рассмотрения каких-либо доказательств, а только исходя из тяжести предъявленного обвинения, места жительства обвиняемого и т.д. К сожалению, сокращение полномочий прокуратуры в этом принципиально важном вопросе привело к тому, что вопрос о выборе меры пресечения стал, по сути, формальным.

Аналогичная ситуация произошла с передачей функции прокуратуры по санкционированию обыска в жилище суду. До внесения данного изменения ответственность за подобные следственные действия брали на себя органы прокуратуры, и потому использовали данную меру относительно осторожно, в настоящее время передача функции санкционирования обыска в жилище суду значительно облегчила применение данной радикальной меры и, по сути, сняла с работников прокуратуры ответственность за правомерность ее использования.

Одной из самых серьезных проблем, связанных с применением норм нового Уголовно-процессуального кодекса, явилась отмена института возвращения уголовных дел из суда в органы прокуратуры для проведения дополнительного расследования. Эта непродуманная мера привела не к увеличению оправдательных приговоров, как предполагали авторы кодекса, а к облегчению деятельности лиц, пытающихся использовать институт прокуратуры в коррупционных целях и осложнению исправления допущенных в ходе следствия ошибок. Например, при необоснованной переквалификации статьи обвинения на менее тяжкую суд уже не может исправить ошибку следствия, возвратив дело. То же самое происходит при необоснованном или ошибочном отсечении уже выявленных преступлений из общего состава обвинения. Отмена института судебной ревизии создала серьезные проблемы для всей правоохранительной системы РФ, в том числе и для прокуратуры. В настоящее время вопрос ликвидации негативных последствий в случае неполноты досудебного следствия остается одним из самых острых в правоприменительной практике.

Чтобы заполнить данный правовой пробел, подчас уголовные дела возвращаются в органы прокуратуры не только для изменения текста обвинительного заключения, как это предусмотрено законом, а фактически для проведения новых следственных действий и даже изменения состава обвинения. Соответственно срок возвращения уголовного дела в прокуратуру практически никогда не входит в рамки предусмотренных законом пяти дней.

Из безусловно положительных тенденций работы прокуратуры можно отметить реформирование ее структуры с ликвидацией громоздких образований – специальных прокуратур, не подчиненных территориальным прокурорским органам (прокуратура транспортная, природоохранная, по охране спецобъектов). Такая мера позволила значительно упростить систему прокурорского надзора. В настоящее время из структуры специальных прокуратур продолжает активно функционировать военная прокуратура, действительно имеющая реальную специфику в своей деятельности.

К сожалению, положительные тенденции по сокращению структурного аппарата органов прокуратуры во многом нивелируются раздуванием штата прокурорских работников на местах. В частности, появились новые вакансии заместителей прокуроров, являющиеся, по сути, дополнительными к ранее бывшим (в Москве возникли 3-й и 4-й заместители районных прокуроров вместо двух, в регионах – 2-й и 3-й вместо одного). Раздувание штатов прокурорских работников без разъяснения необходимости появления новых штатных должностей создает опасность кумовства и бюрократизации прокурорской деятельности.

Одним из наиболее позитивных факторов работы прокуратуры явилось улучшение материальной базы ее деятельности. Материальное стимулирование прокурорских работников позволило остановить текучесть кадров и укомплектовать состав прокуратуры. Внедрение нового программного обеспечения и усовершенствованных средств связи способствовало сокращению общего срока расследования, улучшению эффективности взаимоотношений между различными территориальными подразделениями прокуратуры.

В данной связи положительную роль сыграло и соглашение между руководством прокуратур стран СНГ, позволяющее выполнять отдельные поручения территориальных прокуратур различных стран напрямую, минуя Генеральную прокуратуру. Такая договоренность позволила значительно увеличить эффективность взаимодействия органов прокуратур внутри стран СНГ, сняв ненужные бюрократические барьеры и значительно сократив время проведения следственных действий.

Продолжают сохраняться серьезнейшие проблемы, общие для всех правоохранительных органов, в том числе и прокурорских, связанные с определением отчетности на основании раскрываемости преступлений и количества уголовных дел, переданных на судебное разбирательство. Подобная практика приводит к целому ряду недопустимых действий. В частности: сознательное пренебрежение правами потерпевших, когда они обращаются в органы прокуратуры с заявлением о совершении в отношении них заведомо труднораскрываемого преступления, практика сокрытия и отказа в возбуждении уголовного дела в случаях подобного рода преступлений с целью улучшения отчетности, приписывание труднораскрываемых преступлений («висяков») иным лицам, их не со-

вершившим. Данные проблемы носят чрезвычайно распространенный характер и, к сожалению, не преодолены за последние годы.

Не решенной проблемой также является порочный метод использования органов прокуратуры как орудия в корпоративных войнах или в качестве средства оказания давления на своего конкурента. Несмотря на явные успехи прокуратуры в делах борьбы с физическими и юридическими лицами, совершившими крупные экономические преступления, сама прокуратура остается в глазах многих инструментом для достижения личных неправомερных целей.

До настоящего времени не решенным остается вопрос о необходимости наличия в структурах прокуратуры органа, следящего за правомерностью и соблюдением законности в действиях самих прокурорских работников. Безусловно, в разрешении подобных острых вопросов органы прокуратуры ограничены положениями ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»⁹, не наделяющими прокуратуру полномочиями выполнения какой-либо оперативной функции.

Остается также спорным вопрос создания единого Следственного комитета, объединяющего следственные структуры всех ведомств. Такой шаг позволит унифицировать деятельность следственных органов и прекратить пресловутую «конкуренцию ведомств». С другой стороны, сохраняются реальные опасения, что профессионализм прокурорских работников растворится в большем по численности составе милицейского следствия и дознания, которое обычно рассматривает менее значимые уголовно наказуемые деяния.

Разрешение вышеуказанных проблем и последующее проведение организационной реформы связано как с необходимостью изменения законодательной базы, корректировок положений уголовно процессуального законодательства, так и с деятельностью руководства прокуратуры по усилению ее надзорной функции и повышению эффективности работы ее аппарата.

Опубликовано на сайте Института верховенства права: www.ruleoflaw.ru

Политзаключенные сегодня

Среди политзаключенных все чаще оказываются активисты левых движений, протестующие против нарушений социальных и экономических прав граждан.

Я не смогу рассказать обо всех делах и хотел бы остановиться лишь на одном, достаточно ярком в 90-е годы. Это рабочие выступления и беспорядки на Выборгском ЦБК¹⁰. Его незаконно приватизировали, отдали местным мафиози, их вместе искали Интерпол и местные рабочие. Интерпол – чтобы посадить, а рабочие – чтобы отнять комбинат. Владельцев так и не нашли, и рабочие взяли власть на этом заводе в свои руки. После этого к рабочим в гости пришел «Тайфун» – спецподразде-

ление ОМОНа, занимающееся подавлением беспорядков в зонах. Они захватили этот комбинат, естественно, с огромным количеством травм, избитых. А потом против рабочих были возбуждены уголовные дела. Причем по очень тяжким статьям: от организации массовых беспорядков (до 10 лет лишения свободы) до воспрепятствования работе милиции и правоохранительных органов¹¹.

Отношение правозащитников к тем, кто оказался под угрозой очень серьезной посадки и обратился к ним за помощью, можно выразить так: эти права мы не защищаем, они вне сферы прав человека.

Это очень важный, узловоей подход 90-х годов. То есть Пакт о гражданских и политических правах стоит главным пунктом повестки дня, а Пакт о социально-экономических правах¹², изданный тогда же, игнорируется, потому что его использовала советская власть для пропагандистской обработки Запада. Значит, мы не должны использовать этот пакт.

Это дело стало показательным для социального протестного движения 90-х годов, и оно высветило различия в подходе левых активистов и общим либеральным направлением в правозащите. Правозащита действительно либеральна в своей массе, в ней есть лишь отдельные вкрапления левой активности...

В 90-х годах возникло парадоксальное положение: можно было устраивать голодовки, митинги, многотысячные демонстрации, даже перекрывать дороги, но это никого не интересовало. Однако как только Андрей Соколов устроил демонстрационный взрыв на Ваганьковском кладбище и взорвал надгробие Николая II, под которым не было никакого захоронения (в результате взрыва от памятника оторвался скел примерно в полметра), он сразу стал знаменит на всю Россию. Причем свою акцию он объяснил, вывесив лозунг: «Зарплату рабочим!». Это дело тогда очень гремело¹³. Потом начались попытки взрывов памятника тому же Николаю II в Подольске, Петру I и т. д.

Эти люди не хотели устраивать теракты, они устраивали бутафорский терроризм. Они взрывали макеты памятников, причем так, чтобы не пострадал ни один человек. Делали они это только для того, чтобы продемонстрировать: они готовы к действиям. А власть отвечала вполне реальными репрессиями.

В результате представители этих групп – НРА (Новая Революционная Альтернатива)¹⁴ и других – получили значительные сроки лишения свободы. И здесь есть прямой аналог с западным опытом, потому что террористическая волна на Западе тоже поднялась не сразу. Сначала проводят карнавальные акции, акции бутафорского терроризма, а когда власть в ответ применяет отнюдь не бутафорские карательные меры, приходит понимание адекватной реакции...

Я думаю, что до конца 90-х годов нас могла бы ожидать волна левого терроризма, так как никаких других легальных способов проявления оппозиционности, в первую очередь у молодежи, попросту не было. Но произошло новое политическое событие – Чеченская война, и с конца

90-х годов любое действие террористического характера автоматически приписывалось чеченцам. Даже последняя самая крупная акция леворадикальных террористов – взрыв приемной ФСБ на Кузнецком Мосту – сразу была приписана чеченцам.

Радикалы действовали исключительно из политических мотивов, но они были и исключительно антилиберальны. Можно ли считать их политзаключенными? Хотят ли они сами иметь этот статус?

Безусловно, сами себя они считают именно политзаключенными. Безусловно, в 90-е годы в отличие, может быть, от нашего времени большинство правозащитного сообщества открепивалось от них как только могло, потому что они выступали против тех ценностей, которые правозащитное сообщество всеми силами поддерживало. Надо заметить, что методы давления на радикалов были абсолютно те же самые, что и на либералов-диссидентов 70-х – 80-х годов (их кидали в одиночки, малолетних детей отбирали у «мамою», беременных женщин этапировали в жестяных ящиках под охраной тридцати альфовцев – меньше никак нельзя)¹⁵. И точно так же вопрос о справедливости суда даже не стоял – справедливости никто и не ждал.

Проблема признания заключенных политическими и сейчас не снята. Делаются попытки применять этот статус к нужной политической категории. Например, к Ходорковскому и другим лицам, пострадавшим от действий государства в экономической сфере, также расширительно применяется понятие «политзаключенный».

Возникает и другой вопрос: можно ли включить в понятие «политзаключенный» жертв чеченского конфликта? Я много работал в Чечне и прекрасно понимаю, что одно и то же лицо вчера могло устраивать бандитские действия в отношении лиц нечеченской национальности; на следующий день – стать жертвой федералов; через год оказаться мирным жителем, у которого уничтожили дом; еще через два года принимать участие в боевых действиях. Понятие «политзаключенный» – понятие индивидуальное, а в случае большого конфликта есть просто жертвы войны. Даже если они действуют из идейных мотивов, они не могут быть политзаключенными. Понятие «политика» в войне размывается. Есть некие идеи, которые поднимают как знамена над определенными отрядами.

Я хочу обратить внимание еще на один аспект проблемы – появление новых заключенных. Это так называемые активисты. Дело в том, что активизм по-русски несколько отличается от активизма по-французски, по-немецки, по-испански. Это переход к радикальным действиям независимо от их политического характера. Самый яркий пример – НБП. Спросите у активиста Национал-большевистской партии: «Кто ты: правый или левый?», и вы получите в ответ либо нечто невразумительное либо заявление: «Мы просто радикалы, мы выступаем против нынешней системы».

Это достаточно опасная гремучая смесь. Такие ребята хорошо понимают, что любое радикальное действие, при котором они становятся полит-

заклоченными, имеет намного большее политическое или социальное значение, чем легальный поступок. Можно поднимать непонятного цвета знамена, смешивать идеи левых и правых радикалов, устраивать безумные национал-социалистические смеси, но главное – проводить акции прямого действия и уже акциями прямого действия выработать среду, которая по самому своему происхождению будет противопоставлена системе.

Интересно, что даже левые радикалы, оставаясь в той или иной степени левыми, переняли эту тактику. Следом за НБП по числу возбужденных уголовных и административных дел идет АКМ. Это ультралевая, ультракоммунистическая организация сталинистского толка, которая сделала себе имя в молодежной среде не благодаря идеям, не благодаря каким-либо действиям в легальном политическом поле, а благодаря выходам за пределы легальных действий, благодаря радикальным акциям и появлению политзаключенных, потому что политзаключенные – это борцы за идею, это мученики.

Ситуация никому не нравится, так как число политзаключенных (как бы мы их ни называли, как бы мы к ним ни относились) увеличивается. Увеличивается и число людей, которые радикально противопоставили себя системе на любых лозунгах: радикальный исламизм, радикальный национализм или левый радикализм. При этом возможности легального сопротивления практически отсутствуют.

К сожалению, приходится констатировать, что даже короткий обзор положения политзаключенных в современной России дает основание предполагать дальнейший рост этой категории заключенных. К такому выводу нельзя не прийти, потому что есть причины для радикализации политизированных общественных течений, любая протестная активность выдавливается из поля легальной политики, а понимание официальных политических процессов как predetermined властями, на которые невозможно повлиять лишь законными методами, все больше укрепляется. Маргинализация политической активности приводит к репрессивным действиям, порождающим политзаключенных как отдельный социально-правовой феномен.

Опубликовано в альманхе «Неволя»
(прил. к журналу «Индекс/Досье на пензурю») в 2007 г., № 11

Европейская сказка в реальности российских колоний

Сравнительный анализ нашей и западной систем наказаний

В нашей стране со времен Советского Союза очень любили рамочные и рекомендательные нормы. Их можно было декларировать на каждом собрании и на каждой трибуне, на деле руководствуясь вполне конкретными

ведомственными инструкциями, имевшими в реальности силу большую, чем любая Конституция. В этом плане Европейские пенитенциарные правила¹⁶, принятые как приложение к Рекомендации, были бы идеальны для российского чиновника от тюремного ведомства, если бы не одно существенное «но»: эти правила не включали бы нормы слишком конкретные для простой отсылки к ним как к неким абстрактным символам.

Колония и тюрьма действительно слишком реальное место, чтобы ограничиваться общими гуманными посланиями. Покрольку конкретные нормы поведения и пребывания заключенных не закрепляются, то эти правила устанавливаются на местах. Иначе говоря, местный держиморда, злой на то, что без всякой вины должен отбывать свой срок в далекой от центра колонии, пусть даже в качестве ее начальника, срывает свою злость на заключенных как на самом доступном доказательстве его жизненной неудачи. И крик «запорю!» разносится над зоной точно по Салтыкову-Щедрину.

Представляю, какими глазами будут смотреть тюремные «хозяева» на эти Европейские правила, если их текст когда-нибудь до них дойдет. Впрочем, в этом я сильно сомневаюсь, хотя не буду впадать в излишнее критиканство – по сравнению с 90-ми годами до мест отбывания наказания и содержания заключенных уже стало доходить кое-что, позволяющее выполнять один из блоков вышеназванных правил. Я имею в виду материальное обеспечение, наконец появившееся в большинстве колоний и тюрем, что при всем воровстве позволило сократить число «голодных» зон и в ряде случаев прекратить пытку недоеданием и нищеты. Очень бы хотелось, чтобы через несколько лет мне удалось заменить слово «в большинстве» на «повсеместно», но до этого еще очень далеко.

Пока, улучшив положение по одному из критериев Европейских пенитенциарных правил, мы резко ухудшили ситуацию в другом, а именно в обеспечении прав заключенных в местах их пребывания. Ссылка руководства исправительного ведомства на борьбу с воровскими порядками вряд ли здесь приемлема, так как с воровскими «законами» боролись и раньше, при советской власти. Я слабо себе представляю, что запуск в «хатку» ОМОНа, громящего все вокруг, сильно осложнит положение воров в преступной иерархии. Скорее наоборот, пусть не явно, но оттого более сильно зэки сплотятся в противостоянии администрации.

Тут мы подходим к различиям между российской исправительной системой и западными пенитенциарными принципами, закрепленными в Европейских правилах. Говоря о том, что нормы пребывания заключенных не терпят абстракции, я не упомянул о самом главном обобщении, лежащем в основе любой исправительной системы: для чего мы лишаем граждан, преступивших закон, свободы?

Российская система исполнения наказаний не менялась, несмотря на все политические катаклизмы, ни сейчас, ни в советские времена. Она

была исправительной, значит, преступника надо исправлять, делать из него добропорядочного гражданина. Какой-либо вопрос о человеческом достоинстве при этом даже не ставился, так как он противоречил всей исправительной модели.

Совершенно иное отношение к цели наказания, связанного с лишением свободы, сложилось в европейских (в первую очередь в западноевропейских) странах. После Второй мировой войны окончательно установилась нормативно-охранительная система, которая ставит охрану норм закона в основу всех правовых отношений. Соответственно, задача наказания – не переделать преступника, а создать условия, когда продолжение преступной деятельности невозможно (при изоляции) и максимально затруднено (по выходе бывшего заключенного из мест отбывания наказания). Сам человек при этом остается фигурой неприкосновенной, и во главу угла исправительной системы ставится понятие человеческого достоинства.

Европейские пенитенциарные правила явились, по сути, квинтэссенцией этого положения, прямо зафиксировав, что «при исполнении наказаний, предусматривающих лишение свободы, и обращении с заключенными следует учитывать требования безопасности, порядка и дисциплины при одновременном обеспечении таких условий содержания, которые не ущемляли бы достоинство человека и предоставляли возможность включения в полезные занятия и проведения для заключенных соответствующих программ с целью их подготовки к возвращению в общество» [*Из Преамбулы Европейский пенитенциарных правил*]. «Помимо правил, применимых ко всем заключенным, режим для осужденных заключенных должен быть направлен на то, чтобы они вели ответственный образ жизни без совершения преступлений. Заключение с лишением свободы само по себе является наказанием, и поэтому режим для осужденных заключенных не должен усугублять страдания, связанные с заключением» [*Европейские пенитенциарные правила, п.п. 1, 2 ст. 102*]. Исходя из этого принципа, менять заключенного, «перековывать» его уже не нужно. Тюремного заключения вполне достаточно.

В современной России, ужесточив режим содержания, мы отходим от данного принципа, используя трудности пребывания в тюрьме именно как механизм слома натуры и характера заключенного. В каком-то смысле представление о необходимости ломать заключенного пошло от педагогических приемов А.С. Макаренко, организовавшего свою знаменитую трудовую коммуну из малолетних преступников. Только Макаренко действовал путем убеждения и коллективного примера, а современные работники исправительных учреждений – путем личного насилия и коллективных пыточных условий содержания.

Не имея здесь возможности рассматривать каждый пункт Европейских рекомендаций, нам следует обратить внимание еще на одно поло-

жение: «Ни один заключенный в пенитенциарном учреждении не должен наниматься на работу или наделяться полномочиями, связанными с обеспечением дисциплинарного режима» [*Европейские пенитенциарные правила, п. 62*].

Самым распространенным способом нажима на заключенных в российских колониях сегодня является фактическое принуждение эзков к участию в «группах поддержания порядка», «дисциплинарных кружках» и прочих структурах¹⁷ внутри исправительного учреждения, прямо направленных на оказание дисциплинарного воздействия на его контингент. Под это воздействие попадают как заключенные, вписанные в подобные структуры, так и остальные эзки, поскольку такие организации объективно создаются именно против них. Это не первая попытка раскола эзковского сообщества в российско-советской истории – самой знаменитой и кровавой из них была «сучья война» второй половины сороковых годов прошлого века. Можно крайне отрицательно относиться к уголовным эзковским правилам, но если администрация использует, тем более насильственно, заключенных, значит, сама она не справляется с поддержанием порядка. Применение вышеприведенной рекомендации в корне поменяет всю российскую систему контроля над положением в колониях, если только она хоть когда-нибудь будет использована на практике.

Правда, в предыдущих Европейских правилах имелась существенная оговорка: «данное правило, однако, не является препятствием для осуществления мероприятий... и участия в деятельности социального, образовательного и спортивного характера» [*Европейские пенитенциарные правила, прежняя редакция, п. 34.2*]. Во что подобные мероприятия могут вылиться в российских условиях, и говорить не стоит.

Авторы изменений в Европейских правилах, очевидно, учли практику создания подобной показухи и уже отделяют спортивные, образовательные и прочие мероприятия от взаимодействия с администрацией. Однако они тут же создали новую возможность для нажима на заключенных. «В качестве неотъемлемого элемента общего режима для осужденных заключенных должна предусматриваться система увольнительных из пенитенциарного учреждения. Заключенные, согласившиеся на такую систему, могут быть задействованы в программе восстановления справедливости и заглаживания своей вины за совершенные преступления» [*Европейские пенитенциарные правила, п.п. 6, 7*]. Институт увольнительных, сам по себе полезный, может оказаться мощным рычагом воздействия в руках администрации.

Есть еще одна проблема, которая часто служит аргументом для руководства исправительных учреждений, когда они говорят о том, что улучшить материальное положение заключенных невозможно. Стоит практикующим юристам прийти с нормами Европейских правил к начальникам тюрем и колоний, они начнут рассказывать об отсутствии

средств, недофинансировании, а в колониях еще вспомнят, что там вольным живет не лучше. Хорошо бы при этом знать реальный уровень дохода лагерных и тюремных начальников, а также коммерческую целесообразность привлечения тех или иных фирм, обеспечивающих жизнь заключенных. Вполне вероятно, что уворованное как раз обеспечило бы тот минимум, которого требуют Европейские пенитенциарные правила.

Может сложиться впечатление, что я выступаю апологетом западно-европейской исправительной системы и предлагаю ее скопировать у нас, используя Европейские правила в качестве тарана.

Это не так. В нашем обществе сложился миф о том, что европейские тюрьмы похожи на санаторий, куда уставшие от закона граждане приходят отдохнуть и набраться свежих сил. Западно-европейская система права исходит из нормативистского понимания закона, и любая попытка его игнорировать карается жестко и чисто механически, как на фордовском конвейере. Тюрьма в этом плане выполняет узловую роль и делает это безукоризненно и крайне жестко.

Приведу конкретный пример: известное дело Шленова¹⁸, арестованного в Швеции и обвиненного в нападении на полицейского. По его рассказу, простыни в камере действительно накрахмалены, чистота безукоризненная, и персонал обращается исключительно вежливо, разумеется, никакого физического насилия, и, чтобы вы окончательно поверили в рай на земле, – кормят заключенных клубникой со сливками. Дальше рай кончается. Каждый день ровно с 9.00 до 18.00 следователи твердили ему о его преступлении, и под конец он был готов признаться в чем угодно. Следователи менялись каждые 20–30 минут. И четко объяснили, что подобное приятное общение будет продолжаться ближайшие десять лет точно. Наконец, через месяц пришла справка, что в момент преступления он находился в Финляндии и напасть на шведского полицейского никак не мог. Из скандинавского «тюремного рая» Шленов вышел с острой потребностью в психологической (или психиатрической) помощи и воплем: «Все что угодно, только не шведская тюрьма!». А Европейские пенитенциарные правила не были нарушены.

Российские заключенные за длительное время противостояния карательной системе выработали неформальный механизм взаимоподдержки и солидарности. Эта система существует на разных уровнях, объединяет как блатных воров, так и простых «мужиков», использует любые лазейки в тюремных правилах, продолжает коррумпировать исправительную систему. Как только наши оказавшиеся на Западе соотечественники предпринимая попытки привнести этот механизм в западно-европейские тюрьмы, их беспощадно выкорчевывают. Причем – никаких ОМОНов, «дисциплинарных кружков» и прочих доморощенных ноу-хау. Просто в систему законодательно определенных правил поведения в западной

Европе четко вписаны не только заключенные, но и персонал исправительного учреждения.

Но любой ад рано или поздно заканчивается, и заключенный доходит до ворот освобождения. К сожалению, в этом плане Европейские правила отошли от норм, закрепляющих – хотя бы как рекомендации – четкие социальные гарантии освобожденному и вернулись к слабо реализуемым абстрактным посылам.

Возьмите хотя бы тот пункт Европейских пенитенциарных правил в прежней редакции, который грел душу возможностью осуществления когда-нибудь в будущем. Прочитую его полностью: «Принимаются меры для того, чтобы при необходимости снабдить освобождаемых заключенных соответствующими документами и удостоверениями личности и помочь им найти подходящее жилье и работу. Они также обеспечиваются средствами существования на период, непосредственно следующий за освобождением, подходящей одеждой, отвечающей условиям климата и времени года, и достаточной суммой денег, чтобы прибыть к месту следования» [*Европейские пенитенциарные правила, прежняя редакция, п. 89.2*].

Теперь данное положение выглядит следующим образом: «Заблаговременно до их освобождения осужденным заключенным должно оказываться содействие в виде процедур и специальных программ, обеспечивающих переход от жизни в пенитенциарном учреждении к законопослушной жизни в обществе» [*Европейские пенитенциарные правила, п. 1 ст. 107*].

Но все же новая редакция Европейских правил подтверждает стандарты предыдущих и, следовательно, их можно использовать и в настоящее время.

Принято считать, что освобождение из зоны – это начало дороги к новому приговору. Оставляя вчерашнего зэка в социально пораженном статусе, мы готовим завтрашнего преступника. Вышедшие из колонии бичи говорят: «На зоне есть определенность». Лишая человека минимальных стартовых условий, мы не оставляем ему выбора и фактически принуждаем к совершению нового преступления. Тем более что он умеет создавать видимость расставания с собственным достоинством вольного человека и использовать любые лазейки для противостояния администрации. При таких обстоятельствах провозглашенная Европейскими правилами цель для заключенного – «восстановить свое место в обществе и, в частности, вернуться к семейной жизни и устроиться на работу» – напоминает красивый лозунг из коммунистической сказки.

А может быть, применение этих Правил на практике все-таки позволит нам хоть чуть-чуть приблизиться к такой исправительной сказке?

Тем более что данные Правила являются обязательными для стран – членом Совета Европы, хотя и содержат в своем именовании слово «реко-

мендация». И к тому же в этих обязательных Правилах точно указано, что «содержание заключенных в условиях, ущемляющих их права человека, не может быть оправдано нехваткой ресурсов» [*Европейские пенитенциарные правила, ст. 4*].

Примечания

- ¹ «Открытое общество, его друзья и враги» – опубликованная в 1945 г. анти тоталитарная книга философа и социолога Карла Поппера (1902–1994).
- ² Экономисты Гарвардской школы Милтон Фридман и Фридрих фон Хайек, – идеологи либеральной экономики и свободного рынка.
- ³ 11 июля 2000 г. ФСНП России объявила о возбуждении уголовного дела против президента «ЛУКОЙЛ'а» В. Алекперова по факту «укрытия от налогообложения крупных средств». В тот же день, по информации «Коммерсанта», В. Алекперов в Кремле встретился с президентом Путиным. В итоге обвинение ему не предъявили. Дело ЮКОСа началось в 2003 г.
- ⁴ Пушкевич Станислав Станиславович, 1934 г.р.; 1990–1994 гг. председатель Верховного Совета Республики Беларусь.
- ⁵ «Десять лет достаточно!» – лозунг демонстрации 13 мая 1968 г. в Париже, адресованный президенту Франции Шарлю де Голлю: о своей готовности возглавить республику тот заявил ровно десятью годами ранее, 13 мая 1958 г.
- ⁶ Австро-Венгерская империя (1867–1918) распалась в результате поражения в Первой мировой войне.
- ⁷ Российский миротворческий контингент под эгидой СНГ введен в Абхазию в июне 1994 г.
- ⁸ Резиденция Правительства РФ на Краснопресненской наб. г. Москвы. В 1993 г. – Дом Советов – эпицентр противостояния законодательной и исполнительной ветвей власти.
- ⁹ Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» № 58-ФЗ от 5 июля 1995 г.
- ¹⁰ Эти события произошли 14 октября 1999 г.
- ¹¹ Имеется в виду ст. 212 УК РФ ч. 1 («организация массовых беспорядков»), ч. 2 («участие в массовых беспорядках»), ч. 3 («призывы к несоблюдению законных требований представителей власти») и ст. 318 УК РФ (применение насилия в отношении представителя власти).
- ¹² 16 декабря 1966 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (резолюция 2200 А (XXI), вступивший в силу 3 января 1976 г.
- ¹³ В 1997 г. была проведена серия акций против мест памяти, связанных с русскими монархами: взрыв памятника Николаю II в с. Тайнинское в ночь на 2 апреля, минирование памятника Петру I в центре Москвы в ночь на 6 июля и взрыв мемориальной плиты Романовым на Ваганьковском кладбище в ночь на 20 июля. При взрывах никто не пострадал. 25 июля был задержан 22-летний Соколов Андрей Владимирович. 21 января 1999 г. Соколов был приговорен к 4 годам заключения за «терроризм», но адвокат С. Маркелов добился переквалификации обвинения на «вандализм», 25 марта 1999 г. был вынесен приговор: 2 года условно.
- ¹⁴ 13 августа 1998 г. у приемной ФСБ в Москве на ул. Кузнецкий мост сработало мало-мощное самодельное взрывное устройство. В ночь на 1 ноября 1998 г. в Подольске

был взорван гипсовый макет памятника Николаю II. В ночь на 4 апреля 1999 г. у приемной ФСБ взрывом была проломлена стена, были выбиты стекла в окрестных домах. При взрывах никто не пострадал. 23 февраля 2000 г. были задержаны Н. Ракс и О. Невская, 3 марта – Т. Нехорошева, а 6 апреля – Л. Романова. 14 мая 2003 г. Мосгорсуд приговорил по ст. 205 (терроризм) и ст. 222 (незаконное хранение взрывчатых веществ) УК РФ Невскую к 6 годам, Ракс – к 9, Романову – к 6,5 годам заключения, Нехорошеву – к 5 годам условно.

- ¹⁵ 28 ноября 1998 г. в г. Краснодар были задержаны трое анархистов, Я. Мусил, Г. Непшикуев и М. Рандина, которых обвинили в подготовке покушения на губернатора края Н. Кондратенко. 2 февраля 1999 г. в Москве была арестована и этапирована в Краснодар Лариса Валерьевна Щипцова (Романова), 1974 г.р. После вступления в дело адвоката Маркелова, 29 мая, Романова была освобождена из-под стражи. 20 июля Романова была осуждена к 4 годам заключения и взята под стражу – суд не применил к находившейся на восьмом месяце беременности амнистию. 26 августа Романова родила в колонии. 3 сентября президиум краевого суда заменил срок на условный, и 9 сентября она была освобождена.
- ¹⁶ Европейские пенитенциарные правила – принятый в январе 2006 г. Комитетом Министров Совета Европы рекомендательный документ. Опубликован в альманахе «Неволя» (прилож. к журналу «Индекс/Досье на цензуру», 2007. № 11. На сайте Совета Европы: http://www.coe.int/t/e/legal_affairs/legal_co-operation/prisons_and_alternatives/EPR-RU.pdf
- ¹⁷ Секции дисциплины и порядка (САП) в колониях были упразднены Приказом Минюста от 31 декабря 2009 г., вступившим в силу 1 января 2010 г.
- ¹⁸ Артем Шленов, активист организации «Хранители радуги», арестован шведской полицией в Гетеборге в ходе «мирного митинга» 16 июня 2001 г. На основании опознания одним свидетелем-полицейским обвинен в насильственных действиях против полицейского 14 июня, несмотря на алиби: Шленова тогда в Гетеборге вообще не было. Более месяца содержался в строгой изоляции. Благодаря вмешательству консула РФ 22 июля без каких-либо устных или письменных объяснений депортирован из Швеции.

Часть 3 В МИРЕ

Демократия как свобода выбора, совершаемого за нас

Сейчас мало кто помнит либерально-демократическую волну конца 80-х – начала 90-х годов. Я специально не пишу «революционную», поскольку либералы заняли очень интересную позицию. Последние 15 лет на всем постсоветском пространстве они только и делают, что устраивают революции и, одновременно, всячески отбиваются от любой революционности, чуть ли не вынося на баррикады лозунг: «Все великие потрясения – это бедствия, и от них надо отрешиваться, как от ядерной бомбы». Получается своего рода Столыпин в оранжевом шарфике, призывающий обывателей на очередной майдан.

Но майданы заканчиваются, привилегии так и остаются привилегиями, социальное расслоение увеличивается, а демократические завоевания превращаются в свободу ругаться с властью у себя на кухне или на бесконечных митингах, от чего правящим кликам ни холодно ни жарко.

Самое главное, как только демократы приходят к власти, куда-то исчезает основной постулат агитационной машины, что демократия – это свобода выбора. Даже на приземленном уровне видения свободы, увеличения числа информационных каналов, (не важно каких – телевизионных, бумажных или электронных) – это означает только увеличение возможностей компостировать мозги, чтобы люди поверили, что жить им стало хорошо, когда вокруг всем хуже и хуже.

Вспоминать можно многое, но обычно от адептов демократии встречаешь только тот контраргумент, что все проблемы временные и это экспессы роста. Достаточно немного потерпеть, переждать, пока уйдет наследие прошлого, и наступят новые светлые демократические времена. В Средневековье это уже проходили: в виде обещаний царства божьего на том свете после того, как снимут последнюю рубашку на этом.

Но прислушаемся к голосу оппонентов, и, может быть, действительно никакой катастрофы нет: есть отдельные недостатки, и они – не порождения яда, присущего самой системе. Может быть, когда-то было хорошо, а сейчас всему мешают плохие исполнители, глухой народ, не понимающий своей радости?

В качестве золотого века демократии, того самого «когда-то», включающего в себя все хорошее, что есть в демократической системе управления, практически всегда называют античные Афины с их выборной властью.

Остается только выяснить у историков, насколько всеобъемлюща и непосредственна была система той классической демократии. Итак, афинский полис в период расцвета насчитывал около 250 тысяч жителей, женщины в голосовании не участвовали – их чуть более половины населения. Неграждане в голосовании тоже не участвовали, вычитаем примерно половину из оставшихся; рабы, разумеется, не имеют права голоса; дети и старики не в счет; также отсутствует группа, лишенная избирательных прав (должники и т.д.). В результате, по различным данным, влиять на судьбу Афин могли максимум 10–15 тысяч человек.

Но даже эта цифра представляется несоизмеримо демократичной тому, что имеется во всех (подчеркиваю, именно во всех) современных странах демократической ориентации. Такой процент населения в реальности никогда не влияет на действительное положение страны и вектор ее политики. И тут видна еще одна особенность древних Афин, которая радикально отличает их систему от сегодняшней бутафории представительств, именуемых демократическими институтами. В афинском собрании принимали участие те, кто знал друг друга, и выбирали для представления интересов именно своих знакомых и только в своих личных интересах по принципу общего проживания либо, и даже чаще, общей профессии. В этом плане афинскую демократию можно считать прототипом средневековых городов-коммун с их системой самоуправления и цехового представительства, и уж никак это не похоже на все демократические современные «сдержки и противовесы».

В основе сегодняшней демократии лежит совершенно иной принцип, не тот, что применялся при системе управления, возникшей в средневековых самоуправляющихся городах и в античных полисах. Вместо системы делегирования в основу современной демократии легла система представительств. Слова почти тождественны, предполагаемые процедуры очень близки, а смысл меняется на прямо противоположный.

При системе делегирования какой-либо сложившийся коллектив (обычно по территориальному или производственному принципу) делегирует право выступать от имени всех человеку, находящемуся внутри этого коллектива, для выполнения организационных функций с такими же автономными объединениями. Вспомните самое великое произведение Платонова – «Котлован», там бригада рабочих делегировала одного из своих членов для представления бригадных интересов, потому что он был слабее других, не вписывался в коллектив и не мог полностью выполнять коллективных обязанностей. То есть делегирование рассматривалось как обязанность (причем не очень приятная, поскольку она отрывала человека от коллектива) и уж никак не привилегия или хотя бы его личное достижение.

Принцип представительства основан на совершенно иной схеме. Определенной группе людей, обычно по принадлежности к национально-территориальным объединениям, предлагают на выбор совершенно незнакомых им лиц, неких Иванова, Петрова, Сидорова. Когда же вы выберете из них одного, он будет вами руководить и представлять ваши интересы.

Сразу возникают вопросы, элементарные по своему характеру, но так и не имеющие ответа. Откуда взялась уверенность, что позиции Иванова, Петрова, Сидорова принципиально различны между собой и при выборе одного из них мы не получим ту же самую политику, что и при выборе другого? Когда я беседовал с американскими политологами, они говорили, что основной вопрос современной избирательной кампании в США – это вопрос о выводе войск из Ирака и запрет на аборт. Я наивно спрашивал, а как же вопрос ассигнований на ВПК, ограничение прав олигархических семейств, американское военное присутствие чуть ли не в большинстве стран мира или хотя бы использование генетически измененной продукции (пицца Франкенштейна), где Америка прочно занимает первое место? Моя наивность споткнулась об их удивление, оказывается, что эти темы как-то вообще находятся вне сферы избирательной кампании. Так что, если вы любите демократию, занимайтесь проблемой абортов, и дальше вас не пустят.

Хорошо, скажут мне критики, это проблемы Америки, но в Европе реально конкурируют политические партии разной направленности, от крайне левой до крайне правой. Конкурировать они могут, только политика власти практически никак не зависит от цвета партийных знамен. Надо провести правую либерализацию – и лейборист Блэр с удовольствием ее провел. Требуется для спасения экономики установить жесткий протекционизм по рекомендациям левых «спецов» – и этим занимался либерал Рузвельт или консерватор де Голль. Один из членов Французской коммунистической партии еще более десяти лет назад говорил мне, что одна из основных задач его партии на ближайшее время – это увеличить социальное пособие на 5% по одному из пунктов выплат. Боюсь, что реальное влияние различных политических сил, приходящих на выборы в странах западной демократии, ограничивается этими же пятью процентами.

Более того, если вдруг в систему демократического голосования вкрадывается реальная альтернатива, что иногда может происходить в не устоявшихся демократических системах, то последствия выглядят трагически. А самое главное, эти последствия никак не совместимы с принципом демократии. В Алжире попробовали провести демократические выборы¹, на них победили исламисты, их вполне демократической победы, разумеется, не признали, что обернулось новым витком кровавых столкновений. В Ливане также вполне демократично победила недемократичная «Хезболла»². Вообще, если возникают демократические выборные институты, то симпатии населения практически всегда

отдаются недемократическим силам. В странах устоявшейся демократической системы подобные силы просто отстранены от рычагов влияния и не могут оказать должной конкуренции. Если к этим рычагам влияния они получают доступ, то классический пример нам дала Национал-социалистическая партия Германии, которая, используя демократический метод блокировки, побеждает на выборах совместно с Имперской партией. Как вы помните, второе место заняла не менее далекая от западных ценностей коммунистическая партия.

Так и хочется сказать: «Ау, либералы, ваши ценности приходят только на сытый желудок и при спокойной жизни!» А ради того, чтобы обеспечить такие комфортные условия для одной пятой населения, приходится ограбить остальные четыре пятых населения. Причем, чтобы не порождать конфликты внутри страны, грабеж приобретает межконтинентальный характер. В результате над всем миром демократию можно установить только путем миротворческих бомбардировок и гуманитарных акций по истреблению местного населения.

Если даже теоретически мы предположим, что представительская система работает в самых идеальных формах, то каким образом лица, не вышедшие из коллектива, могут представлять его интересы, а уж тем более управлять им? Нас можно назначить вождями африканских племен, но в лучшем случае мы ограничимся поеданием бананов и кокосов и восседанием на туземном троне. В худшем – будем искать выгоду от разворовывания местного достояния и порабощения подданных. Принципы и психология власти от африканских племен до цивилизованной Европы не очень меняются.

А как же система отзыва? Якобы она должна спасти избранного от отрыва от народа и сделать его подконтрольным своей пастве. В былые времена, если правители не удовлетворяли народ, их свергали, а в самой глубокой древности – даже периодически ритуально убивали, обеспечивая очень хорошую ротацию кадров. К сожалению, отзыв таким путем в сегодняшнем мире не практикуется.

Используем запрещенный метод дискуссии и ответим вопросом на вопрос. А кого, собственно, отзывать? Наиболее зарвавшихся реакционных трибунов, чтобы на их место пришли тихие бюрократы, лоббисты и взяточники? Как известно, хрен редьки для избирателя от этого не станет слаще. Даже если все время заниматься бесконечным отзывом своих всенародно любимых избранников, никакого влияния на положение избирателя, его социальное обеспечение, правовую защиту и прочие столь важные понятия это никак не окажет по очень простой, я даже вынужден сказать, элементарной причине – у избранных власти нет!

Формально они обладают не только всей полнотой власти, но их властные полномочия всегда доминируют над другими властными ветвями, только в действительности власть одна, и кто когда позволит поделить ее на какие-то ветви? Источник реального определения властных полномочий всегда может быть единственным, на то он и источник, все

остальное в лучшем случае его корректировка. Задачей демократических институтов скорее представляется максимальное камуфлирование властного центра, который всегда по удивительным стечениям обстоятельств совпадает с политической и экономической олигархией. Эта олигархия почему-то не подвержена институту отзыва, а вот сдать какого-нибудь наиболее однозного депутата и тем самым выпустить пар недовольства – это ей вполне под силу.

Или, может быть, я ошибаюсь? Кто-нибудь слышал о том, что отозвали олигарха? Тогда зачем нужен институт отзыва, если в реальности он влияет только на судьбы отдельных людей, не оказывая никакого воздействия на политику страны?

Я чувствую нетерпение демократов, которые устали от вечного оправдания заведомо нечестной системы управления и приводят «последний довод королей»: демократия – это система прав и свобод, а недостатки выборной системы, пускай и неисправимые, для человека вторичны. Когда я слышу подобную аргументацию, у меня возникает один и тот же неизменный вопрос. А как вы собираетесь защищать систему прав и свобод, если политическая система управления способна только их декларировать или в лучшем случае обеспечивать часть из них на ограниченном пространстве путем ущемления прав и свобод абсолютного большинства граждан в других местах? Или же благоденствие, пусть и относительное, тех, кто приближен к вора, – это самое главное, а все остальные, кого они ограбили, находятся вне объективов демократии? Если это так, то такая позиция объяснима и по-своему честна, ведь воры, тем более облеченные властью, видят только своих приближенных и в первую очередь испытывают их преданность или неудовольствие.

Раз демократия создает глобальную иерархию и основывает благоденствие меньшинства на постоянном унижении большинства, как по социальному, так и, что встречается чаще, по региональному принципу, то не проще ли признать, что демократии в классическом варианте народного представительства не бывает. Практически сразу, как только она ложится на социально разделенное общество, демократия превращается в олигархию. Структура народного волеизъявления становится проводником влияния олигархических кланов, а любой самый демократический проект не выживает в условиях, когда между его принятием и реализацией стоят посреднические управленческие звенья.

Все остальное укладывается в известную с античности формулу обеспечения стабильности любой системы народного представительства – хлеба и зрелищ. Социальное обеспечение и гарантированный комфорт индустриально ведущих стран мира обеспечивает стабильность работы системы, относительную защищенность прав их обитателей и сравнительную мягкость политической власти. Этот хлеб берется у остальных, которые могут наблюдать за благами цивилизации только по телевизору. Впрочем, 25% населения мира никогда не видели не то что телевизора, в жизни не делали ни одного телефонного звонка.

А зрелища – это та самая демократическая система выборов, при которой мы с удовольствием наблюдаем за дракой кандидатов по вопросам аборт или иной, столь же принципиальной для нас темы. При этом желательнее лежать на диване, попивая кока-колу и посмеиваясь над глупостью будущих народных избранников. Зрелище демократии обеспечено.

Всем своим даром предвидения чувствую, что сейчас подымут дух Черчилля, чтобы снова рассказать байку, что демократия – это очень плохая система, но лучшей еще никто не придумал. Складывается впечатление, что у нас общество состоит из профессиональных мазохистов, выбирающих только плохое. Мы едим плохие продукты, ведь есть более ядовитые, смотрим отвратительные фильмы, а есть еще более тупые, и выбираем отвратительных спутников жизни, радуясь, что они оказались не серийными маньяками. Если это действительно ваш вкус, то тогда вам обязательно надо становиться верными поклонниками демократических ценностей и играть в шоу под названием выборы.

Опубликовано 19 апреля 2008 г. на сайте
Института «Коллективное действие»: www.ikd.ru

Беларусь в преддверии гражданского конфликта

Сегодняшняя ситуация в республике приводит к перерастанию политического противостояния в стадию прямого силового конфликта. Формальной основой столкновения является наличие двух центров власти, оспаривающих легитимность существования друг друга. Разогнанный парламент стал декларируемым знаменем оппозиции, показателем законности ее требований. С другой стороны, президентская власть, не чувствуя достаточной легитимности своего существования, все больше прибегает к авторитарным методам.

Общим правилом управления страной стало полное пренебрежение Конституцией и законами Беларуси. Регулирование правового положения определяется в первую очередь декретами Президента. Содержание норм, зафиксированных в этих декретах, подчас полностью игнорирует законодательную базу страны и противоречит общепризнанным правам человека. Так, Декрет № 5 от 05.03.97 помимо крайне жестких условий проведения митингов и демонстраций устанавливает систему штрафов за административные преступления, фактически приводящую к полной конфискации имущества. Декрет от 18.03.97 ограничивает и ставит под государственный цензовый контроль провоз печатной литературы через границу, что ставит под угрозу существование большинства независимых изданий. Статус безработного и пособие по безработице – по Указу Президента – можно получить, только отработав определенное количество времени «на общественных работах», что является, по сути,

формой принудительного труда. Это одни из самых ярких примеров общей тенденции правового волюнтаризма.

Оппозиционные силы практически лишены возможности легально влиять на действия власти. Парламентская оппозиция отсутствует. Все звенья законодательной, исполнительной и судебной власти находятся под жестким контролем со стороны Президента. Оппозиционные выступления в печати полностью игнорируются. Попытки защитить свои права через иные институты гражданского общества (профсоюзы, общественные объединения) либо также игнорируются, либо вообще преследуются.

На этом фоне авторитарная концентрация власти становится очевидной. Официальные СМИ крайне ангажированы. Пропагандой насаждается некий «культ» Лукашенко при создании «образа врага» в отношении оппозиции. Ситуация усугубляется проводимой под кампанию «по борьбе с коррупцией» чисткой государственного аппарата, правоохранительных органов и армии и возникновением влиятельного слоя недовольных политикой Лукашенко в силовых структурах.

Ликвидация легальных каналов воздействия на власть приводит к резкой радикализации оппозиции. Сегодня радикальные настроения в оппозиционной среде являются, очевидно, доминирующими. Появились и националистические тенденции. С другой стороны, силы, выступающие за Лукашенко, опираются на отчетливо имперскую идеологию. В столкновении двух крайних идейных течений какие-либо полутона становятся все менее заметны.

Радикализация наблюдается не только в настроениях общества, но и в реальной политической жизни. При отсутствии поля для цивилизованных социальных баталий силовые столкновения становятся главными и практически единственными политическими событиями в республике. Причем это относится не только к столице, но уже и к периферии. Поляризация имеет место и на уровне массового сознания, где происходит разделение и по социальному признаку (интеллигенция и молодая оппозиция) с одной стороны, обыватели и крестьяне (опора режима Лукашенко) – с другой. И по региональному (столица и крупные города против периферии) признаку. Важно отметить, что для обеих групп характерен своего рода солипсизм, т.е. все пребывают в убеждении, что оппозиции как таковой не существует. Безусловно, большинство населения на стороне президента Лукашенко – ведь в Белоруссии, в отличие от России, регулярно платят зарплату, а процесс экономической поляризации не зашел так далеко. По этой причине у белорусского обывателя, крестьянина, чиновника, а также у части рабочих отношение к Лукашенко позитивное, а отношение к противостоящим силам скорее отрицательное, так что в повседневной жизни эти люди не сталкиваются с оппозиционными настроениями. Поэтому с точки зрения этой группы населения антилукашенковская оппозиция представляет собой лишь жалкую кучку отщепенцев. С другой стороны, большинство интеллигенции, молодежь

и некоторая часть рабочих настроены враждебно по отношению к режиму. Здесь важно отметить, что против Лукашенко выступила практически вся политическая элита Белоруссии. Политические противники президента выходят на улицы, где им противостоит лишь полиция, и не видят почти никого, кто публично защищал бы Лукашенко.

Центристские и умеренные силы в Белоруссии отсутствуют полностью. Бывшие ранее таковыми сейчас полностью радикализировались. Какое-либо разнообразие политических требований отсутствует. На обоих полюсах происходят концентрация и тенденция к единению с центрами создания мощных блоков при прямом конфликте. О готовности к этому свидетельствует тот факт, что лидеры многих ведущих политических сил на вопрос о возможности перерастания конфликта в непосредственный и вооруженный отвечают утвердительно. Нарастанию напряженности способствуют и массовые случаи нарушения гражданских политических прав.

Под постоянной угрозой находится свободная пресса. Высылка журналиста НТВ А. Ступникова, обстрел неизвестными квартиры главного редактора газеты «Свобода» И. Герменчука, постоянные угрозы со стороны президента в адрес отечественных и зарубежных журналистов, судебные иски и многие другие факты делают положение независимой прессы крайне неустойчивым. Существуют факты прекращения финансирования ряда изданий («Наше слово», русскоязычный «Фокус»). Особое беспокойство вызывает объявленная президентом Лукашенко перерегистрация СМИ и перекредитация иностранных журналистов, так как возможно закрытие неугодной властям периодики.

Прямым гонениям подвергаются и оппозиционные силы. Помимо постоянных нападок со стороны пропрезидентских СМИ существуют и факты гонения на активистов оппозиции. Учащиеся вузов сталкиваются с угрозами исключения из институтов, причем если раньше это подводилось под академическое основание, то теперь все чаще административные санкции применяются по политическим мотивам. Есть факты непосредственных нападений или заведений уголовных дел на оппозиционных деятелей. Так, 28 сентября 1996 года в Гомеле был до смерти избит сотрудниками милиции 16-летний К. Москвин. Последующее судебное разбирательство имело явно пристрастный и необъективный характер. По сфабрикованному обвинению ведется следствие против предпринимателя В.Н.Семенова (Могилев), в свое время отказавшего еще депутату Лукашенко в поддержке. Чем, вероятно, и объясняется личная заинтересованность президента в обвинительном приговоре по данному делу.

Широкомасштабный характер приняла кампания по преследованию лидеров оппозиционных сил. Судебным преследованиям подверглись: один из лидеров БНФ Юрий Ходько, вице-спикер разогнанного парламента Геннадий Карпенко, лидер оппозиционных коммунистов Василий Новиков. Судебному преследованию вместе с «осадой» квартиры

неизвестными людьми подвергается лидер БДП «Народная Громада» Николай Статкевич. 2 апреля был краткосрочно задержан председатель разогнанного парламента Семен Шарецкий. Постоянная «охота» во время массовых акций ведется за одним из лидеров оппозиционных коммунистов Валерием Щукиным, который как 1, так и 2 апреля, был жестоко избит.

Самые серьезные нарушения прав человека происходят в ходе проведения акций протеста, во время которых избияения и аресты милицией носят массовый характер. Наиболее антиправовой характер имеет недавно возникшая практика «зачистки», когда сотрудниками правоохранительных органов оцепляется целый район и в нем производятся аресты, в том числе и лиц, никак не участвующих в акции. Вообще случаи арестов лиц, не имеющих отношения к акциям протеста, являются обычными.

Нарушения прав человека в ходе проведения акций протеста отличаются помимо массовости и своим характером. Все чаще аресты участников происходят не в ходе самих событий, а в удаленных местах. Это осложняет выяснение численности задержанных и оказание им какой-либо помощи. Распространены случаи арестов людей лицами в гражданской одежде, отказов представиться при задержаниях, избияений в ходе их проведения.

При подавлении акций протеста жертвами действий милиции постоянно оказываются журналисты. Число арестованных и избитых среди них очень велико. Существуют многочисленные случаи воспрепятствования работе журналистов и сознательного оказания на них физического воздействия.

Антиправовые действия милиции сочетаются с насильственными и провокационными действиями самих оппозиционеров. Например во время событий 2 апреля демонстранты первыми стали кидать в сотрудников милиции камни и различные предметы. Участники акций практически каждый раз отклоняются от официально разрешенного места проведения шествий и митингов. Силовое сопротивление сотрудникам правоохранительных органов стало массовым явлением. Среди пострадавших во время столкновений оказываются и сотрудники милиции.

Следует особо отметить и наличие националистических моментов в выступлениях и лозунгах демонстрантов. В частности, одним из основных плакатов митингующих во время событий 2 апреля стал лозунг: «Русские идут!».

Тотальное попрание гражданских и политических прав продолжается и при рассмотрении дел арестованных в суде. И подсудимые, и просто зрители на процессах повсеместно указывают на недобросовестность судей. Сами судьи в частных беседах жалуются на подчиненный характер своего положения. Очень часто единственными свидетелями становятся сотрудники милиции, производившие задержание. При этом

распространены случаи, когда свидетель на суде не совпадает с лицом, производившим задержание или оформившим протокол задержания, либо один свидетель дает показания на лиц, арестованных в одно время в разных местах. Постоянным фактом становится признание того, что свидетели обвинения не разбираются в обстоятельствах дела, путая время, место, обстоятельства ареста. Все приговоры определяются еще до начала суда. Значительное усиление ответственности за несанкционированные политические акции в сочетании с недобросовестностью судопроизводства можно рассматривать как практику судебного преследования представителей оппозиции.

Плохими условиями характеризуется и содержание под стражей. Вышедшие из заключения постоянно отмечают плохое питание, недостаточное медицинское обеспечение, несоблюдение санитарных норм. Еда не только некачественная – ее дают раз в сутки.

Подавлению подвергаются и все акты социального протеста. Помимо прямого подавления выступлений трудящихся (забастовка на минском метрополитене в 1995 году, когда были приглашены штрейкбрехеры, разогнанный милицией рабочий марш из Солигорска в октябре 1996 года), существует постоянная практика давления на профсоюзных и трудовых активистов. Угрозы и факты увольнения по статье за профнепригодность, попытки администрации насильственно «слить» ячейки официальных и независимых профсоюзов, запрет на проведение собраний на предприятиях постоянно применяются к отделениям независимых профсоюзов. Особое распространение получили длительные задержки перечисления профсоюзных взносов на счета независимых профсоюзов. На ряде предприятий администрация отказывается заключать коллективные договоры с представителями ячеек этих профсоюзов. Вопиющим фактом произвола выглядит отказ в регистрации Белорусскому Конгрессу Демократических Профсоюзов³, и процесс по этому делу, тянувшийся уже длительное время. Вместе с тем следует отметить, что в Белоруссии, в отличие от России, несмотря на общую низкую заработную плату, нет значительных задержек по выплатам населению.

В целом политическая ситуация в Белоруссии характеризуется разрушением институтов гражданского общества, постепенным ограничением гражданских прав и авторитарными методами управления страной. Ликвидация легальных возможностей воздействия на власть приводит к радикализации и концентрации оппозиции. Отсутствие и профанация институтов политического представительства создают почву для силовых конфликтов как единственного действенного способа проявления общественного недовольства. Резкая радикализация и поляризация настроений в обществе в сочетании с наличием двух формальных центров власти и постепенным ухудшением социального положения населения приводят к появлению основы для скорого силового гражданского конфликта в Белоруссии.

1 апреля

Запланированная ранее акция «День смеха – объединения с Россией» и намечаемые «приводы» оппозицией представителей Беларуси на подписание договора с Россией не состоялись, так как большинство членов официальной делегации уехали в Москву еще 31 марта. Однако значительное число журналистов и просто любопытствующих все-таки пришло вечером к скверу на улице Кирова. В течение дня в центральных районах города зафиксировано также значительное скопление милиции и ОМОНа.

Приблизительно без четверти семнадцать сквер на улице Кирова оцепила милиция и перекрыла пешеходное движение. Свои действия сотрудники правоохранительных органов объясняли отказывались или отвечали требованиями разойтись. Кстати, по свидетельству арестованных, часть из них задержаны именно из-за того, что они возмущались действиями милиции и необходимостью делать значительный «крюк» из-за оцепления. Оцепление сопровождалось вещанием громкоговорителей с милицейской машины о «запрете массовых мероприятий», вызывавшим дружный свист у собравшихся. Это была единственная акция присутствующих, поскольку за весь вечер попыток поднятия флага, скандирования, призывов через мегафон зафиксировано не было.

Задержания производились первоначально в отношении людей, отказывавшихся освободить лавочки в сквере, и лиц, настаивающих на проходе через милицейское оцепление. При арестах применялись и меры физического воздействия. Приблизительно через час милиция начала производить «зачистку» улицы Кирова в сторону привокзальной площади. Те, кто не успевал спрятаться в магазине или укрыться в проходящем автобусе, оказались арестованными.

Особенно жестокому обращению при аресте подвергся депутат Верховного Совета 13-го созыва, корреспондент газеты «Говариц» В. Щукин. Предварительно он предъявил журналистское удостоверение старшему в оцеплении и был задержан в момент взятия интервью. Он подвергся жестокому избиению – и при задержании, и при доставке его в Октябрьский РОВД. Сотрудники милиции не скрывали того факта, что знали и его лично, и о его журналистской деятельности. Арестованные были подвергнуты принудительному фотографированию. Всего, по данным независимых источников, в этот день было задержано около сорока человек.

2 апреля

На этот день планировались митинг сторонников объединения с Россией (в 17 часов в Парке Горького) и митинг оппозиции на пл. Парижской коммуны в 18 часов. Однако в городе были распространены листовки, призывающие противников союза тоже прийти к Парку Горького.

В назначенное время в парке собрались представители пропрезидентской коммунистической партии, молодежного союза «Прямое действие» и Патриотического Союза Молодежи⁴ общей численностью около 200 человек. Одновременно начали прибывать представители оппозиции, отвечавшие свистом и выкриками на каждое выступление митингующих. Из-за того, что основные противостоящие силы были разделены оградой парка и оцеплением милиции, «выяснение отношений» не пошло дальше взаимных оскорблений.

Приблизительно через 20 минут оппозиционеры, подняв бело-красно-белые флаги начали несанкционированное шествие в сторону пл. Парижской коммуны. Во время шествия велось скандирование: «Незалежнась!» (Независимость) и «Жыве, Беларусь!». На обращение милиции через мегафон о незаконности манифестации и о персональной ответственности участников демонстранты дружно реагировали криками «Ганьба!» (Позор). Во время шествия некоторые его участники кидали в милицию мелкие камешки и другие предметы.

Продвигаясь в сторону пл. Парижской коммуны, демонстранты на некоторое время перекрыли улицу Янки Купалы. Происходили первые попытки задержания участников, но пока обходилось без силовых столкновений. Митинг долгое время не начинался, и складывалось впечатление, что организаторы не ожидали беспрепятственного прохода колонны до места официально разрешенного митинга. Число участников колебалось около одной тысячи человек (с учетом стоящих вокруг зрителей – до 1,5 тысячи). Демонстранты, помимо бело-красно-белых флагов и флагов Объединенной Гражданской Партии поднимали лозунг «Русские идут!». Во время митинга наиболее радикальная часть демонстрантов под флагом молодежной фракции БНФ захотела организовать шествие в сторону российского посольства, но первая попытка им не удалась.

Вторая попытка оказалась успешной, и большинство митингующих двинулось в сторону российского посольства. Организованно не участвовали в данном шествии лишь представители ПТ (Партия Труда). Приблизительно в 19 часов манифестанты перекрыли движение на ул. Богдановича. Почти сразу же вслед за ними начали высаживаться из автобусов и перемещаться отряды ОМОНа, которые напали на задние ряды демонстрантов. Сама колонна, столкнувшись с кордонами милиции у российского посольства, снова пыталась передать им тыкву (древний символ отказа от сватовства). Затем в ряды милиции полетели камни, палки, подручные предметы. Отряды милиции и спецназа начали без предупреждения «гнать» оппозиционеров вдоль ул. Коммунистической.

Часть демонстрантов пыталась укрыться во дворах и переулках. Другая, отбиваясь и сопротивляясь, уходила в сторону ул. Варвашени, на подступах к которой и распалась. Действия сил правопорядка отлича-

лись особой жестокостью. Избиению и арестам подвергались не только участники, но и зрители, случайно проходившие мимо люди. Так был задержан наблюдавший за происходящим гражданин Я. Сейто. Жестоким избиениям и задержаниям подвергались также женщины и престарелые. Милиция и спецназовцы ограничивались действиями на улице, вылавливая и избивая демонстрантов во дворах.

Пострадали многие журналисты. Был снова зверски избит Валерий Шукин, за которым велась настоящая охота. Серьезно избиты корреспондент «Итогов» Татьяна Холина и ее муж Владимир (отбиты почки). Имелись случаи уничтожения журналистской аппаратуры. Нападения происходили и на иностранных журналистов. Попытка задержания была предпринята к польскому журналисту Ц. Галиньскому («Выборча», Варшава); отбит демонстрантами. Преследованию подвергались и лица, ведущие кино съемку. Имелись факты, когда милиция не обращала внимания на удостоверения-бэджи. Так, был задержан и избит наблюдатель от Белорусского Хельсинкского комитета Д.В. Носов.

В целом можно говорить о крайне жестоком характере действий сотрудников милиции. Особо следует отметить дело Белоцерковца Николая Николаевича. Инвалид второй группы с детства, состоящий на учете в психоневрологическом диспансере, был арестован милицией, несмотря на имеющееся у него удостоверение об инвалидности. Удостоверение было отобрано в отделении милиции, а дело передано в суд, который присудил его к штрафу свыше 6 млн рублей. По возвращении домой 3 апреля на его теле обнаружены следы избиения.

Следует заметить, что демонстранты нередко весьма активно оказывали сопротивление работникам правоохранительных органов. Всего за время проведения акции восемь сотрудников милиции получили травмы различной степени тяжести: двое госпитализированы, у одного отбита селезенка.

Особого внимания заслуживает примененная милицией практика «зачистки». Она заключалась в оцеплении целого района и массовых арестах внутри него, в том числе и лиц, никак не связанных с происходящей акцией. Распространены случаи арестов граждан лицами в гражданской форме без предъявления документов.

Непосредственные активные столкновения и аресты продолжались около часа. Последняя группа участников, состоявшая уже в основном из журналистов и свидетелей, оставалась, обмениваясь впечатлениями, на ул. Коммунистической у кафе «Восход». Уже никаких лозунгов и флагов не поднималось, скандирования не было. Несмотря на это около 25 человек с применением физической силы были арестованы. В процессе задержания ОМОН вбегал вслед за пытавшимися укрыться даже в кафе.

Вообще, напряженная обстановка характерна не только для места и времени проведения акции. В течение всего дня в центре города нахо-

дились мощные силы специальных подразделений милиции. На улице Янки Купалы в первой половине дня, задолго до начала акции зафиксирован арест неизвестного гражданина лицами без формальных знаков отличия. Несколько граждан были тяжело избиты ОМОНОм на пр. Машерова – на значительном удалении от места событий...

В целом, по официальным данным, заведено 76 дел, трое из демонстрантов обратились в больницу. По неофициальным данным, число задержанных и пострадавших доходит до 300 человек.

Опубликовано в журнале «Наперекор» в 1997 г., № 6

Выборы властью нужного ей народа

По всем канонам апофеозом демократии является институт выборов, когда народ, проявляющий свою сознательность и мудрость, мирно и законно меняет правителей или доверяет им и дальше управлять за себя, засыпая на последующие 4–5 лет. Мирная и безболезненная возможность передавать власть всегда являлась основным козырем демократической системы. Естественно, когда появились страны так называемой «новой демократии», то именно эта система выборов была основной надеждой демократов всех мастей и званий, нервно передергивающихся при воспоминании о геронтократии вымирающих кремлевских старперов 70-х – 80-х годов.

Выборы не получились. Вернее, они были, и это главное политическое событие для всех стран на постсоветском пространстве. Даже в Туркменистане сначала все были преисполнены самыми фантастическими картинками, когда менялась политическая власть после окончательной деградации из человеческого существования луноликого, а потом все опять долго и упорно учились выговаривать имя нового среднеазиатского бая⁵. Но каждый раз вместо выборов мы получаем либо столкновения власти с народом, либо прямую патерналистскую передачу скипетра и державы по образцу верноподданнического преемства. Иногда, без всякого стеснения, в точном монархическом духе – от отца к сыну. Причем независимо от того, были столкновения или нет, демонстрация полного игнорирования властями волеизъявления своих граждан является обязательным элементом любой демократической системы на наших широких евразийских просторах.

Где же тогда то самое главное достижение демократии, и почему опять не получилось – чему стала самым ярким доказательством Армения, которая старалась хотя бы внешне соблюсти демократические процедуры?⁶

Не мы первыми задаемся этим вопросом, все время слышим сетования на не устоявшуюся демократическую систему, отсутствие политических ценностей и пр. Уже 15 лет как у нас демократия, и в большинстве стран

бывшего советского пространства власть только и делает, что клянется в своей демократичности, а демократические выборы и не думают укореняться, ценности не приходят, и если в обществе есть реальная оппозиция, то на следующих выборах жди обязательных народных волнений. Гадалки могут отдыхать, мы и без них на 100% предскажем, что в любой из постсоветских стран выборы обернутся либо самодержавной передачей власти представителю того же клана либо обязательными серьезными столкновениями.

Вопрос о мировоззрении исключаем, мы – дети разных культур, религий и традиций, а за 15-летие демократии бывшие советские республики постарались отделиться и отдалиться друг от друга настолько, насколько смогли.

Так почему же на Западе – спокойные выборы со сменой власти, а у нас снова сожженные машины, чрезвычайное положение и силы правопорядка, дерущиеся с собственным народом? На Западе при смене власти в реальности ничего не меняется, а у нас меняется самое главное – меняется клан, который получает непосредственную выгоду от пользования своим народом и его богатствами.

Устойчивость западной системы определяется тем, что на протяжении столетий она росла на богатствах всего остального мира, который нещадно эксплуатировался. И даже сейчас деньги, идущие в развитые страны из бедного Юга каждый год, значительно превышают суммы, направляемые с богатого Севера на Юг путем кредитов, гуманитарной помощи и прочего. За последнее время к подкармливанию западной демократии присоединились и мы, отправляя туда все имеющиеся ресурсы.

Очень легко устраивать демократию на таком материальном фундаменте. Это как плесень на продуктовом складе: паразиты могут меняться, но раз свежие продукты подкидывают, то и плесень не исчезнет, а будет расцветать дальше.

Нашим властям в этом плане «сложнее», им приходится жить не за счет ресурсов всего мира, а только обворовывая свой народ. И если один клан уходит от власти, то он буквально остается ни с чем. «Ни с чем», разумеется, по их олигархическим меркам. Клань у нас не могут жить по 4–7 лет и более в ожидании доступа к корыту изобилия. В наших странах нет резерва, мы не можем устраивать свое благополучие за счет постоянного притока новых ресурсов из-за рубежа. Западные кредиты ставят в зависимость нас, а не их.

Что остается? Майданы, живые баррикады из демонстрантов, чрезвычайные положения и очередные сцены «установления демократии» на высокопрофессиональных журналистских кадрах CNN и EuropeNews. Профессионализм работы журналистов, которые вы можете увидеть сами, это единственное, что радует в наших выборах.

Опубликовано в марте 2008 г. на сайте
Института верховенства права: www.ruleoflaw.ru

Грузия: конец демократии?

После «революции роз»⁷ Грузия превратилась в «обетованный край» для всех демократов постсоветского пространства. Страна, которая делала явные социально-экономические успехи в сочетании с жесткой антиросийской ориентацией и сохранением свобод для внутриполитических сил, выглядела реализацией либеральной мечты 90-х годов. Даже раздираемая на две части Украина не могла служить таким образцом победы свободы и демократии, как «саакашвилевская» Грузия.

Мифы с трудом создаются, но рушатся в одночасье. Саакашвили не выдержал нескольких тысяч недовольных и ответил силой на мирный протест⁸.

Обвиненная в недемократизме украинская власть не решилась применить силу против оранжевого майдана, киргизские правители также не захотели идти на силовой путь подавления «революции тюльпанов», а демократия в Грузии встречает оппозицию резиновыми пулями и слезоточивым газом. Никто не утверждает, что оппозиция, собравшаяся в центре Тбилиси, лучше, чем Саакашвили и его окружение. Возможно, приди к власти пестрое политическое одеяло грузинской оппозиции, все стало бы намного хуже.

Саакашвили наверняка останется у власти. Все правители, кто решился на применение силы против бунтарей, закрепляются надолго у руководства бывшими советскими республиками. Просто Саакашвили стал в круг жестких патерналистских режимов, вошел в общий клуб вождей, где уже были Алиев, Каримов, Лукашенко и другие, а еще раньше – Ельцин с его сентябрем – октябрем 93-го. Саакашвили остался, – умер миф о мягкой демократии, способной «переваривать» любые оппозиционные наступления и при этом делать жизнь людей все лучше и лучше. Власть остается властью, на обломках советского прошлого выживают только те режимы, которые жестко задавливают своих оппонентов, а какие лозунги они поднимают: демократия, суверенитет, социализм, традиции, социальные гарантии и пр. – дело глубоко второстепенное.

В стабильных политических условиях требования грузинской оппозиции могли бы стать предметом очень жестких дискуссий в Парламенте и, в крайнем случае, поводом для пары мирных манифестаций. Даже погромы в Париже, беспорядки в Берлине или Лондоне не привели к чрезвычайному положению по всей стране. А теперь представьте, что подобные события произойдут в любой из постсоветских республик. Вся разница между демократами и недемократами будет заключаться в том, какие пули для разгона они применят – резиновые или настоящие.

Как же идеи, лозунги? В Таджикистане во время гражданской войны «юрчкики» и «вовчкики»⁹, как противоборствующие стороны, тоже делили между собой лозунги. «Вовчкики» на правах первых взяли демокра-

тию и исламизм, «юрчикам» остались коммунизм и советская власть. При этом насилие и жестокость использовали обе силы без ограничения.

Постсоветские республики не так далеко ушли друг от друга, и выбор между красными и белыми, демократами и коммунистами, пророссийской или проамериканской позицией означает просто желание идти под крылом более сильного. Если сильный меняется, то можно резко поменять ориентацию, как президент Молдовы Воронин, накануне выборов срочно перекрасившийся из коммуниста в стопроцентного проратовского демократа. Намечавшаяся молдавская революция тут же отменилась, хотя кроме смены ориентации вождя, в республике не изменилось ровным счетом ничего.

Вы спросите: «Как же справедливость?» Присмотритесь к фотографиям, она где-то мечется меж полицейских сапог или смывается в небытие струями водометов.

Опубликовано в марте 2008 г. на сайте
Института верховенства права: www.ruleoflaw.ru

С «Крыши мира» льется кровь

С «Крыши мира» нам на голову льется кровь¹⁰.

Как от всякой неприятной неожиданности, мы пытаемся от нее отстраниться, сказать себе, что Тибет далеко, нас это не касается и, вообще то, что там происходит, — случайность. Слишком явно ломает произошедшее там все сложившиеся в российском обществе стереотипы. Слишком резко контрастирует с нашей мечтой о сытой и довольной стране, с сильной властью, в виде которой нам все больше начинал представляться чуть ли не сказочный Китай.

У нас сложилась психология мелких зажавшихся кулаков-мироедов, которые, чуть вырвавшись из круга бедности, смотрят свысока на своих собратьев, ничего не желая о них больше знать. Все свои надежды и проблемы мы сравниваем только с Европой и Северной Америкой, представляя весь остальной мир в виде большой помойки с варварскими племенами, в чью сторону и глядеть-то стыдно. Этот образ варваров-папуасов очень крепко вбивался нам в мозги, и наше общество его радостно проглатывало, представляя Третий мир в лучшем случае в виде курортных палм, куда можно съездить в отпуск погреться на пляже и поиздеваться над «бесхвостыми обезьянами».

Воротилы «цивилизованного» мира нашему имперскому патриотизму очень радовались все эти годы, имея нас, как Африку, Азию и Латинскую Америку вместе взятых. Пока россияне надувались имперской спесью, из страны качали за бесценок все возможные ресурсы, грабя ее точно так же, как многие сотни лет разграбляют Африку, Азию и остальной столь нами презираемый мир.

Наконец поняв, что «гордость великороссов» плохо сочетается с позицией добровольной жертвы международного грабежа, взоры национал-патриотов и всяческих державников уперлись в Великую китайскую стену, за которой они увидели «Землю обетованную». Правда, расположенная там, «Поднебесная империя» усиленно браконьерит в дальневосточных российских районах, выжимает оттуда русское население и в буквальном смысле размывает российскую территорию, меняя русло Амура. Но кто будет обращать внимание на такие мелочи, когда на кону метафизические понятия «империя» и «держава»?

И тут вдруг такой облом. Якобы спокойный и якобы сытый Китай, творящий экономическое чудо на рабском труде своих граждан и режиме наибольшего экономического приятствия со стороны Соединенных Штатов, вдруг взорвался Тибетом. Этот взрыв столь исторически неизбежен, сколь и совершенно неожидан и несуразен для господствующих у нас общественных мифов.

Итак, у нас считается, что экономическая свобода должна привести к такой же свободе политической, процветанию и всеобщей радости. Один из самых злостных и опасных либеральных мифов. Экономическая свобода в Китае не только не приводит к смягчению режима, но и провоцирует там новые витки политического давления. Международному сообществу в лице корпораций (любое иное сообщество на международной арене реального веса не имеет) на все изыски китайской политики глубоко наплевать, потому что Китай — это крупнейший экономический полигон, где можно производить чуть ли не неограниченное множество продукции по демпинговым ценам.

При всей своей культурной симпатичности Тибет просто мешает тотальной экономической прибыли и должен быть в скором времени китаизирован. Кстати могу напомнить, что процесс насильственной китаизации Тибета и потери им автономии очень знаково назывался демократическими реформами.

Миф второй: любые вспышки сепаратизма, протестов и иных недовольств против столь «прогрессивной» имперской власти всегда провоцируются и моделируются извне. Это любимый миф наших национал-патриотов, не понимающих, что человек может протестовать, потому что его обидели и ему плохо, а не по причине денежных подачек из-за рубежа. В случае Тибета внешние факторы, наоборот, тормозят выступления, стараются сделать все, чтобы они сошли на нет или хотя бы приняли ненасильственный характер. Духовный глава Тибета в изгнании, Далай-лама XIV пытается остановить волну протеста даже угрозой собственной отставки. Не понимаю, правда, как может уйти в отставку лицо с невыборного поста, который занимают исключительно сакральным путем? Но факт остается фактом, на сегодняшний день даже из стран и сил, откровенно не симпатизирующих Китаю, нет тех, кто заинтересован в тибетском восстании. А восстание все равно есть.

Уже не столько мифом, сколько незыблемым постулатом для всего мира является правило, что государство строится по национальному признаку. Каждый раз в истории люди обжигаются об это правило и продолжают в него все так же свято верить. То рассеянные по миру евреи вспоминают о своем государстве трехтысячелетней давности и создают немисляемую по запутанности арабо-израильскую проблему, то никогда не имевшие государства курды начинают доказывать, что они тоже полноценная нация, и создают очаг гражданской войны в нескольких государствах сразу. Я уже не говорю о попытках расширить свою национальность до каких-либо немислимых исторических, метафизических или суперэтнических границ типа фашистской Германии или кхмерской Кампучии Пол Пота.

Если мы признаем нацию основной силой, образующей государство, то как быть с теми национальностями, которые оказались в составе иных государств? Невозможно себе представить, чтобы была у каждой нации своя страна. Кто себе может наяву вообразить химеру государства цыган или представить на сколько стран должна распасться Россия. А если мы вспомним еще субэтноты, то идея национального государства плавно превращается в новую мировую войну, не затухающую до полного уничтожения большинства народов.

Особенность Тибета в том, что его население в меньшей степени подвержено национализму, чем народы иных непризнанных государств. Далай-лама вообще выступает оплотом пацифизма и пользуется непрекращаемым авторитетом среди тибетцев. Несмотря на то, что его портрет висит в доме каждого тибетца, все призывы о мире духовного главы повисают в воздухе, а тибетцы продолжают выступать, подрывая на корню миф о национальном государстве.

В конце концов в том же Китае живет огромное число национальностей, многие из которых еще более отличаются от ханьцев – крупнейшей этнической группы Китая – и подвержены еще большему национализму. Однако восстал именно Тибет. Значит, дело не просто в национальном государстве и столкновении национальных интересов. Эти факторы уходят на второй план, что повергает в душевный трепет всех международных идеологов и политологов.

Мы были уверены, что подобные выступления совершаются, когда центральная власть слаба и империя рушится. Своя рубашка ближе к телу, а опыт развала Советского Союза продолжает нам сниться в страшных снах. Пора проснуться, Китай находится на пике политического, военного и экономического могущества, о внутреннем разладе¹¹ периода Тяньаньмэня 1989 года уже все забыли, а Тибету это не мешает бастовать. Имперское мышление опять сталкивается с реальностью, и остается расставаться с национальными либеральными архетипами либо сходить с ума. Наши эксперты выбрали третий путь, они вообще никак не комментируют события в Тибете.

С наименьшим энтузиазмом нам вдавливали в голову, что восстание – удел слабых и нищих, а экономически преуспевающий и перспективный

регион имеет прививку от бунтов. Им вроде как некогда бастовать, они делают деньги. В последние годы Тибет превращается, вернее, превращался, в один из крупнейших туристических центров мира. План экономического освоения Тибета, предложенный Пекином, предполагал явный рост благосостояния для жителей Тибета вплоть до их процветания, несмотря на чуть ли не принудительный ввоз китайского населения в огромных, несусветных количествах. То, что при реализации этого плана будет нанесен непоправимый удар по экологии, а тибетцы полностью потеряют идентичность, является для капиталистов сущими пустяками по сравнению с задачей сделать регион доходным. Впрочем, мы с вами привыкли к подобной логике. О национальных различиях они вспоминают, когда сталкиваются с социальным протестом, а действуют сами абсолютно идентично и интернационально. Как говорится – прибыль национальности не имеет.

И вот вместо того, чтобы радоваться свалившемуся на них счастью, тибетцы начинают восставать. Это при том, что реально уже сейчас начинает ощущаться рост экономического благополучия, регион отнюдь не выглядел экономически депрессивным, а от возможности роста буквально кружило голову.

Все-таки, видимо, с «Крыши мира» видно лучше. И пусть оттуда льется кровь, но она смывает пелену лжи, которой вот уже столько лет пичкают наши головы. И пусть восстание в Тибете выглядит обреченным, а данные о соотношении сил такие, что оно должно было прекратиться еще на стадии первых мыслей о нем, это несуразное для мировой политической элиты выступление способно сломать господствующие мифы, и своей основной цели оно уже добилось. Остается лишь задуматься, а не брезгливо отмахиваться от льющейся крови.

Опубликовано на сайте

Института верховенства права: www.ruleoflaw.ru

Примечания

¹ В декабре 1991 г. в первом туре первых демократических выборов в Народное собрание Алжира оппозиционный фундаменталистский Исламский фронт спасения получил 188 мест из 231. В январе 1992 г. в результате военного переворота смещен президент Бенджедид, Исламский фронт спасения запрещен.

² Первые демократические выборы в парламент Ливана состоялись в июне 2005 г., через месяц после вывода из страны сирийских войск. Убедительную победу одержало оппозиционное «Движение 14 марта» во главе с Саадом Харири, шиитские группировки «Амаль» и «Хезболла» сформировали вторую по численности фракцию.

³ Белорусский конгресс демократических профсоюзов (БКДП) создан в 1993 г., числ. ок. 10 тыс. человек, в 1996 г. по распоряжению президента Министерство юстиции отказало БКДП в перерегистрации, в результате проведенной его защитниками международной кампании перерегистрирован 19 декабря 1997 г.

⁴ Молодежный союз «Прямое действие» – пролукашенковская организация, созданная в 1996 г. Его радикальная риторика и активность, начавшиеся контакты с организациями типа Русского национального единства испугали власть, и весной 1997 г. на-

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Останкино. Голоса

Интервью с санитарями-добровольцами Станиславом Маркеловым, Николаем Широниным и Ольгой Трусевич¹.

Николай Широнин: Вечером в субботу 2 октября 1993 года я совершенно случайно попал на Смоленскую площадь вечером и встретил людей, с которыми мы в 91-м году вместе были на шестой баррикаде². Они решили сделать санитарную дружину, – не участвовать было в лом, а участвовать на чьей-либо стороне было противно.

Станислав Маркелов: Был в медгруппе с субботы. События начались в воскресенье. «Вечер» на Октябрьской площади организовывали на два часа, мы приехали чуть пораньше.

Ник: Мы решили обогнать демонстрацию и пошли дворами к Крымскому мосту, вышли, когда началась драка с ОМОНОм.

Стас: Народ был сильно возбужден и тем, что было утром, когда их гоняли, и вчерашними столкновениями, и тем, что творилось всю неделю. Началось... Разгром милицейских цепей, очень жестокий разгром. Избивали, кидали в них камни, – неизвестно откуда камни взяли. Милицию скидывали с лестницы. Амуницию, щиты кидали в воду. Мы стали оказывать помощь ОМОНу. Это были не милицейские части, а обычные призывники.

Ник: Милиционеров, которые попали в драку, просто разорвали. С моста летели щиты, бронежилеты, дубинки и каски. Что-то, похожее на милиционера, слетело с моста. Были пострадавшие. Женщина лет шестидесяти сказала, что ее ударили дубинкой – рваная рана. У милиционера была разбита голова.

Стас: Мы шли вслед за демонстрантами, не могли поспеть за первой колонной: приходилось все время оказывать помощь раненым.

На Смоленской площади трое пострадавших – один милиционер (мы уже не могли ничем помочь), и двое пожарников – ушибы, в драку попали.

чалось создание более умеренного Белорусского патриотического союза молодежи (6 сентября 2002 г. вошел в Белорусский республиканский союз молодежи).

⁵ «Пожизненного президента» Туркмени Сапармурата Ниязова, умершего 21 декабря 2006 г., сменил преемник, Гурбангулы Бердымухамедов, на выборах 11 февраля 2007 г. набравший 89 % голосов.

⁶ На президентских выборах в Армении 19 февраля 2008 г. победу одержал набравший 52,86 % Серж Саркисян. С 20 февраля оппозиция во главе с Левоном Тер-Петросяном, не согласная с результатами выборов, проводила массовые акции, которые 1–2 марта переросли в столкновения с полицией. Погибли 10 человек, 265 получили ранения, 59 обвинили в «участии в массовых беспорядках».

⁷ Массовое ненасильственное народное движение против фальсификации итогов парламентских выборов 2 ноября 2003 г. Протест достиг апогея 22 ноября, когда митингующие заняли здание парламента. На следующий день президент Э. Шеварднадзе ушел в отставку. На президентских выборах 4 января 2004 г. победил М. Саакашвили.

⁸ В начале ноября 2007 г. грузинская оппозиция предъявила ультиматум президенту М. Саакашвили и начала бессрочный митинг в Тбилиси на проспекте Руставели. Утром 7 ноября 2007 г. полиция приступила к разгону митинга с использованием водометов и слезоточивого газа, начались массовые столкновения. В итоге более 500 человек обратились за медицинской помощью, 24 были госпитализированы. На 10 дней было введено чрезвычайное положение и закрыты оппозиционные телеканалы.

⁹ Самоназвания сторон вооруженного конфликта 1992–1993 гг. в Таджикистане: «овчички» – от слова «вахабиты», «юрчики» – сторонники «юридически законного» правительства.

¹⁰ 10 марта 2008 г., незадолго до 49-й годовщины восстания 1959 г., в Тибете прошли мирные демонстрации, переросшие через несколько дней в массовые волнения, жестоко подавленные. Власти сообщали не более чем о 20 погибших, оппозиционеры – о десятках убитых и многих сотнях арестованных.

¹¹ Заметные внешнему наблюдателю события (такие, как протесты 1989 г. на пл. Тяньаньмэнь и их подавление) происходили на фоне мощных, длящихся десятки лет сепаратистских конфликтов в Тибете и Синцзяне.

Ольга Трусевич: Лежащего без сознания пожарника с пробитым черепом забрала реанимационная машина.

Ник: Человек, который попал под машину: двойной открытый перелом ноги. Милиционеры в автобусах, попытка самосуда. Демонстранты встали в цепочку, не давали толпе пробиться к ним. ОМОНовцы уходили в подворотни, в проходные дворы.

Стас: На повороте – двое гражданских. У одного сильный удар по голове, сотрясение мозга, у другого удар в живот, тоже очень сильный, он не мог продохнуть.

Ольга: Я спросила: «Кто вас ударил?» Ответили – ОМОНовцы. Уложили одного на спину, нашли «Скорую»...

Ник: Побежали в сторону Белого дома, – говорили, там есть раненые. Мы были ближе к началу толпы, которая прорвала блокаду.

Кто-то выступил с речью, собрались брать Останкино, мэрию и Кремль. Потом от затей брать Кремль отказались.

Толпа двинулась к гостинице «Мир»³. Мы – от головы колонны метрах в пятидесяти. Поднялись в гостиницу. Там был какой-то санитарный пост, скучала женщина с повязкой Красного Креста. Работы у них не было. Внизу началась перестрелка. Люди ходили вокруг БТРа, лезли на него. Второй БТР подожгли горючкой, он загорелся, задымился и на большой скорости ушел в сторону «Баррикадной».

Перестрелка стихла. Появились два человека в форме (друг друга называли «абхазцами», – видимо, воевали в Абхазии⁴), провели десяток пленных солдат-«срочников» внутренних войск. Два милиционера стояли на входе с оружием. Пытались их разоружить – они сказали, без приказа оружия не отдадут. Была попытка самосуда – их отбили: прошел командир «абхазцев», потребовал, чтобы ментов не трогали.

Абхазцы капитально готовились к драке, заняли круговую оборону. Стали собирать гранатометы, заряжать... Мы сопровождали пленных – толпа была готова их разорвать.

Стас: Когда были выстрелы, пришлось перевести медпункт во дворы. Оказывали помощь раненым. Когда мы поняли, что надо ехать в Останкино (там будут разворачиваться какие-то события), отряд разделился, часть поехала в Останкино.

Ник: Где-то через час мы влились в колонну, которая шла в сторону Останкино по Садовому кольцу. На Маяковской сели в метро, – опять разделились. В метро было спокойно, как будто ничего не происходит.

Ольга: Стас, Андрей, Сергей, Ира, Володя и я выехали в Останкино. Единственная возможность поехать – в военной машине, вместе со «штурмовиками». Колонны таких машин формировались у 8-го подъезда.

Стас: Мы подключились к третьей колонне. Ехали вместе с нами французские журналисты.

Ольга: Люди в камуфляжной форме с автоматами были в меньшинстве. Подавляющее большинство «штурмовиков» гражданские, с палками, резиновыми дубинками и заточками.

Стас: Над колоннами были красные и имперские трехцветные черно-желто-белые флаги.

Ольга: Мы укрепили на машине флаг с красным крестом. Нас попросили потесниться: «Сейчас сюда войдет вторая казачья бригада». Бригада залезла в кузов – три-четыре казака, остальные просто сборный народ, лет от тридцати пяти.

Стас: Ехали и ребята лет по десять-двенадцать, которые просто, наверное, в войнушку хотели поиграть. С нами не было никакого оружия, только щиты и штыри типа арматуры. Щитов на весь грузовик было штук три.

Мы организовали в Останкино медпункт, тогда не было никаких раненых.

Ольга: Мы разбили медпункт посреди улицы Королева, под фонарем, – быстро темнело. Напротив левого крыла длинного здания телецентра, в полусотне метров от края здания технического центра, от центра будущих событий.

Прошло часа два, повстанцы потеряли много времени.

Стас: Часть из нас пошла ко мне домой (я живу в Останкино) позвонить домой и за едой, водой и еще медикаментами, которые оставались у меня дома.

Ник: Мы решили, что событий уже не будет, их было достаточно, было уже темно... Когда мы двинулись уже к Станиславу домой, то увидели подъезжающую военную колонну.

Возвращаясь вместе от Станислава, пропустили начало событий. Вернулись, услышали выстрел из гранатомета, перестрелку.

Ольга: Сразу – выстрелы из окон техцентра. Пришлось быстро убежать. Залегли на краю простреливаемой улицы. Я увидела девушку лет семнадцати-восемнадцати, раненую в бедро. Кровь текла по черным лосинам, охал и причитал парень, который зачем-то привел ее сюда.

Стас: Парень пришел с девушкой. Пришли – видите ли, зрелище. Девушка была серьезно ранена. Врач, который перевязывал, сказал: пуля 5,45 в бедро...

Было много зевак, демонстранты из Белого дома, но у них ничего не было – флаги, щиты, которые отняли у ОМОНа, от пуль не защитят. Пошли раненые. Много. В основном в глубине парка, – те, кто думал, что находится в безопасности, и не прижимался к земле.

Ольга: Стрельба на время утихла. Медпункт, расположенный в опасном месте, перенесли на край дороги в скверик. Стрельба возобновлялась каждые 5–10 минут, приходилось отступать от одного фонаря к другому, все дальше, а потом вообще в глубь темного сквера.

Ник: Дорога простреливалась, был слышен свист пуль. Появились раненые среди тех, кто был на обочине, в парке. Люди ушли с обочины, медпункт начали переносить с места на место. В одном месте простреливалось, из другого места нельзя было достать раненого.

Стас: Наверное, они сами с трудом разбирали, куда они стреляют. Прицельного огня не было. Но любой огонь, который шел в сторону парка, находил своих жертв.

Мы нигде не могли остановиться, чтобы организовать медпункт, потому что именно в этом месте начинали стрелять.

Ник: Мы еще были близко от дороги, флаг был виден хорошо. По этому флагу было два или три выстрела из винтовки со стороны телецентра. Одна пуля, сбив ветку у нас над головой, серьезно ранила человека за нами глубоко в парке, стреляли по санитарам. Потом – трассы – в толпу, в парк, в ближних людей.

Стас: В Останкино мы все время искали врачей, отряд постепенно пополнялся.

Ольга: Мы разбились на пары – врач и помощник. Один из наших, Андрей, перевязывал раненых, наверное, человек 20. Другой, Володя, на рафике вывез шесть человек раненых, седьмой оказался мертвым. Больше всего раненых было у задания, время от времени оттуда кого-нибудь приносили.

Стас: Часть медгруппы все время там курсировала, и были несколько человек, которые были у флага, у «Красного Креста» с медикаментами, т.е. мы подходили туда, брали бинты и...

Ник: Появились БТРы. БТРы мотались кругами вокруг телецентра. Сначала стреляли по гражданским над головами, в парке были раненые.

Люди загородили улицу Королева от БТР двумя автобусами. Какой-то человек решил поджечь автобус – слил горючее на землю, поджег, появилась горящая дорожка от этой лужи до него. Он загорелся, пылал минуты две. Его несли мимо медпункта, я спросил, что с ним, – сказали, умер.

Стас: Обстрел продолжался. Обстрел все время продолжался, он даже ужесточился. Чаще стреляли по парку. Передавали по мегафону: «Расходитесь. Через сорок пять секунд начинается огонь на поражение». Объявляют, после этого – огонь. После этого снова объявляют.

Мы ушли, не видно было наших белых повязок с красными крестами и не было видно флага нашего. То есть был виден флаг – непонятно что – в темноте не разберешь красный крест. Поэтому мы ушли.

Народ там уже лежал и вообще ничего не делал: лишь бы там лежать, лишь бы не убили.

Уходили задом, через улицу, которая шла через Ботанический сад.

Когда пришли ко мне домой, за квартал, окна выходят на другую сторону от Останкино, – через дом пролетали трассирующие пули.

Там один человек поехал за лекарствами, чтобы вернуться, – оставался до трех-четырех часов ночи работать.

Ольга: Около половины десятого подошли к концу бинты, – мы снабжали ими всех, кто был готов бегать и перевязывать. Попросилась в автобус – там сидел раненый в плечо, его везли в 20-ю больницу люди, которые собирались затем ехать за подмогой к Белому дому.

Долго стучались в закрытую аптеку. Наконец открыли. Долго не понимали сбивчивых объяснений. Сказали, бинтов почти нет, за семь тысяч рублей продали шесть штук и два больших свертка марли.

Поймала попутку: «В Останкино». – «Зачем вы туда едете? Там стреляет одна чеченская мафия!» Пыталась объяснить, что за целый день не встретила ни одного чеченца...

Прожектор БТРа осветил скверик. В то место, куда попал луч, последовала пулеметная очередь. Уже потом – объявления в мегафон, чтобы все ушли, иначе огонь на поражение. Как будто раньше стреляли не по людям...

А люди не уходили. Я упала рядом с человеком, лежащим под деревом в луже крови. Пуля прошла через шею в затылок.

Приближались БТРы, трассы пулеметных очередей. Пришлось уползать, убежать...

Рядом и впереди бежали люди. Споткнулась – сразу несколько человек кинулись в мою сторону. За трансформаторной будкой я увидела двух раненых, около них было уже человек 15. Парня лет двадцати, раненного в ноги, перевязали, надо было уносить – для этого взяли мой пояс. Мы побежали вглубь сквера, на параллельную улицу, где не стреляли, там раненого погрузили в какую-то машину.

Частные машины помогали: «Скорых» не хватало, и они не подъезжали близко.

Около трех ночи я обошла сзади здание техцентра и вышла к его правому крылу. Стояли пожарные машины и два троллейбуса. Я поднялась в троллейбус – оттуда открывался вид на площадь перед техцентром. Было видно, что все кончено. Пожар почти потушен. Стрельбы у здания не было, внутри все было тихо. Стояли четыре БТРа. Там, откуда я пришла, БТР продолжал расстреливать скверик, посылая туда белые пулеметные очереди.

Опубликовано 28 января 2009 г. на сайте Полит.Ру

Общественная жизнь 1992–1996 гг. в репортажах Станислава Маркелова

Написано для Бюллетеня Левого Информцентра (БЛИЦ)⁵ и Агентства социально-политической информации (АСПИ)⁶, публикуется с сокращениями⁷.

БЛИЦ. №12 1992 г.

НОВОСТИ ИЗ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

8 марта группа левых социал-демократов, представлявших большинство районных организаций СДПР в Москве, провела собрание, на котором была учреждена Левая платформа в СДПР (Московская организация). В платформу вошли левая фракция СДПР (фракция Г.Я. Ракитской), часть представителей фракции социал-демократического центра и ряд не входящих во фракции членов партии.

На собрании было решено провести в конце марта Учредительную конференциюевой платформы в масштабах всей Российской Федерации и вместе с партийными центристами подготовить и предложить на 7 мая съезду СДПР свой, альтернативный Исполкомовскому, проект резолюции.

Участники собрания отметили, что в сложившейся ситуации они могут и должны способствовать полевенно всей партийной политике, в противном же случае весьма вероятен раскол.

В качестве ближайших союзников левых социал-демократов упоминались партия «Новые левые» и неполитизированное рабочее движение.

Контактный телефон – XXX-XX-XX (Маркелов Станислав).

БЛИЦ. № 14. 1992 г.

НОВОСТИ ИЗ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

29 марта состоялись переговоры представителя сторонниковлевой платформы в СДПР С. Маркелова с лидерами фракции Социал-демократического центра СДПР Ю. Вороновым и Е. Мироновым.

Несмотря на разногласия, существующие по вопросам о частной собственности на землю (которую допускают центристы), о направлении реформы собственности (которую центристы, в отличие от левых, видят преимущественно как акционирование), удалось достичь соглашения о выработке единой предсъездовской платформы социал-демократической оппозиции, базирующейся на достаточно широкой концепции «производственной демократии»...

БЛИЦ. № 19. 1992 г.

МИТИНГИ, ДЕМОНСТРАЦИИ

1 мая Московская организация социал-демократической партии Российской Федерации провела праздничную акцию в Сокольниках... Едва ли не впервые СДПР заявила о себе как о социалистической организации. Заметнее всего «левеют» Московская, Калужская и некоторые другие ее организации.

На прошедшей в первой половине апреля конференции Московской организации СДПР был сформирован левоцентристский Исполком. Приток в партию новых молодых кадров осуществляется исключительно за счет сторонниковлевой платформы. Обращает на себя внимание и состав вступающих, среди которых немало бывших анархистов, хиппи, членов ФСОКовских интербригад и других левых.

Кроме того, Фракция Социал-демократического центра признала и внесла в свои программные документы отстаиваемый левыми тезис о передаче предприятий в полное хозяйственное ведение трудовым коллективам как об одном из возможных путей децентрализации экономики.

Все эти процессы вызывают нескрываемое раздражение у представителей правого крыла партии, в оценках которых центрист Воронов фигурирует как «троцкист», а автор этих строк – как «левый полпотовец».

Реальный баланс сил правых и левых социал-демократов покажет предстоящий съезд СДПР.

БЛИЦ. № 20. 1992 г.

СЪЕЗДЫ, КОНФЕРЕНЦИИ

С 7 по 10 мая в Москве и подмосковных Люберцах проходил IV съезд СДПР. Съезд рассмотрел вопрос об изменении тактики социал-демократии на сегодняшнем этапе проводимых реформ и изменения в Уставе. Левые, готовившиеся дать бой на съезде, оказались на нем в меньшинстве.

Первый острый момент был еще в начале съезда, когда члену Правительства П. Кудюкину предложили покинуть либо Правительство,

либо партию. Однако большинство съезда отстояло министерский пост П. Кудюкина.

По первому вопросу принята резолюция, предусматривающая «ответственное взаимодействие» с правительством. Изначально была предложена резолюция об «ответственном сотрудничестве» с Правительством. Левые выступали вообще против этой резолюции и предлагали концепцию Г.Я. Ракитской о передаче предприятий в полное хозяйственное ведение трудовых коллективов. Оказавшись в меньшинстве, они подержали «ответственное взаимодействие» как меньшее зло.

Было отмечено, что проводимая Правительством политика нуждается в корректировках, не ломающих логику проводимых преобразований. Отмечено, что СДПР может взять на себя ряд направлений политики, по которым у нее имеются специальные разработки: приватизация, труд и социальная защита, антимонопольная политика...

(по сообщениям П. Кудюкина и С. Маркелова)

БЛИЦ. № 52. Декабрь 1992 г.

СЪЕЗДЫ, КОНФЕРЕНЦИИ

18–19 декабря в Москве прошла объединенная конференция левых социал-демократов и комиссии СДПР по взаимодействию с рабочим и профсоюзным движением...

Среди гостей на конференции присутствовали представители Партии труда, Социально-экологического союза, партии «Новые левые», Российского СТК, Соцпрофа, Российской конфедерации свободных профсоюзов (один из отколов от Соцпрофа) и ФНПР. Делегация Партии труда во главе с А. Исаевым и А. Шершуковым отметила почти полное единство взглядов с левыми социал-демократами и заявила о том, что в ближайшее время имеет смысл слить Комиссию по взаимодействию с рабочим движением ПТ с аналогичной комиссией СДПР, возглавляемой Ракитской.

Зашел разговор о возможном объединении и самих партий. Несмотря на положительную оценку такой перспективы обеими сторонами, решено было не форсировать этот вопрос и ограничиться пока более тесной кооперацией ПТ и СДПР в рамках Конгресса демократических левых сил. При этом решено было вести в партиях работу, направленную на будущее слияние. Была принята политическая резолюция, в которой содержится призыв к переизбранию Съезда народных депутатов и Президента России. При обсуждении проекта Резолюции указывалось, что в зависимости от соотношения сил вопрос о «переизбрании» Президента левые могут трактовать и как отказ от института президентства вообще.

12–13 декабря в Москве прошел Пленум Правления Социал-демократической партии России... Пленум принял письмо к органам власти, в котором подверг резкой критике как Съезд народных депутатов России, так и Президента с правительством и призвал к созыву Учредительного собрания.

БЛИЦ. № 21 (74). Май 1993 г.

НОВОСТИ ИЗ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

28 мая в Москве состоялось расширенное бюролевой фракции в СДПР (Ракитская, Маркелов и Рыжов).

Обсудив перспективы партии после Нижегородского съезда, члены бюро констатировали неизбежность раскола в СДПР. Тем не менее решение вопроса о дальнейшем пребывании в партии решено было отложить до сентября, а в оставшееся время – более четко определить круг будущих союзников и провести пропагандистскую кампанию в центристских кругах СДПР...

БЛИЦ. № 42 (95). Октябрь 1993 г.

АГИТПУНКТ

На прошедшей неделе практически завершился организационный раскол московской организации СДПР.

21 октября прошло собрание крыла МО СДПР – сторонников председателя партии Голова, поддерживающего Ельцина. На собрании решено создать свою организацию. Это крыло объединяет около 50 членов СДПР.

23–24 октября прошла конференция крыла МО СДПР, находящегося в оппозиции к режиму Ельцина (в это крыло входит около 120 членов СДПР). Конференция решила, что МО СДПР примет участие в выборах только по территориальным округам и определила союзников по предвыборной борьбе: АОГОС (Ассоциация органов территориального общественного самоуправления), запрещенная властями, МО СДПР выразила готовность стать для нее легальной «крышей», Партия Труда, движение «Смена – новая политика», МФП и ряд других профсоюзных объединений. От участия в блоках для выдвижения общенациональных списков как с ГС, к которому примкнул предполагавшийся ранее основной союзник СДПР – РСДЦ, так и – с СПГ, с которой проводились консультации, решено отказаться.

Конференция МО СДПР дала оценку политической ситуации, в которой отмечается, что государственный переворот 21 сентября спровоцировал кровавую бойню 3–4 октября, что правила проведения выборов создают заведомо неравноправные условия различным субъектам политического процесса. «МО СДПР заявляет, что никогда не питала иллюзий о независимости от номенклатурно-мафиозных хозяев страны как депутатского корпуса, так и административной и судебной власти. Мы заявляем, что у России остается единственный демократический путь к воссозданию государственности – созыв Учредительного Собрания.»

Конференция МО СДПР подтвердила нелегитимность V съезда СДПР (май 1993) так как документально подтверждены многочисленные факты фальсификаций при формировании состава делегатов съезда, признала недействительными все последующие решения правления СДПР и выступила с инициативой созыва внеочередного съезда СДПР. На конференции МО СДПР П. Кудюкин заявил о выходе из состава правления СДПР.

БЛИЦ. № 6 (108). Февраль 1994 г.

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

4 февраля на конференции трудового коллектива Московского автомобильного завода имени Ленинского комсомола администрация предложила пересмотреть коллективный договор и ввести неполную рабочую неделю. Необходимость таких мер дирекция объяснила сокращением производства. На такое заявление конференция ответила объявлением предзабастовочной готовности. В сложившейся ситуации большую активность проявляет пользующаяся влиянием в коллективе местная организация «Соцпрофа» во главе с Воропиловым.

БЛИЦ. № 23 (125). Июнь 1994 г.

МИТИНГИ, ПИКЕТЫ, АКЦИИ

3 июня в Москве, на Пушкинской пл. прошел пикет, посвященный годовщине событий 2 июня 1962 г. в Новочеркасске⁸ и 4 июня 1989 г. в Пекине на площади Тяньаньмэнь. В пикете участвовали человек 50, из них с плакатами и флагами – человек 15... Милиция запретила пикетчикам использовать мегафон, и они рассказывали прохожим о событиях на Тяньаньмэнь и стояли с плакатами: «Нет национализму, диктатуре, сталинизму и фашизму!», «Пиночет приезжает учить или учиться?». Отец комсомольского лидера И.О. Малярова проф. О.В. Маляров стоял с плакатом «2 июня 1962 г. – Новочеркасск, 4 июня 1989 г. – Тяньаньмэнь, 3–4 октября 1993 г. – Москва – это не должно повториться!» Пикетчики распространяли листовки о событиях в Новочеркасске и на пл. Тяньаньмэнь и листовки с призывами Союза интернационалистов.

БЛИЦ. № 24 (126). Июнь 1994 г.

СОБРАНИЯ, ВСТРЕЧИ, КОНФЕРЕНЦИИ

В Москве, в помещении общества «Мемориал» прошло первое заседание Левого Исторического Клуба⁹, созданного анархистом-народником Я. Леонтьевым вместо существовавшего ранее клуба «Былое». На заседании, посвященном террористической традиции в русской революции, прозвучали доклады по темам: «Леворадикальное террористическое движение в годы гражданской войны»; «Террористическая традиция белой эмиграции 20-х годов»; «Боевые организации эсеров в начале века»; «Индивидуальный террор в практике ОГПУ–НКВД–КГБ». В конце заседания развернулась дискуссия о роли террористов Савенкова и Сазонова в русской революции. В зале присутствовали потомки последнего.

МИТИНГИ, ПИКЕТЫ, АКЦИИ

В Москве, на ул. Селезневская, 8, напротив представительства ООН, около 2 недель продолжается голодовка нескольких десятков курдских беженцев из Ирака. 15 голодавших по состоянию здоровья переправлены в больницу. Разбит палаточный лагерь. Участники акции требуют «отправить их в страну, в которой не нарушаются права человека».

АСПИ. БЮЛЛ. № 3. Июнь 1994 г.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

12 мая Федерация профсоюзов летного состава (ФПАС) и объединенный СТК летного состава обратились к Правительству с ультиматумом, содержащим следующие требования: 1. принятие Воздушного кодекса; 2. повышение зарплат, улучшение условий труда, другие требования социально-экономического характера; 3. увеличение платы экипажам за выполнение коммерческих перевозок, доля которых сейчас составляет 3–5 %. В случае невыполнения этих требований ФПАС обещала начать забастовку с 16 мая. <...>

1–3 июня прошла предупредительная забастовка работников машиностроения. Организатором забастовки выступил Всероссийский профсоюз работников машиностроения (система ФНПР). По словам Председателя профсоюза Г. Трутова в ней приняло участие около 99 % предприятий отрасли. Выдвинутые требования включали: увеличение заработной платы, взаимное погашение задолженностей по платежам между предприятиями и льготы предприятиям их отрасли по налогообложению. Профсоюз добивается переговоров с Правительством и заявляет, что если его требования не будут удовлетворены, он снимет свою подпись под договором «Об общественном согласии».

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

4 мая в Московской государственной юридической академии прошло заседание ректората, на котором обсуждался вопрос о взимании платы со студентов в пользу академии за передачу зачетов и экзаменов, а также отработку лабораторных работ. За передачу экзамена решено было установить таксу в 10 тысяч рублей с последующей индексацией. По поводу оплаты передачи зачетов и отработок решения на ректорате вроде бы не принималось, но впоследствии выяснилось, что такса здесь тоже установлена: 5 тысяч – за передачу зачета и 1 тысяча – за отработку.

Уже на следующий день информация о фокусах деканата просочилась в студенческую среду, где была воспринята как шаг к свертыванию бесплатного высшего образования, тем более что с осени 1994 года половина всех мест в Академии будет платной. Для защиты прав студентов сразу же сформировалась инициативная группа, в которую помимо неполитизированных студентов вошли трое членов фракции Левых социал-демократов в СДПР (О. Шустов, К. Зуев и С. Маркелов) и активист Российского комсомола А. Приходько.

16 мая инициативная группа провела собрание недовольных студентов, на котором решено было создать в Юракадемии отделение только что возникшего независимого профсоюза «Студенческая защита». После оформления всех необходимых документов легализовавшийся профсоюз потребовал проведения переговоров с ректором Академии, тот сказал, что в принципе поговорить со студентами не против, но просил их подождать до конца сессии, надеясь на то, что с началом каникул негодующие студенты испарятся сами собой, а до осени все забудется.

АСПИ. БЮЛЛ. № 4. Июль 1994 г.

СИТУАЦИЯ В СТРАНЕ

В середине июня мэр Москвы Ю.М. Лужков принял постановление о повышении платы за «пользование» вытрезвителем с 1750 р. до 1-минимальной зарплате.

БЛИЦ. № 36 (158). Сентябрь 1994 г.

СОБРАНИЯ. ВСТРЕЧИ. КОНФЕРЕНЦИИ

5 сентября в Москве в помещении общества «Мемориал» прошло в форме научного семинара¹⁰ очередное собрание Левого исторического клуба, посвященное годовщине начала «красного террора». Присутствовало 30–40 человек, в том числе пресса. Основной доклад Я. Леонтьева был посвящен биографии Фанни Каплан. Он привел как чисто любопытные факты, например, что Каплан жила в знаменитом «булаковском доме» и никогда не была эсеркой, так и весьма сенсационный материал – обсуждалась версия, что стреляла не Каплан, поскольку женщина не в состоянии произвести из браунинга несколько выстрелов подряд в одну точку. Есть подозрение, что она действовала как прикрытие у террористов. На семинаре впервые были зачитаны архивные материалы о казни Каплан – ее расстреле в Кремле. Была приведена и настоящая фамилия Каплан – Ройблат, что в переводе с идиш означает «красный лист». Версия инсценировки покушения, основанная на заявлении Свердлова о том, что это событие предугадывали, докладчиком была отвергнута, так как было большое число свидетелей покушения. Очевидно, что «красный террор» готовился еще до покушения на Ленина и Урицкого – об этом свидетельствуют архивные данные. Также была отвергнута версия, что по просьбе Ленина Ф. Каплан сохранили жизнь.

БЛИЦ. № 37 (159). Сентябрь 1994 г.

НОВОСТИ ИЗ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

7 сентября в Москве состоялось расширенное заседание исполкома профсоюза «Студенческая защита». По информации исполкома, за лето численность профсоюза возросла в несколько раз, появились новые региональные организации, а в Москве организации в тех вузах, где раньше не было, например, Университете Дружбы Народов им. П. Лумумбы, Педуниверситете им. Н. Крупской, Ветакадемии и др.

Решено 14 октября провести всероссийскую акцию в поддержку нового закона о правах учащихся, проект которого дорабатывается юридической группой профсоюза. В конце сентября планируется провести пресс-конференцию, посвященную законопроекту, а также начать листовочную кампанию в поддержку законопроекта.

АСПИ. БЮЛЛЕТЕНЬ № 5. Октябрь–ноябрь 1994 г.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

8 октября на Московском монетном дворе объявлено о сокращении половины работников. Все попытки протеста остались на уровне единичных требований. Увольнение вызвано тем, что потребители отказываются от большинства продукции Монетного двора.

НЕПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

8 сентября в Бутырской тюрьме прошла акция протеста заключенных. По сообщению представителя администрации тюрьмы В. Холопина в акции принимало участие 32 камеры из 202.

По сообщениям администрации, акция протеста была инициирована рецидивистами, но сами ее участники это отрицают.

Суть акции состояла в том, что в ходе нее заключенные отказались есть, курить, принимать лекарства. В последующие дни к ним присоединились заключенные, которые лежали в тюремной больнице. Поступала противоречивая информация о том, что к акции протеста готовы присоединиться заключенные других камер и даже других тюрем. К 11 сентября голодовка постепенно прекратилась, однако осталась инициативная группа, которая голодовку продолжала. Участники голодовки выдвигали требования улучшения порядка в камерах, уменьшения количества людей в камерах предварительного заключения, так как оно не соответствует никаким санитарным нормам, улучшения качества питания, увеличения продолжительности прогулок и своевременной выдачи посылок, которые передаются с воли. Частично требования были удовлетворены, но в основном они остались невыполнены.

АСПИ. БЮЛЛ. № 6. Ноябрь 1994 г.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

17 октября Алтайский краевой совет ФНПР принял Обращение к Всероссийскому совету ФНПР, в котором выдвинул требования выплаты задолженности сельскохозяйственному и машиностроительному комплексам и взаимозчета долгов предприятий. Краевой совет обратился к центральному совету ФНПР с предложением отозвать свою подпись под Договором об общественном согласии. Это мотивировалось тем, что сейчас нужно не сотрудничество, а конфронтация и жесткая борьба с официальными властями.

Вероссийский совет ФНПР это обращение проигнорировал.

АСПИ. БЮЛЛ. № 7. Декабрь 1994 г.

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

5 декабря на заседании исполкома профсоюза «Студенческая защита» был учрежден Молодежный антимилитаристский комитет и принята его Декларация.

В ходе подготовки к намеченной на 10 декабря (Международный день прав человека) акции вновь образованный Комитет, как и сама «Студенческая защита», наладили контакты и достигли принципиальной договоренности о сотрудничестве с Движением за демократию и права человека, Союзом интернационалистов, Партией труда, Социалистической партией трудящихся, Российским социал-демократическим союзом, обществом «Мемориал» и Союзом солдатских матерей.

10 декабря против Генерального штаба Российской армии активисты «Студенческой защиты» совместно с Союзом солдатских матерей провели небольшой митинг протеста против всеобщей воинской повин-

ности. Представители всех остальных организаций, с которыми в ходе подготовки к акции велись переговоры, несмотря на обещания, к месту сбора не явились. В общей сложности в митинге приняло участие всего около 40 человек, из них 8 – от Движения солдатских матерей и 2 – от Революционной коммунистической молодежи (г. Киев).

На митинге раздавались листовки с Декларацией Молодежного антимилитаристского комитета (МАК). Выступающие лидеры «Студенческой защиты» говорили о перспективах реформирования Российской армии, о судьбе российских пленных в Чечне и задачах пацифистского движения во всем мире. При этом выступление лидера РКСМ И. Малярова было настолько резким, что выступавшая вслед за ним представительница Союза солдатских матерей В. Мельникова сочла необходимым предостеречь молодежь от «крайнего пацифизма».

Акция продолжалась около 45 минут, никто из служащих Генштаба интереса к ней не проявил. Разрешение от префектуры Центрального административного округа было получено, поэтому милиция не вмешивалась.

АСПИ. БЮЛЛ. № 8. Январь 1995 г.

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

27 декабря 1994 г. в Музее Маяковского, что на Лубянке состоялась новогодняя презентация московского отделения «Студзащиты» (МО СЗ), официально именованная зимним пикником. Если это мероприятие чему-то и соответствовало, то только официальному названию.

Вместо ожидаемых 10–15 чел. пришло более 60...

Лидер МО СЗ Д. Петров выступил с речью, которая не понравилась части присутствующих (осуждения вызвали такие слова, как «карьера» «бизнес» и т.п.). Члены СЗ, относящие себя к анархистам, закричали «Fuckinг капитализм!», а поскольку все присутствующие были сильно пьяны, скандал закончился всеобщей потасовкой с метанием пустых бутылок и битьем оконных стекол. Зачинщики были изгнаны товарищами по профсоюзу, недовольными тем, что им помешали пьянствовать.

АСПИ. БЮЛЛ. № 9. Февраль 1995 г.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

Продолжавшийся много месяцев конфликт в Санкт-Петербургском производственном объединении «Союзпроектверфь» пока что закончился поражением трудового коллектива. <...> В результате собравшийся 10 января на свое очередное заседание стачком констатировал невозможность дальнейшей борьбы. 15 голосами из 19 присутствующих членов комитета было принято решение согласиться на спускаемый сверху проект приватизации. 11 января это решение было подтверждено конференцией трудовых коллективов «Союзпроектверфи».

БЛИЦ. № 9(163). Февраль 1995 г.

ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫЕ И МОЛОДЕЖНЫЕ ЛЕВЫЕ ГРУППЫ И ДВИЖЕНИЯ
23 февраля в Москве прошла несанкционированная антивоенная демонстрация. Около 100 хищни с плакатами «Нет войне!», «Нет весеннему

призыву!» прошли от Смоленской пл. по Арбату. От отделения милиции № 5 демонстрацию сопровождали милицейские машины, объявлявшие, что демонстрация незаконна и призывавшие разойтись. Милиция предприняла несколько попыток задержать отдельных демонстрантов, но товарищи их отбили. Демонстрантам не дали возможности подойти к зданию Минобороны, и они прошли на Манежную пл. Несколько раз они пытались вновь повернуть обратно на Арбатскую пл. к Минобороны, но все попытки заканчивались стычками с милицией. В конце концов демонстранты договорились с милицией, что пойдут на Пушкинскую пл., а милиция не будет им мешать.

На Пушкинской пл. хиппи встретились с начавшими собираться коммунистами – участниками демонстрации, посвященной Дню Советской Армии. Коммунисты обзывали хиппи сионистами, а те, в свою очередь, посылали их «на историческую родину», на вопрос, знают ли молодые люди, что такое Родина, те просили не ругаться матом. В разборку хиппи с красными вмешалась милиция, попросив молодежь разойтись, на этот раз они послушались.

Во время шествия между участниками молодежной демонстрации обсуждался вопрос о создании Молодежного Антивоенного Комитета (МАК). Часть решила присоединиться к его созданию.

(по сообщениям Б. Эскина и С. Маркелова)

БЛИЦ. №13 (167). Март 1995 г.

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

24–25 марта в Москве прошла научная конференция «Индивидуальный террор в России в конце XIX – начале XX века», организованная Левым историческим клубом. Участвовало около 100 человек, из них не менее 20 докторов наук и профессоров.

В первый день прошли в основном научные доклады, касающиеся террора как левого, так и черносотенного. Приводились примеры, как ряд лидеров черносотенцев в С.-Петербурге переходили в большевистскую организацию.

Дискуссия разгорелась о версии про убийство П.А.Столыпина – были представлены новые факты, говорящие о причастности к этому убийству и царского двора. Некоторые участники конференции эти факты и документы, на которых они были основаны, оспаривали.

Во второй день прошел круглый стол, где завязалась жаркая дискуссия по вопросу о приемлемости террора и возможности его оправдания. В дискуссии участвовал широкий спектр политических активистов от правых националистов и либералов до анархистов. Понемногу дискуссия перешла от обсуждения террора в заявленной организаторами конференции исторической эпохе к проблеме террора вообще, в том числе и в наше время. Известный диссидент – саратовский профессор В. Пугачев высказал точку зрения, что любое убийство является терактом против личности. Автор книги о Нечаеве Ф. Лурье пытался критиковать террор с правовой точки зрения. Профессор из Израиля Л. Прайсман

отстаивал точку зрения, что индивидуальный террор недопустим, а допустим только государственный террор. С ними резко полемизировали Г. Кан, анархист из Днепропетровска А. Дубовик и др. Один из членов ЛИК сказал, что лучше бомбы и кинжал, чем танки и самолеты. В последнем слове ведущий – Я. Леонтьев, попытался обосновать индивидуальный террор с точки зрения этического социализма, когда в условиях диктатуры невозможны другие методы борьбы и личность берет на себя персональную ответственность за теракт.

(по сообщениям С. Маркелова и Я. Леонтьева¹¹)

БЛИЦ. № 21(175). Май 1995 г.

ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫЕ И МОЛОДЕЖНЫЕ
ЛЕВЫЕ ГРУППЫ И ДВИЖЕНИЯ

20–21 мая в Москве, в Парламентском Центре прошел Съезд Студенческих Союзов России (СССР). Присутствовало более 100 человек, представлявших 26 вузов Москвы, 38 регионов РФ, в том числе Ленинград, Новосибирск, Оренбург, Барнаул, Воронеж, Орел, Дагестан и другие, представлявшие организации «Студенческой защиты» и низовых ячеек Российской Ассоциации Профсоюзных Организаций Студентов (РАПОС), Ассоциации студентов сельскохозяйственных вузов – члены РКСМ, КПРФ, АПР, Молодежной партии России, анархисты и др.

Д. Митина (РКСМ, член Исполкома «Студзащиты», г. Москва), выступившая первой, говорила о проблемах общежитий, низкой стипендии, отсрочек от призыва в армию, коммерциализации студентов, необеспеченности учебного процесса инвентарем, трудоустройства после окончания вузов и т.п. Представители с мест приводили массу конкретных фактов в развитие ее выступления. Студент из г. Тулы рассказывал о голодных обмороках у студентов, студент из Дагестана – о массовом взятничестве... Также приводились примеры сумасшествия студентов в результате пьянки, были рассказы о крысах в учебных заведениях и др.

Перед перерывом выступил Зюганов. Он говорил около 30 минут и касался, в основном, проблем геополитики, нравственности и т.п., рассказал о приватизации Магнитогорского металлургического комбината, то есть исполнил свой обычный репертуар, чем весьма утомил молодежь... Делегаты с мест подвергали критике официальный студенческий профсоюз РАПОС в первую очередь за то, что занимается только распределением путевок и прочих благ и больше ничем.

Представители «Студзащиты» говорили не столько о проблемах, сколько о проведенных акциях. Ю. Нерсесов представлявший «Студзащиту» С-Петербурга, рассказывал, что еще в 80-х годах студенты начинали акции протеста с теми же требованиями еще при прежней власти. Д. Петров («Студзащита», г. Москва) заявил, что студентам бороться не надо – мы все проблемы за вас решим...

Выступавшего во второй день председателя Исполкома «Студзащиты» Д. Костенко спросили, не боитесь ли вы, что будет как в Китае, и на студентов поедут танки, он не колеблясь ответил – меня первого и

раздавят. Крутизна «Студзащиты» вызывала всеобщий интерес, многие делегаты, прибывшие из регионов, где «Студзащиты» нет, выражали намерение создать у себя ее отделения. Выступали также представители члечек РАПОС и вице-президент Ассоциации сельскохозяйственных вузов С. Редько...

По сообщениям «Студзащиты», самые крупные ее организации в городах Москве – около 1000 человек, Новосибирске – 1500 и Ростове-на-Дону – 1000 (представители Ростова на СССР не присутствовали).

Депутаты фракции КПРФ рассказывали о предлагаемом ими законопроекте в защиту бесплатного образования, однако этот законопроект во многих выступлениях был подвергнут критике, например, за то, что там написано, что интересы студентов может представлять только профсоюз, в котором состоят не менее 50% обучающихся в данном вузе студентов – выступавшие отмечали, что данное положение будет на руку только официозным профсоюзам.

Съезд Студенческих Союзов России избрал Совет студентов России, в который вошли в основном представители регионов, представлявшие все общественные организации, участвовавшие в съезде. Как объяснил лидер РКСМ И.О.Маляров, новая организация должна включать студенческие организации и отдельных студентов, которые по тем или иным причинам не входят в комсомол или «Студзащиту». Председателем Совета избрана Д. Митина.

(по сообщениям С. Маркелова и Ю. Нерсесова)

АСПИ. Бюллетень №9 (16). Июль–август 1995 г.

ДЕЛА ШАХТЕРСКИЕ

5 августа на одну из шахт Донбасса прибыла комиссия министерства. Рабочие заперли членов комиссии в одном из наземных помещений и отказались их выпускать, пока не будут начаты переговоры о выплате задолженности и улучшении материального положения. Переговоры были начаты, заложники отпущены.

ПРОЛЕТАРИИ УМСТВЕННОГО ТРУДА

Санкт-Петербургский городской Совет Профсоюза работников образования, науки и культуры (ФНПР) принял решение о проведении 28 сентября однодневной забастовки школьных учителей и работников детских садов города. Профсоюз требует ликвидации задолженности по зарплате, которую не выдают с июня, и увеличения размеров оклада.

БЛИЦ. № 47(201). Ноябрь 1995 г.

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

18 ноября в Москве прошло очередное заседание Левого исторического клуба, посвященное 120-летию известного идеолога анархизма начала века А.А. Борового. Присутствовало 25–30 человек. Вел заседание анархист М. Цовма. С воспоминаниями о Боровом выступила Е. Таратуга, родители которой (бывшие анархистами), хорошо знали Борового. Затем М. Цовма выступил с докладом о биографии Борового; П. Рябов – о его

идейных взглядах и вкладе в теорию анархизма (при этом хвалил Борового за возврат к Бакунину и за неортодоксальность, упрекал Кропоткина за чрезмерно жестко спланированный идеал); Я. Леонтьев – об общественной деятельности Борового в поздний период его жизни (20–30-е годы), когда он уже отошел от активной политической деятельности.

По итогам выступления прошла дискуссия между анархистами В. Дамье и П. Рябовым в связи с дискуссией начала века между Боровым и Кропоткиным о коллективистском (сторонником которого был Кропоткин) и индивидуалистском (к которому ближе был Боровой) анархизме. Дамье доказывал, что предлагавшееся Боровым направление оказалось тупиковым и не получило развития, а также отметил, что из доклада Рябова можно было понять, что будто у Кропоткина отсутствует интерес к личности, и его интересует только масса – Дамье доказывал, что Кропоткин не отрицал значение личности, но успел описать лишь сообщества, в которых предоставлена возможность развития личности, а касаясь упреков в адрес Кропоткина в жесткой идеологичности, заявил, что если мы хотим звать людей на борьбу с нынешним обществом, то должны знать, за что мы боремся, чтобы наше общество было не хуже нынешнего, и обратил внимание на современный феномен – в последнее время под «неортодоксальностью» понимается уход только вправо, а не влево. Рябов возражал, что проблема личности у Кропоткина проработана слабо и была понята лишь в 60-е годы, но в конце концов несколько смягчил свою формулировку, признав что работы Кропоткина просто не касались вопросов личности, но нельзя сказать, что он ее недооценивал.

На заседании был продемонстрирован документальный фильм из материалов музея П.А. Кропоткина (г. Дмитров) о похоронах Кропоткина. Представитель музея рассказал о посещении музея американским фермером, приехавшим специально, чтобы поклониться Кропоткину как своему духовному наставнику¹².

(по сообщениям С. Маркелова и В. Платоненко)

АСПИ. Бюллетень. № 11 (18). Декабрь 1995 г.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

В 20-х числах декабря прошла всероссийская предупредительная забастовка авиадиспетчеров, организованная Федерацией Профсоюзов Авиационных диспетчеров (ФПАД). Требования – повышение зарплаты, выплата задерживаемой зарплаты, большее внимание состоянию материально-технической базы отрасли. В стачке отказались принимать участие авиадиспетчеры Москвы и Санкт-Петербурга. Итогом забастовки стало создание совместной комиссии ФПАД и МГА.

УЧИТЕЛЬСКИЕ ЗАБАСТОВКИ

К концу января общий долг правительства России работникам среднего образования составил 1,2 триллиона рублей. Из них 222 миллиарда рублей приходилось на задолженность по выплате «отпускных» за лето прошлого года. Практически все учителя России не получали зарплату в течение всей второй четверти.

В трехдневной забастовке, с 30 января по 1 февраля, приняли участие около 300 тысяч учителей, свыше 4000 педагогических коллективов из 51 региона РФ. Не бастующие регионы сообщили Центральному Совету профсоюза работников образования о своей солидарности...

В городе Шуя (Ивановская область) 30–31 января ряд учителей также проводил голодовку с требованием погашения задолженности по зарплате. С 1 февраля зарплату в школах города начали выдавать в связи, с чем, голодовка прекратилась.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

В 20-х числах января токарь одного из машиностроительных заводов белорусского города Гродно, которому, как и работающей на том же заводе его жене, в течение четырех месяцев родное предприятие не выплачивало зарплату, предпринял попытку самосожжения в помещении заводского профкома. Доведенный до отчаяния рабочий пошел на такой шаг в знак протеста против пассивности официального профсоюза в условиях вопиющего нарушения прав трудящихся. Присутствовавшим в профкоме людям удалось быстро погасить на нем пламя и вызвать «Скорую помощь». В настоящий момент жизнь токаря вне опасности, он лишь получил ожоги первой и второй степени.

На Полярнинском судоремонтном заводе (Мурманская область), где ремонтируются атомные подводные лодки, 4 месяца не платят зарплату. Завод вынужден перейти на работу в половину рабочей недели. Неизбежны значительные увольнения.

Рабочие Северной верфи Санкт-Петербурга также не получают зарплату и в скором времени будут уволены. Министерство обороны полностью и окончательно прекратило финансирование этого предприятия.

АСПИ. БЮЛЛ. № 2 (20). Апрель–май 1996 г.

ПРОЛЕТАРИИ УМСТВЕННОГО ТРУДА

С 4 по 7 марта продолжалась забастовка учителей Сахалина, в которой принял участие большинство школьных коллективов области. Причиной послужила 2–4-месячная задолженность по зарплате, которая, вопреки обещаниям, не была ликвидирована после общероссийской забастовки работников народного образования, проходившей с 30 января по 1 февраля этого года.

Студенты сушат порох и ждут «Искру»

Должен сказать, что особенность студенческого движения сегодняшнего дня состоит в том, что на него реагируют только депутаты-коммунисты и коммунистические фракции. Именно они помогли организовать форум, представительность которого оказалась в итоге более чем масштабной – приехали делегации студентов из 38 регионов и 24 московских и питерских вузов. Встречали депутатов-коммунистов на форуме чрезвычайно

тепло: господину Зюганову были устроены несмолкающие овации, хотя про студенческие проблемы он не сказал ни слова. Единственная пероховатость во взаимоотношениях студенчества и коммунистической фракции связана с вопросом о военной службе. Коммунисты со своих ортодоксальных позиций дают себе право не понимать, почему студенты относятся к этой почетной обязанности как к рекрутству и повинности. На социальные же проблемы студентов – а это нынче самая больная тема – коммунисты реагируют заинтересованно и готовы выступить в роли легальных защитников студенческих требований и полномочными представителями студенчества «во власти».

А ситуация действительно предельная. Ребята из провинции рассказывали жуткие случаи: крысы в аудиториях, голодные обмороки. Беззастенчивое мздоимство преподавателей. Что не странно: им не на что жить, и потому они откровенно продают зачеты и оценки.

Как особый «подарок» приняли студенты и новое постановление, подписанное Черномырдиным, согласно которому вузы обязаны выплачивать стипендии только отличникам и учащимся, имеющим социально ущербное положение. Остальным же – лишь при наличии средств. Конечно, на эти стипендии невозможно жить, но они были хоть каким-то подспорьем.

Форум продемонстрировал – мне самому это показалось крайне интересным, – что студенты преодолевают политическую аморфность, отказываются от мечты стать поколением кока-колы, бизнеса и карьеры. Включая даже те профессии, которые считаются элитными: экономика, юриспруденция, менеджмент. Особенный накал социальных страстей возник на младших курсах, старшие еще сохраняют аполитичность. Младшие же даже не политизированы – они социализированы. Они социальные требования спокойно переводят в политические, легко воспринимают социалистические лозунги и идеи. Транспарант, с которым вышли на демонстрацию 12 апреля некоторые активисты студдвижения «Капитализм – дерьмо», оказался близок большинству участников форума. Социалистические идеи студенты уже не связывают с тем, что происходило в стране в течение семидесяти лет.

Сейчас многие сравнивают ситуацию в студенческой среде с преддверием 1968 года – года студенческих революций на Западе. Но у нас положение принципиально другое. В 1968 году выступления студентов во Франции происходили на волне экономического подъема, на фоне роста благосостояния и были спровоцированы тем, что масса студентов-профессионалов не видели возможности самореализоваться и достойно вписаться в общество победившего благополучия. У нас же студенческое движение рождается во времена стабильного экономического спада. И студенты прекрасно осознают свою ненужность и сегодня, и завтра, и послезавтра. Что касается студентов элитных вузов, обучающихся «актуальным» профессиям – экономист, юрист, менеджер, то тут возникает и другой вопрос: а подходит ли нам это общество? Я прекрасно понимаю, что как юрист смогу найти работу. Но также понимаю, что мне придется работать

на те структуры или обслуживать тот государственный аппарат, который меня совершенно не устраивает. Меня заранее ставят в патовое положение: или принимай наши правила игры, или тебя лишат социального положения и материального благосостояния. Конечно, есть студенты, которые уже сейчас работают на нынешнюю систему. Но много и таких, кто не согласится с правительством, устами одного из своих представителей признавшимся: меньше студентов – меньше проблем. Так что форум проходил под лозунгом: создадим больше проблем правительству.

Аккумулятором студенческой активности стал независимый профсоюз «Студенческая защита». Власть откровенно зажимает права студентов, нарушая не только свои законы, но и международные нормы. Конвенцией 66-го года закреплено, что все государства должны стремиться к переходу от платного высшего образования к бесплатному. У нас идет обратный процесс. Поэтому нам необходима самозащита, продуманная и организованная. Этим занимаются разные течения, уже сформировавшиеся среди студенчества. Прокоммунистическое крыло работает над разного рода структурными связями. Анархисты и радикалы, по своей душевной склонности, занимаются организацией конкретных акций. Социалисты обеспечивают идейную и аналитическую базу. Провинция с надеждой смотрит на Москву, ожидая от нее только искры – пороху у них больше нашего. Точно говорю: скоро заварится очень серьезная каша. Сегодня студенты – это реальная антисистемная сила.

Опубликовано в «Общей газете» в мае 1996 г., № 21

Профсоюзное движение России в 1990-е – 2000-е годы

Интервью Станислава Маркелова социологу и журналисту Александру Бикбову, 6 октября 2008 г.

А.Б.: Можете ли Вы немного рассказать о том, как возникало независимое рабочее движение в России?

С.М.: В советское время независимое рабочее движение было намного мощнее, чем диссидентское. Диссидентское, правозащитное движение было сосредоточено в основном в крупных городах, оно имело связи с Западом, и, когда проводило демонстрации (в три человека численностью), о них там быстро узнавали и сообщали журналистам, через которых информация шла в газеты Европы и Америки.

С рабочим движением не так. Рабочие выступления, в которых иногда участвовало до тысячи и даже по несколько тысяч человек, в советские времена происходили постоянно; так, один канадский исследователь специально занимался этой темой, и он насчитал более сотни выступлений рабочих. Рабочие выступления были жесткие, причем крайние по жесткости выступления происходили в шахтерских городах. Такая

близкая к самоубийству форма выступления, когда люди отказывались подниматься из шахт, происходит именно из советских времен.

Но эти выступления были очень рассредоточены, отсутствовала какая-либо организация, и о них никто в большинстве случаев не узнавал. Была единственная попытка создать что-то вроде польской «Солидарности». Это – СМОТ. На знаменитой манифестации в Новочеркасске рабочие подняли красный флаг, тот же, что висел у них на предприятии, и это одно уже считалось преступлением. Но требовали они хлеба, масла и повышения зарплаты, т.е. их требования были чисто экономическими. Единственным более-менее политическим требованием было: «Долой привилегии!». Других политических лозунгов они еще не поднимали.

В конце 80-х годов, на подъеме демократической волны, рабочее движение было очень доброжелательно встречено либеральной верхушкой. Тогда каждое рабочее выступление фиксировалось либералами, потому что оно было направлено против советской власти и, соответственно, было им выгодно. Многие рабочие лидеры 80-х годов, с которыми я потом беседовал, говорили: «Да, мы это очень хорошо помним, и понимаем, что нас использовали». Поняли они это к концу 1991 года.

Девяносто первый год – это новый подъем рабочего движения в Кузбассе, в Белоруссии (которая до того была полностью лояльна советской власти) и в других местах, в это время появляются независимые профсоюзы.

Естественно, требования рабочих были обоснованными, ведь существовали привилегированная элита и профсоюз, который ничего не делал и фактически включал в себя администрацию предприятия. Самое интересное, что после 1991 года ничего не изменилось: преимущества получила та же самая элита, что и до 1991 года, те же самые люди, только они получили статус коммерсантов, а не директоров. При этом официальные профсоюзы стали играть роль объединения рабочих для их подневольного труда в качестве фактически рабов этих коммерсантов.

На тему преобразования верхушки бывшего партактива в коммерсантов могу привести такой интересный факт. В свое время мне довелось познакомиться с каталогом внутрипартийной библиотеки КПСС, с отметками о запрашиваемости тех или иных изданий. Как выяснилось, наибольшей читательской популярностью пользовались книги по менеджменту и бизнесу, изданные на Западе, их брали многократно. Запрашиваемость книг по рабочему движению, по вопросам научного коммунизма и т.д. была в сотни раз ниже.

Вернемся в конец 80-х годов. В это время произошел резкий переход профсоюзного движения на совершенно другие рельсы. Часть профсоюзов была перекуплена, причем настолько откровенно, что это напомнило ситуацию в США 20-х годов.

А.Б.: А кто, собственно, перекупил?

С.М.: Это делали местная власть и бизнес. В условиях России было особенно заметно их сращивание, бизнес руководил властью. Такая

участь постигла КСПР – союз независимых профсоюзов, и это только самый яркий пример, были и другие.

С другой стороны, вскоре изменился характер рабочих выступлений, что было связано с социально-экономической ситуацией 90-х годов, когда предприятия останавливались, а хозяева распродавали основные фонды. В 90-е годы рабочие выступали не непосредственно в защиту своих прав, а за то, чтобы предприятия продолжали работать. Такие выступления у нас законодательно не регламентированы, но, несмотря на то, что теоретически у нас разрешено все, что не запрещено законом, на практике такие выступления запрещали.

Против традиционных форм протеста – забастовок – власть и бизнес не возражали, поскольку забастовки, означающие остановку предприятий, вполне соответствовали тому, что происходило, и были выгодны и власти, и бизнесу. Их позицию можно было бы сформулировать следующим образом: «Бастуйте, вперед! За это время мы успеем все распродать, своровать, получить быстрые деньги и переехать с ними на Запад. А вы – умирайте!»

В 90-е годы по стране прокатилась волна голодных бунтов, вызванных остановкой предприятий, причем власти, уже либеральные власти, скрывали факты этих бунтов. Рабочие прибегали к тем методам сопротивления, которые на Западе считаются наиболее радикальными, – к перекрытию транспортных путей.

Пример одного из наиболее ярких антиприватизационных выступлений – это история с Выборгским целлюлозно-бумажным комбинатом. Это было наиболее известное дело, и в этом деле я принимал участие. Выборгский ЦБК – уникальное предприятие, таких всего два в Европе. Его приватизировали, как всегда с множеством нарушений (как потом выяснилось, ЦБК был продан в общей сложности за 16 тыс. рублей). И вот рабочие ЦБК ждут нового хозяина, чтобы начать работать, а хозяин не появляется. И рабочие начинают его искать. А тем временем хозяин, находящийся в розыске по линии Интерпола, уже предприятие акционировал, акции продал и получил фантастические дивиденды. Не найдя хозяина, рабочие захватывают предприятие, выпускают единственную акцию, которую передают ими же созданному профсоюзу Выборгского ЦБК, и начинают работать, а предприятие начинает приносить доход и выплачивать налоги государству. А ведь до этого оно несколько лет не приносило ничего, а люди жили буквально на подножном корму!

И чем дело кончилось? Дело кончилось ОМОНОм, причем не просто ОМОНОм, а «Тайфуном», спецподразделением по подавлению волнений в местах заключения. ОМОН ворвался на предприятие, при этом были жестоко избиты несколько десятков человек, в том числе женщины.

После того как ОМОН взял штурмом предприятие, рабочие смогли заблокировать ОМОН. В ответ развернулась кампания в либеральной прессе, причем зачастую с требованиями привлечь к ответственности не ОМОН, а рабочих. Кампания была направлена не против хозяев и властей, а против рабочих, которые смогли поставить это уникальное предприятие на ноги.

А.Б.: В чем была причина такой реакции либеральной прессы? Это была боязнь реставрации коммунистического режима или что-то еще?

С.М.: Я думаю, что боязнь реставрации коммунистического режима – это прикрытие, даже компартия в последнюю очередь хотела прийти к власти, ее верхушке и так неплохо жилось. Кампания против рабочих Выборгского ЦБК выражала боязнь пересмотра итогов приватизации.

А.Б.: И что, либеральные журналисты так были в этом заинтересованы?

С.М.: А, собственно, кто им платит? [Смеется.] Выборгское дело показало крайнюю слабость профсоюзного движения, которое до самого последнего момента сохраняло веру центральной власти, считая, что «наверху» порядочные люди, а бандиты – только на местах, и стоит только показать продажность местной власти, как Москва разберется. «Раз мы правы, нам не нужно доказывать свою правоту», – говорили участники выборгского выступления. И так они проиграли все суды, ведь у них не было даже юристов. В итоге именно против рабочих возбудили уголовное дело по статье «массовые беспорядки», а это – до 15 лет лишения свободы. Кроме того, им инкриминировали воспрепятствование судебным исполнителям и сотрудникам правоохранительных органов. Но и после этого профсоюзные активисты говорили мне: «Мы же правы! Нам не нужна никакая защита, суд разберется». Слава богу, этой опасности удалось избежать, но Выборгский ЦБК оказался распродан. Рабочие, показавшие, что, когда они берут власть на предприятии, оно начинает работать намного эффективнее, оказались разгромлены.

Следующим очень ярким показателем активности рабочих были забастовки, организованные профсоюзами авиадиспетчеров, докеров и моряков. И их действия всегда приводили к желаемому результату, в отличие от выступлений всех остальных.

А.Б.: А шахтеры в конце 90-х?

С.М.: Ситуация с шахтерами была принципиально иной. Шахты закрывались, основные фонды распродавались, и шахтеры оказывались просто ненужными, в отличие от авиадиспетчеров, моряков и докеров.

В 2000 году произошел поворот, когда уже новый бизнес, окончательно сросшийся с властью, стал работать не на спекулятивных сделках, а рассчитывать на долгосрочную прибыль. Соответственно он был вынужден создавать постоянные рабочие места и сохранять постоянные условия работы. Руководством корпораций стали создаваться свои профсоюзы, например – профсоюзы работников ЮКОСа, Газпрома... Занимались они тем же, чем и советские профсоюзы 70-х годов: распределением путевок, мелким улучшением в социальной сфере, т. е. тем, чем в западных компаниях занимается менеджер по работе с персоналом. Соответственно у многих в уставах и договорах был прописан запрет на забастовку.

С другой стороны, продолжает действовать этот монстр – ФПК – ФНПР – Федерация независимых профсоюзов России, которая объединяет внутри себя как работников, так и работодателей, что совершенно неправомерно юридически. Когда я на официальном уровне общался

с Андреем Исаевым, – а это человек, прошедший путь от анархиста до одного из лидеров «Единой России», побывавший функционером ФНПР, а сейчас возглавляющий Комитет Госдумы по труду и социальной политике, – он утверждал, что ФНПР – это нормальный профсоюз, потому что состоящие в нем менеджеры высшего звена и директора тоже наемные работники, наряду с рабочими. Но в новом Трудовом кодексе, который был разработан с участием того же Андрея Исаева, прописано, что менеджеры, управляющий персонал являются представителями администрации. Следовательно, существование такого профсоюза, как ФНПР, незаконно. У этого «профсоюза», владеющего домами отдыха и банком, даже нет забастовочного фонда, ведь он не организует забастовок.

А.Б.: А банк как называется? «Солидарность»?

С.М.: «Солидарность».

В новом трудовом законодательстве деятельность профсоюзов очень сильно ограничена. Во-первых, официально запрещены забастовки солидарности. Во-вторых, создана очень хитрая система: на предприятии есть несколько профсоюзов – независимый профсоюз и ФНПРовский, и они выступают от имени какого-то количества рабочих (например, для заключения коллективного договора), а мнения их разошлись, то принимается позиция того профсоюза, в котором состоит больше людей. Поскольку в официальный профсоюз входят автоматически (очень часто это является условием приема на предприятие), то ФНПР заведомо оказывается в выигрыше. На многих предприятиях были зафиксированы случаи, когда директор предприятия одновременно был и главой профсоюза. Одно лицо. Вот так и получается, что независимые профсоюзы в случае конфликта лишаются права голоса.

Так составлялось трудовое законодательство. А конфликты явно начинают назревать, и в результате каждый трудовой конфликт приводит к очень неприятным последствиям и поощряет не очень честные действия со стороны предпринимателя.

Весьма показательным и интересно последнее очень крупное трудовое дело. В отделении ОАО «РЖД» «Российские железные дороги Подмосковья» контролерам-ревизорам – тем, кто проверяет билеты и взимает штрафы за безбилетный проезд, был «спущен» план на штрафы. Контролеры возмутились и создали независимый профсоюз, отделение профсоюза «Защита». Конфликт стал развиваться, и я вошел в это дело. Поскольку «РЖД» – акционерное общество, суммы собранных за безбилетный проезд штрафов должны перечисляться компании. Мы вместе с депутатом Олегом Шейным подняли графы бюджета ОАО «РЖД» и выяснили, что соответствующей графы просто нет. Огромные суммы уходят в никуда. Подняли этот вопрос на уровне Подмосковья, и в этот момент деньги появились в областном бюджете. И сумма оказалась, в переводе на доллары, три с половиной миллиона. И это только в одном регионе – в Московской области – меньше, чем за год, и это прямой, не облагаемый налогом, доход. Чей?

А.Б.: Неизвестно чей?

С.М.: Руководства ОАО «РЖД». Максимум, чего нам удалось добиться, это предписания от прокуратуры прекратить данную практику. Но прокуратура отказалась возбуждать уголовные дела, иначе ей пришлось бы возбуждать уголовное дело против одной из крупнейших олигархических компаний России. А руководитель независимого профсоюза был уволен с работы, и до сих пор его отказываются восстановить. Административный рычаг находится в руках у власти.

Могу привести еще один интересный пример, когда ко мне обратились работники бывшего телеканала, где прошли массовые незаконные увольнения. Я им сказал: «Мне неудобно работать с каждым из вас в отдельности. Ваши требования абсолютно законны, а увольнения незаконны. Вот вы организуйте вместе профсоюз». Они мне ответили: «Как это мы должны организовать профсоюз?! Куда-то еще входить?!» В результате их всех уволили.

А.Б.: А Вы можете привести какие-нибудь примеры успешных действий профсоюзов?

С.М.: Есть такие примеры. Это – те же авиадиспетчеры, о которых мы говорили. Путем голодовки они смогли победить, смогли отстоять свои права¹³. Но это очень четко видно, это – представители тех очень необходимых профессий, которые создают государству и дают человеку реальные доходы. А как организовать профсоюзное движение работников в университете, школе, академической среде? Сейчас пытаются организовать работники образования как средней школы, так и вузов, поскольку условия их работы просто бедственные и продолжающие ухудшаться во многих регионах, несмотря на все национальные программы.

Также к сфере образования относятся студенческие профсоюзы, об опыте одного из них – независимого профсоюза «Студенческая защита» – хотелось бы рассказать подробнее.

В левом движении в середине 90-х появилась идея о необходимости смены политических лозунгов, поскольку они играют на руку традиционной компартии. С другой стороны, была мысль, что людям ближе социальные интересы и с них надо начинать. Ведь и среди студентов наиболее популярными были лозунги повышения стипендий, отсрочки от армии, возможности выбирать предметы и т.п. При этом, когда удавалось добиться чего-нибудь на минимальном уровне, почему-то считалось, что это уже радикализм. У парижских студентов 1968 года был лозунг: «Будьте реалистами – требуйте невозможного!» После того как мы стали требовать самые минимальные вещи, нас обозвали «ультрарадикалами» и пособниками «красных бригад». Кем только не называли!

Появление же профсоюза с широкой идеологией – «Студенческая защита» – у многих идейных левых вызвало ярко выраженную антипатию. Но на мой взгляд, это был один из самых удачных проектов не только профсоюзного, но и левого движения. Мы смогли резко поднять чис-

ленность участников. За счет чего? За счет того, что это было весело, это было «круто». Все реальные, непосредственно нас касающиеся требования выдвигались «снизу» и сразу находили поддержку «наверху».

А.Б.: Это не только в Москве было?

С.М.: Нет-нет. Во многих городах: Тула, Новосибирск, Ростов. Всего в профсоюзе состояло 10–15 тысяч человек. Значительная часть, если не большинство, – абсолютно пассивные, просто написавшие заявления, но тем не менее крупнейшие акции, которые могли провести левые, – это акции «Студзащиты».

А.Б.: Как это происходило?

С.М.: 12 апреля 1994 года проходил митинг РАПОС с требованием «Повысьте зарплату!». Туда приходит «Студзащита», уводит весь народ от РАПОСовцев и начинает несанкционированное массовое шествие к Белому дому. На следующий год с призывом «Ребята, повторим то, что было веселого в прошлом году» пошли опять же в центр. Но на этот раз все оказалось намного жестче, потому что милиции было больше, появился ОМОН. Но и демонстрация оказалась многочисленнее. По дороге несколько раз милиция призывала остановиться и «обрезала хвосты». Выхватывали и «винтили» идущих сзади. Арбат был перекрыт, но переулками, меняя тактику, нам удалось несколько раз обойти кордоны милиции. На Арбате разгромили офис «Олби» (это одна из правых корпораций), подошли к Министерству обороны, стены которого облили краской, протестуя против уже шедшей войны на Кавказе, и преследовали до Манежа. На Манежной ОМОН разрезал демонстрацию на три части, две из которых рассеяли и частично задержали. Но голова колонны – человек 150 – попыталась выйти на Красную площадь, прошла у Александровского сада и вышла к Театральной. Там стояли фашисты, которые устроили драку.

А.Б.: Что еще было?

С.М.: 23 февраля 1995 года устроили вместе с неформалами пацифистское шествие от Арбата. Причем оно не было рассеяно, хотя было несанкционированное. На площадке МГУ в октябре 94-го тоже устроили демонстрацию. Милиция пыталась натравить тогда местных студентов на нас (мол, это – «коммуняки»).

А.Б.: Удалось договориться?

С.М.: Нет, договориться не удалось, удалось предотвратить столкновения, но кое-кого задержали, человек десять.

Проводили собственные пресс-конференции, после которых устраивали собрания или просто тусовки. Налаживали связи с организациями Украины, Молдовы и особенно Беларуси, где как раз начался подъем антидукашенковского молодежного движения. Поднимали вопросы продвижения требований студентов, но удавалось только самое простое. Например, свободное перемещение внутри студенческого общежития, выплата стипендий без задержек, предоставление помещения внутри вуза – у каждого вуза были свои требования. Политическая же работа

была на очень низком уровне. Сильно распространялось мнение: будешь «активничать» – будет только хуже. Мы начали разрабатывать собственный законопроект от лица учащейся молодежи, который пытались провести через Госдуму. Этот проект должен лежать у меня дома. Сейчас об этом уже стали забывать.

А.Б.: Удалось ли его довести до голосования в Думе?

С.М.: Насколько я помню, коммунисты побоялись его выдвинуть на официальное голосование, а других своих фракций тогда не было вообще.

После 95-го активность «Студзащиты» пошла вниз, и причин тому много. Мы получали по тем временам огромное количество писем, около десяти тысяч. Буквально, человек приезжает из Новосибирска и привозит пачки заявлений. В то же время, к сожалению, в том же Новосибирске целые группы вступали в «Студзащиту» потому, что в официальный профсоюз надо платить взносы, а в «Студзащиту» не надо. Мы не знали, что делать, как аккумулировать эти массы народа. КПРФ занялась предвыборной гонкой. Член исполкома «Студзащиты» Даша Митина стала депутатом Госдумы от этой партии и тащила всех комсомольцев из «Студзащиты» туда. Плюс еще проблема финансирования акций и всей деятельности тоже была. Сыграли свою роль и идейные противоречия, и хотя споров особенно не было, но на одной из конференций группа анархистов стала опорожнять бутылки и швырять их в выступающих. Правда, на следующий день все уже вместе сидели и дружно пили.

А.Б.: Опорожняли бутылки для следующего раза? Да, я помню, было и такое. В Музее Ленина была конференция. Что-то кому-то не понравилось, и они так поступили.

С.М.: А комсомольцы попытались провести на нее членов КПРФ, и это было пресечено.

Такие явления, как «Студзащита», к сожалению, не перерастали в систему. Мы попытались разработать механизмы передачи активности студентам младших курсов. Политические активисты разных групп договорились между собой, что не будут трогать идеологию, поэтому в профсоюзе мог оказаться кто угодно. На левой груди, как поется, профиль Сталина, на правой – батька Махно. Радикалы с трудом терпели меня, так как я из социал-демократов, но при этом говорили, мол, ты не выходи, у нас есть и умеренные. Я у них фигурировал как член социал-демократической партии (что само по себе было довольно уморительно), только для того, чтобы представлять, показывать, что в «Студзащите» есть не только леворадикальные «уроды». Хотя я, конечно, мог выпендриться и тоже понести что-то радикальное. Но основная студенческая масса реагировала примерно так: «О, у вас весело, круто, вы нас ведите, а мы вас будем поддерживать!» Я их спрашивал: «Ребята, а вы сами можете что-нибудь организовать?» – «Ну, нет». То есть воссоздать эту систему, чтобы в ней произошла ротация, было чрезвычайно трудно.

Тем более что начался кадровый голод – часть анархистов отошла, часть левых тоже, комсомольцы переключились.

Я знаю, что сейчас есть попытки воссоздать этот опыт, люди пытаются воспроизвести наши действия буквально на общественных началах, но начинают с тех же ошибок, потому что нет опыта, нет передачи опыта. Я переключился начиная с 96-го года на «Хранителей радуги» и другие экологические движения. Некоторые из «Студзащиты» – на что-то другое.

А.Б.: А почему? Вам показалось, что это нечто более мобильное?

С.М.: Мобильное или нет, но там была реальная работа. «Студзащита» так и осталась, с одной стороны, показателем возможностей – того, что можно, а с другой стороны – показателем кратковременности серьезной работы.

С 95-го года уже чувствовался раскол. Хотя нас еще боялись, и представителя московского комитета «Студзащиты» Дмитрия Петрова приглашал к себе Михаил Шмаков, председатель ФНПР, и уговаривал, что, мол, ребята, не надо так.

А.Б.: А где, какие отделения были еще? На каких факультетах преимущественно?

С.М.: На гуманитарных больше. Отделение было даже у меня в Юридической академии. Более того, я даже не знал некоторое время, что у меня в вузе существует это отделение. Сначала я просто удивился, что все стены туалета обклеены листовками «Студзащиты». В вузе стены не принадлежат студентам, а вот в туалете наклеенные листовки не обрывают [смеется].

А.Б.: А были ли связи с другими профсоюзными организациями? Совместные действия?

С.М.: Связи некоторые существовали. Например с профсоюзом «Защита» Леонова. Но в какой-то момент я понял, что его лидер как будто бы боялся выступать вместе со «Студзащитой». Мы пытались общаться с рабочими профсоюзами, лозунги писали общие. Но идейные рабочие были очень сильно идеологизированы, а студенты чаще выступали за деидеологизацию, поэтому устойчивого взаимодействия не получилось.

И еще работала пропаганда, которая «Студзащиту» представляла как молодую, независимую. Я помню такой сюжет по телевидению: показывали совещание непримиримой оппозиции, а потом показали сбор активной молодежи как конкурентов.

А.Б.: Какие вузы были представлены в «Студенческой защите»?

С.М.: Из Москвы практически все крупнейшие – МГУ, Технологический университет, Юридическая академия, МАИ, Бауманский (МВТУ), очень активные были в Бауманке), Педагогический, не помню, какой именно, тоже активный, и даже Институт управления. МГИМО точно не было. Всех не помню, потому что лично не спрашивал, кто откуда. Очень часто сменялись люди, участвующие в одной или другой акции. Просто целый калейдоскоп людей. Не было четкой структуры, и это

было нашим недостатком, мы не могли точно сказать, сколько у нас людей в каком-либо вузе. То вдруг приходит из одного вуза двадцать человек, то после этого мы не можем никого найти. Плавающий контингент. Постоянно видели некоторых старых членов, кого-то новых еще, отдельные группы.

Это – одна из характеристик студенческой среды, она «плавающая». У этой массы может быть большая энергетика, но нет постоянного интереса. Люди исчезают, переходя из вуза на работу, остаются разве что аспиранты.

Передо мной как преподавателем вставал такой вопрос: как я могу выразить свое неудовольствие, довести его до администрации. Существуют только два рычага. Либо ты приходишь к декану, если имеешь к нему доступ, и лично разговариваешь, стараясь решить вопрос коротким путем, или жалуешься вышестоящему начальству, пишешь, обращаешься. Либо ты разговариваешь с другими преподавателями, но непонятно, какие рычаги воздействия на администрацию при этом можно использовать. В «Студзащите» мы использовали депутатские запросы, жалобы в прокуратуру, просили провести прокурорскую проверку. Прокурорских проверок боялись, ведь даже для того, чтобы в ней отказать, прокуратура должна была разгласить информацию, неудобную администрации.

А.Б.: Вопрос на самом деле остается открытым. Вы правы: степень мобилизации в интеллектуальной среде крайне невелика и объективно не может быть очень большой. Именно потому, что там все спонтанно, не работает идеология.

С.М.: Все-таки мне кажется, что если ее поднять на какие-то либеральные идеи, то активность будет относительно велика. Но только на либеральные. На социальные задачи, к сожалению, у либералов энергии нет, особенно в России.

А.Б.: Я, правда, помню, что в какой-то момент в 96-м году к шахтерам присоединились работники научных учреждений, которые шли маршем к Белому дому. Я помню, с какими лозунгами они выступали. Я тогда пришел на Горбатый мостик. И это было довольно удручающе. Первый лозунг был – снять Ельцина, второй – повысить зарплату, третий – «сохранить научно-технический потенциал России». Маленькую делегацию из них пригласили в Белый дом. И они восторженно передавали по рации: «Нас сейчас примут! Нас принимает замминистра. Мы уже входим. По красной ковровой дорожке...» И так далее. Это та самая вера в хорошую власть, о чем Вы говорили. Им что-то пообещали, они разбежались, и все.

С.М.: На днях я обсуждал эту ситуацию с одним госчиновником. Он сказал, что до тех пор, пока не будет людей, которые сами владеют, распоряжаются, имеют противостоящие власти интересы, рабочая масса всегда будет слабоинициативна. Она нужна кому-то, только чтобы показать силу, а не сама по себе. Даже в ситуациях противостояния на Горбатом мостике и стучания касками люди все равно были похожи на

просителей, которые стучат шапками. Это был определенный радикализм, но никакого осознания себя равноправной стороной в противостоянии не было и в помине. И это очень внятно чувствовалось властями и использовалось. Всех, кто не поддался на обещания, называли профессиональными революционерами, что висело как клеймо и вело к потере работы. Действия власти были абсолютно понятны.

А.Б.: С Вашей точки зрения, сейчас никаких постоянно действующих профсоюзов, которые влияли бы на ситуацию в масштабе всей страны, а не отдельного предприятия, нет? И в интеллектуальной и студенческой среде их нет?

С.М.: Я думаю, что в студенческой среде надо создавать не профсоюзное движение – это дело представителей именно профессиональных групп. Но в задачи профсоюзного движения должна входить защита студентов отраслевых вузов. Движение нужно для того, чтобы студенты почувствовали себя в профсоюзной среде. Такое профсоюзное движение также нужно потому, что студенты сейчас настроены в большей степени на трудоустройство и связь с отраслями может оказаться полезной. И мне как человеку, работающему в правовой области, это поможет завязать контакты.

А.Б.: Но сейчас есть проблема во всех вузах – начиная с мелких и кончая МГУ, – когда выпускников больше, чем рабочих мест и в университетах, и на производстве. Когда возникают такие виртуальные очереди на занятие поста в университетах. И если ты встаешь в позу и не подчиняешься требованиям, то на твое место на худших условиях придет следующий из очереди.

С.М.: Это всегда знали. Для того и нужен профсоюз, который должен говорить, что под нашим контролем находятся такие-то и такие-то предприятия и у них своя очередь на подбор выпускников ваших вузов. То есть получается, что надо начинать сначала и снова обучать профсоюзы методам коллективной работы и взаимодействия между собой. Нужно добиться, чтобы предприятие в той или иной мере находилось под контролем профсоюза работников, участвующего в управлении, владеющего и голосующего пакетом акций и оказывающего существенное влияние в том числе на кадровую политику. И каждый член профсоюза сможет понять, что профсоюз не позволит его увольнять просто так. Но сейчас этого нет, и в законодательстве специально сделано так, чтобы этого не было. И все решается не федеральным трудовым законодательством, а спущено на низовой уровень. Ведь помимо запрещения забастовок солидарности был введен порядок, при котором все решается на уровне индивидуальных и коллективных трудовых договоров.

Вообще на многих предприятиях нет людей, которые способны составить грамотный коллективный договор. Есть один юрист – работодателя, и понятно, в чью пользу он договор составляет. Понятно, в чью пользу делается этот низовой уровень контроля – в пользу работодателя. Когда возникает какой-то конфликт, возникает, с одной стороны, проф-

союз с его юристами, а с другой – юристы работодателя, предпринимателя. И получается, что два объекта спора отнюдь не рабочие, а две крупные организации.

А.Б.: Профессиональные борцы.

С.М.: Да, верно. И предпринимателя как бы нет, есть некий кадровый список, состав. Поэтому получается, что надо работать с профессиональным юристом, который обслуживает предпринимателя. С администрацией, которая может в любой момент на него надавить. Сейчас по трудовым делам наиболее серьезные социальные конфликты происходят только в очень специальных сферах – там, где есть артисты, профессиональные спортсмены и пр., которые могут пригласить профессионального юриста. И второй вариант – топ-менеджер против работодателя. И еще когда весь коллектив завода против работодателя. Но такие случаи чрезвычайно редки, поэтому наиболее представлены первые два варианта.

А.Б.: Были ли такие случаи, когда люди, получившие опыт организованного сопротивления на одном предприятии, после увольнения каким-то образом передавали его на другое? Это как-то транслируется, аккумулируется?

С.М.: На каком-то уровне – да, но системы нет. Каждый понимает необходимость таких связей, но при таком низком материальном уровне респектировать своим достатком решается не каждый.

По трудовым конфликтам есть организация, ассоциация юристов-«трудоустроителей», которые пытаются создать наработку опыта по всей стране. Есть данные, контакты. Есть еще ассоциация юристов-«трудоустроителей» в Питере. Говорят, действует. И есть объединения «трудоустроителей», но это на уровне теоретиков, вокруг вузов: юрфак МГУ, МГЮА. Я участвовал в проведении конференции в МГУ среди профессионалов по поводу принятия нового Трудового кодекса. Там были не только юристы, в том числе адвокаты, но и представители профсоюзов и представители правительства и администрации. [...]

Публикуется впервые

Иркутск, 2008: Социальный форум в России

Станислав Маркелов был одним из модераторов Пятого социального форума, проходившего 8–10 августа 2008 г. в Иркутске. Его выступление является откликом на статью Карин Клеман «Социальный форум показал растущую политизацию социальных активистов» на сайте ИКД.

Социальный форум в России – вещь очень странная и метафизическая. Как и очень многое в нашей стране, она не поддается разумному осмыслению, возникает спорадически в разных регионах, и иностранцы, пытающиеся разобраться в перипетиях нашего социального движения, сразу же хватаются за голову. Причем со временем это впечатление и не думает ослабевать, подтверждая тезис, что мы страна с непредсказуемыми воз-

возможностями и со столь же непредсказуемыми людьми, транжирящими эти возможности.

Если 1-й Социальный форум прошел на ура¹⁴, то 2-й помогали сорвать все правоохранительные органы вместе взятые, оставляя после него воспоминания в виде сводок о «беспределе» силовиков напоемам с их же идиотизмом, как во фразе протокола милицейского задержания: «Ругался матом на швейцарском языке»¹⁵.

После такой «радости» от общения с правоохранительными органами на общероссийский форум уже никто не замахивался, и разнообразный социальный актив проявлялся на сборищах непонятного статуса, типа «совещания социальных движений стран СНГ» 3 ноября прошлого года в Москве или украинского соцфорума в первых числах мая этого года. Правда, отсутствие статусности и ограниченный состав не мешал веселости и значимости происходящего, но подобная социальная партизанщина стала надоедать даже самим участникам соцдвижения.

Как всегда, на помощь европейской России приходит Сибирь, не даром на протяжении нескольких веков туда под конвоем привозили лучших людей, готовя базу для помощи центральным регионам и задыхающейся от собственной значимости столице.

В результате единого соцфорума у нас уже много лет как нет, а социальным активистам приходится адаптироваться к сибирским условиям, каждый год приезжая в новый город, принимающий у себя кучу гостей.

В этом году адаптация была наиболее трудной, поскольку проживание в поставленных прямо на болоте промерзших домиках без окон, создало впечатление подготовки к еще более тяжким условиям в местах не столь отдаленных. Впрочем, это была единственная сложность для форума, который прошел на удивление гладко, бесконфликтно и терпимо к трудностям в лучших сибирских традициях.

Активисты соцдвижения уже привыкли друг к другу и наконец-то стали забывать бесконечное медитативное заклинание к организационному объединению, тем более что чем больше и чаще их повторяют, тем дальше от объединения социальные движения. Вы можете представить в одной организации активистов из СПС и РКРП, которые были на Сибирском форуме, правозащитников и радикальных коммунистов, антифа и НБП?

Такие объединения возможны только в больном сознании организаторов всеобщих коалиций типа Национальной Ассамблеи¹⁶.

С другой стороны, когда дело касается противостояния точечной застройке, незаконному выселению из общежитий, захвату земли, борьбы за экологические права и многих других конкретных акций, вопрос идеологии и партийной принадлежности исчезает как малозначительный. Объединяют дела, а не идеи, и участники соцдвижения наконец поняли, что инициирование общих дел намного важнее, чем создание бесконечных новых объединений и структур.

Основным итогом Соцфорума стало объявление 25 октября Всероссийским протестным днем с попыткой продления и расширения практики Дня единых действий, который состоялся 26 января этого года. Очень

важно, что Сибирский соцфорум, формально выступающий как региональный, выдвинул итогом своей работы общероссийскую инициативу, дав тем самым импульс к необходимости перехода от региональных акций к общероссийским.

Безусловным прогрессом выглядит то, что социальные активисты перестали бесконечно жаловаться только на собственные проблемы, а приехали с методиками их разрешения, с тем, чтобы поделиться своими наработками с такими же неутомимыми борцами из других регионов. Пожалуй, правовая секция в этом плане была самым ярким примером, поскольку она собрала больше всего людей, обошла без «проходных выступлений» и без стенаний о том, как в каждом регионе плохо живется.

Напротив, представители Сургута, Иркутска, Москвы, Перми и многих других городов, имеющие за плечами не один год работы с судами и правоохранительными органами, делились рекомендациями о том, как можно пробивать стену правового неприятия социальных требований со стороны власти и как отстаивать свои права в заведомо невыгодных условиях общения с судами, прокуратурой, милицией и пр.

Любопытно, что этот Соцфорум был, пожалуй, первым, где участники антифа-движения, обычно действующие автономно, активно работали, причем не только у себя на секции, но и на многих других кружках и заседаниях форума.

Можно порадоваться, что наконец хоть как-то налаживается работа с информационным обеспечением форума. Деятельность столь масштабных объединений перестает быть новостью только для самих себя.

Сможет ли единая акция 25 октября стать новостью по всей стране, уже будет зависеть от всех нас, в том числе и не присутствовавших в Иркутске в дни проведения соцфорума.

Опубликовано 15 августа 2008 г. на сайте
Институт Коллективного Действия: www.ikd.ru

Мальме, 2008: Социальный форум – место, где представители Южной Осетии, Абхазии и Грузии пожали друг другу руки

В Швеции в г. Мальме 17–21 сентября 2008 г. проходил Европейский социальный форум, на котором Станислав Маркелов организовал семинар по Северному Кавказу.

Когда приходишь в себя после сумасшествия крупных мероприятий, сразу возникает вопрос: «Что в итоге? Какой осадок остается после муты бесконечных споров, бытовых неурядиц, столкновений и попытки выбраться из муравейника под названием Социальный форум?» Муть и впечатления еще не осели, но пройдет неделя, месяц и выводы будут уже неинтересны, поэтому накопившийся осадок лучше выплеснуть сейчас, чтобы не оставлять его в себе и не сталкиваться с теми же самыми впечатлениями и раздумьями на следующем форуме. И так.

КРИЗИС ФОРМЫ

Социальный форум изначально имел очень удобный вид, позволяющий вытаскивать на обсуждение каждую тему, нарабатывать международные связи и включать в референтную группу столько людей, сколько заинтересует твоя тема. Но идеальных форм не бывает, и первоначальные плюсы постепенно превратились в существенные минусы.

Выбор семинаров определяется неким «советом старейшин», т.е. людьми, которые, по сути, и выстраивают общую линию и политику форума. Возникают внутрифорумская элита и бюрократия даже в столь гибком и динамичном объединении. От российской делегации на этом форуме были заблокированы ряд тем, которые для нас явились бы существенными. С другой стороны, некоторые семинары просто дублировали друг друга, и их разница определялась только составом организаторов.

За проведение конференции или семинара на форуме нужно платить определенные деньги. Для большинства западных организаций эта сумма выглядит минимальной, для организаций из Восточной Европы очень часто неподъемной. Оргкомитет справедливо решил, что представители Восточной Европы не должны платить за свои семинары. Однако подобная ситуация приводит к тому, что восточноевропейские представители изначально оказываются в роли младших партнеров и лишены права голоса.

Самое главное – семинар как метод обсуждения темы явно исчерпывает себя. Вместо выяснения проблем и мозгового штурма по их решению каждая из организаций или ее представитель спешат разрекламировать свою позицию и продемонстрировать собственную значимость. Получается, что семинары проводятся ради семинаров.

В результате возникает ситуация, когда даже альтернативные полу-анархистские мероприятия подчас выглядят более живыми и динамичными, чем пережевывание одних и тех же речей на официальных конференциях соцфорума.

Собственно Социальный форум так бы и превратился в общественно-политический плебисцит, если бы не массовые акции, которые поставили еще один животрепещущий вопрос, мучающий участников Соцфорума со дня его появления. А именно:

ДОПУСТИМОСТЬ НАСИЛИЯ

Как легко было бы ответить, что насилие недопустимо, и поставить на этом точку. Но когда вы откроете крупнейшие таблоиды, вы не найдете ни слова о значительных заседаниях, умных речах и достигнутых соглашениях. Зато тема бунта, пары сожженных автомобилей и пусть даже небольших стычек с полицией становится темой дня у крупнейших мировых информационных агентств.

Насилие демонстрационное, ограниченное, театральное становится пиар-акцией и более того – единственной возможной пиар-акцией социального движения. Социальный форум, будучи левым мероприятием, действуя во внешних капиталистических условиях, вынужден в них вписываться. Правила масс-медиа этого капиталистического окружения

гласят, что прессу интересует картинка, «экшн» события, а внутреннее содержание исчезает за ненадобностью. Заголовок «Хаос в Мальме» висел на первых страницах всех шведских изданий, хотя беспорядки затронули только один квартал, поскольку основные силы радикальных антифа и «Черного блока» были обращены на Германию, где предотвращалась массовая нацистская демонстрация. Но даже малое число левых радикалов создало большой информационный эффект, чем все организационные усилия активистов Соцфорума.

Так какой тогда существует способ заявить о себе левому движению, кроме демонстрации насилия?

Все понимают, что беспорядки не приведут к радикальному изменению ситуации, они подконтрольны и изначально подготовлены всеми сторонами, включая администрацию города, и рассматриваются как изюм в антиглобалистской булке. Среди владельцев бутиков, наверное, даже идет тендер, на чьей улице пройдут беспорядки, чтобы содрать полагающийся куш со страховых компаний. Полиция получает нормальный опыт боевой подготовки, который пригодится для ликвидации действительных волнений, а журналисты наконец увидят настоящий и красочный информационный повод.

Но не надо обвинять участников леворадикальных выступлений в их неискренности и позерстве. Если благополучие западных стран построено на постоянном ограблении регионов третьего мира, то как еще им напомнить, что они блаженствуют на наворованном? Все 90-е годы из России за бесценок вывозили сырье, оборудование, все, что накапливалось адским трудом многих поколений, и вывозили, в том числе в сытую довольную Швецию. Нас грабили десять лет. Страны Азии, Африки, Латинской Америки грабят столетиями. Каким еще способом, кроме сожженной полицейской машины, можно напомнить о том, что благополучие на отнятом у других очень зыбкое и так же завтра может быть отнято у нынешних хозяев? Если житель Западной Европы понимает, что существовать на наворованном не совсем хорошо, то как еще ему выразить свой личный протест, чтобы быть реально услышанным? Любые речи вянут и тонут в тине бесконечных диспутов, едва успев начаться. Вот и приходится вместе выворачивать камни из мостовых и ловить на свою грудь удары полицейских дубинок.

Эта игра опасна ввиду того, что адреналин может перейти за грань меры и никто не отвечает за последствия. Один убитый во время Соцфорума в Генуе уже обозначил переход за некую черту. Но кто мне подскажет способ, при котором недовольство несправедливой системой можно донести до каждого обывателя? Чтобы он почувствовал неудобство хотя бы через «ужасные» снимки местных развлекательных изданий.

Я не буду говорить о персоналиях, но даже на официальной демонстрации число участников радикальных колонн (синдикалисты, радикальные зеленые, «Черный блок» и т.д.) ПРЕВЫСИЛО число тех, кто хотел бы принять участие в собственно так называемой «российской колонне». И тут мы приходим к следующей больной для нас теме –

РОССИЙСКИЙ ФАКТОР

По итогам форума у нас возникла идея провести собственный флэш-моб – на демонстрацию вывести колонну под транспарантом «Russian Revolution Tourists» (русские революционные туристы). В качестве речевок использовать: «Duty Free» и «All inclusive». В качестве растяжек сойдут лозунги: «Абсолют» – круглые сутки и бесплатно, «Приурочьте Соцфорум к распродажам». Вместо флагов сойдут китайские рисовые баулы. Такая колонна наверняка привлечет внимание остальных участников и прессы и наконец наша делегация будет полностью замечена.

На самом деле, если бы не приступы комплекса неполноценности, то подобный сатирический флэш-моб вполне можно было бы провести. В реальности же российская делегация традиционно оказывается на обочине и смотрится лишней шестеренкой в большом европейском социальном движении.

Наши темы непонятны на Западе, социальная проблематика, с которой мы приходим на форум, может вызвать интерес только у историков социальных отношений Запада в начале XIX века. Внутренняя грызня российских организаций давно выглядит основной формой деятельности социальных активистов. Разрыв между теми, кто постоянно представляет на Западе, и теми, кто реально что-то делает внутри страны, уже стал притчей во языцех.

Удалось ли на сей раз хоть как-то прорвать такое представление, как в известной формуле о русских туристах: «Туристы из России были, но, слава богу, все обошлось»? Скорее нет, чем да.

Дело даже не в туристах, какой-то процент их всегда будет. Провести человека до конца невозможно, а необходимость «привоза» новых кадров активистов на международный форум всегда создает риск появления любителей революционного шопинга. Это зло неизбежно. Другое дело, что социального движения в европейском понимании в России до сих пор нет. Есть отдельные течения, не сформировавшиеся в единую социальную волну. Протестники, которых обычно интересуют проблемы собственного двора, и дальше они не смотрят; антифашисты, застрявшие на стадии уличных разборок с наци-скинами; теоретики, на протяжении всей своей жизни думающие, как бы реанимировать Маркса, и т. д. Сделать представительство из прото-элементов еще не появившегося социального движения невозможно.

Социальное положение в России и странах СНГ резко отличается от социальных нужд Европы. Наши темы непонятны им, их темы не интересны нам. Много ли российских активистов пойдет на семинары по вопросам феминизма, защиты геев или помощи активистам из Африки, Азии и других развивающихся регионов? Единицы, и то случайно. Когда же мы начинаем говорить о наших проблемах и бедах, то приходится рассказывать не только о нас, но и обо всей специфике российских условий. Обмена мнениями не получается, в лучшем случае – только вводная лекция с надеждой на последующий интерес.

В этом плане характерны семинары по антифа-тематике. Если активисты в Швеции говорили о борьбе за двух сомалийских рабочих, которых несправедливо депортируют, то российским антифашистам пришлось предъявить список убитых. На вопрос западных товарищей: «Это убитые эмигранты?» – россияне вынуждены были ответить: «Нет – это только убитые активисты-антифашисты, а эмигрантов у нас убивают регулярно, каждую неделю, и их перечисление заняло бы время всей конференции».

На другом семинаре по той же теме встал вопрос: «Почему ничего не слышно о российских антифа?» Тогда у немногочисленных антифа из России пришлось спросить: «Информацию о ком из них с угрозами вывешивали на нацистских праворадикальных сайтах?» Подняли руки почти все.

Условия нашей деятельности слишком различны, чтобы говорить об общих целях и задачах. Это данность, формат Социального форума позволяет сблизиться, но не более. Частью европейского социального движения насильственно стать мы не можем.

Может ли тогда отдельная российская колонна на демонстрации сыграть роль представительства российской делегации? Это старый фетиш, который рушится каждый раз, когда он возникает в реальности. На общих демонстрациях национальных колонн нет. Более того, это даже противоречит духу Социального форума, где все делится по принципу взглядов, а не национального происхождения. Внутри так называемой «российской делегации» взгляды бывают столь же несовместимы. Можете ли вы представить, что я пойду под маразматический речитатив: «Кто шагает дружно в ряд – комсомольцев наш отряд»? Я не могу! Так что же вы меня насильственно запикиваете в какую-то единую колонну?

Достаточно и того, что мы можем делать свои точки прорыва, используя для этого платформу Социального форума. Во всяком случае, на форуме нам удалось:

СДЕЛАТЬ ТО, ЧТО НЕ ПОЛУЧАЛОСЬ В РОДНЫХ СТЕНАХ

На очень нервном, напряженном и одном из самых многочисленных семинаров по вопросам Кавказа представители Южной Осетии, Абхазии и Грузии пожалы друг другу руки и договорились о сотрудничестве. Причем не просто о формальном дипломатическом уважении друг к другу, а о вполне конкретных вещах, с которых и начинаются мирные отношения между народами, будь это захоронение погибших, доступ к могилам, единые дороги, возможность проезда через территории и т. д.

Об этом не напишут газеты, и об этом будут молчать крупнейшие таблоиды. Не потому, что это не событие, а из-за того, что это невыгодно. В эту же секунду, как участники семинара договаривались об общих мерах по достижению мира, шведское телевидение показывало кадры с пострадавшими из Цхинвала, а подпись под кадрами была «Гори», и голос комментатора говорил о зверствах российских войск в Грузии¹⁷.

Неважно, кто прав или виноват в конфликте, важно, что властям конфликт выгоден и они всегда будут его раздувать усилиями дипломатии и своих СМИ. Пропуск на информационное пространство – это государ-

ственное насилие. О чем уже хорошо успели узнать участники Соцфорума. Теперь это наглядно увидели и представители делегации с Кавказа.

Их договоренности имеют значение для них самих и для нас, потому что они показывают наши реальные достижения и то, ради чего затевается все это масштабное безумство под названием Социальный форум.

Наши достижения, будь то договоренность о мире, социальной защите, экологической помощи или многом другом, никогда не станут основой выпускоческих новостей.

Ну что же, эти условия предложены не нами, и, вписываясь в них, мы предлагаем свою картину в виде закрытых лиц, смотрящих в глаза полиции.

Уж в этом мы действительно смогли войти в европейское социальное движение.

Опубликовано 26 сентября 2009 г. на сайте
Институт Коллективного Действия: www.ikd.ru

Прифронтовая полоса

Можем радоваться: мы полностью выполнили желание наших властей и привыкаем к сводкам с фронта, как к соревнованиям, идущим в новостях перед Олимпийскими играми. Пока они задевают за живое, но пройдет несколько лет, и, подобно войне в Чечне, мы будем с раздражением взирать на очередное пропагандистское варево из информационного ящика с одной мыслью: «Когда наконец это кончится! Дайте нам спокойно посмотреть, как одни накачанные допингом спортсмены повышают престиж своих государств, обыгрывая таких же накачанных фармакологией быков из других стран».

Война на Кавказе стала похожа на политическую Олимпиаду¹⁸. Все хотят ее продолжения, и только исчерпанность ресурсов войны не позволяет вести ее постоянно. Правители оставляют только тлеющие угли от мирной жизни, заставляя народы танцевать на них и подсчитывать горы жертв от очередных миротворческих кампаний.

Августовский политический кризис в России стал уже предметом народной мифологии. Настолько обыденным, что на сей раз даже не стали устраивать парламентский фарс и дали кукольным депутатам отдохнуть на своих курортах. Власть явно сделала выводы из предыдущих кризисов, и, в отличие от всяческих дефолтов, нынешний только укрепляет позиции российского руководства, создавая патриотическую волну и долгожданно удовлетворяя ущемляемую последние пятнадцать лет национальную гордость. Только справимся ли мы с этой патриотической волной впоследствии?

Война – слишком выгодная вещь, чтобы длительное время ее не было. В Чечне ресурс войны уже исчерпан, и продолжать активные боевые дей-

ствия сейчас незачем и политически опасно. Не проще ли расширить сферу конфликта на весь Северный Кавказ, ведь чеченские батальоны «Восток» и «Запад»¹⁹ уже успели повоевать в Южной Осетии, а сейчас и Грузии? Североосетинские добровольцы воюют там, это само собой разумеется. А какая радость для «солдат удачи», которые, приезжая на место конфликта, выбирают, за кого воевать в результате торга – кто больше заплатит.

Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что случится, тем более что последствия войн на Кавказе уже «проходили». Сначала для восстановления Цхинвали вбухивается столько российских денег, на них можно покрыть золотом горы Северного Кавказа уже с южной стороны (для северной стороны уже кидали деньги при многократном и многогодичном восстановлении Грозного). Потом криминальные авторитеты станут авторитетами вполне легальными и продолжат свой бизнес на более чем официальных основаниях, правда, теми же методами. А затаенная злость у проигравшей стороны будет проявляться через 10–20–30 лет и более, потому что это Кавказ и там проигравших не бывает: либо погибшие, либо мстящие.

Как ни странно, и российская, и грузинская стороны удивительно похожи по своим социально-психологическим мотивам для начала войны. И у тех, и у других ущемленная национальная гордость в результате проигранных войн 90-х, потоков беженцев, собственных криминальных режимов и полного падения авторитета на международной арене. И те, и другие хотят восстановления авторитета, прежде всего в собственных глазах.

Грузинские военные так мечтали о войне, что за последние годы повысили свой военный бюджет в 30 раз, специально готовя военные подразделения к боевым действиям в лесистой местности. На этом фоне все мирные предложения Саакашвили выглядят не более чем политической ширмой. Достаточно было старшему американскому брату потрепать Мишу по загривку, как Грузия подумала, что за ее интересы тут же будет вступаться чуть ли не вся американская армия. По молодости и наивности грузинское руководство забыло, что американцы ратуют за свои интересы, а отнюдь не за грузинские.

В ответ на пацифистские трели Саакашвили под грохот грузинских снарядов, очищающих Цхинвали от мирных жителей, российское руководство придумало замечательный военный неологизм – «принуждение к миру». Этот перл достоин войти в анналы современной дипломатии в одном ряду с достопамятной «гуманитарной бомбардировкой», когда американцы исключительно из гуманитарных целей кидали бомбы на Белград²⁰. Принуждение к миру путем военных действий, артобстрелов и бомбардировок – это что-то из разряда лечения путем запуска в чумной барак или отрубания головы. Более саркастическое название, чем миротворцы, в отношении армии, являющейся одной из сторон конфликта, трудно себе представить.

В этих условиях, казалось бы, абсолютными жертвами выглядят осетины, пострадавшие больше всех. Это действительно так в отношении

мирного населения. Но зачем Эдуарду Кокойты так упорно надо было провоцировать конфликт с Грузией, если осетинские формирования были смяты буквально за несколько часов и без помощи российской армии выглядели подростками с палками, противостоящими танкам. Я понимаю, что осетинскому руководству хотелось как можно быстрее разрубить гордиев узел собственной независимости и доказать всему миру, что с Грузией жить нельзя. Но неужели тысяча ни в чем не повинных собственных граждан – это нормальная цена для такой демонстрации?

Пока у Запада хватило ума только на одно – не вмешиваться в новую кавказскую войну. Если вмешаются в любых видах, то, по сути, это станет приговором западному сообществу. Надо быть абсолютно зомбированным пропагандой либеральных западных СМИ, чтобы не видеть, что вся эта прогрессивная мировая общественность уже и так сыграла роль козла-провокатора в конфликте, дав формальный сигнал к его началу. Они столько говорили нам, что косовский прецедент²¹ – это особый случай, не имеющий отношения к Южной Осетии и Абхазии, что стало казаться: европейские политики заранее отмываются от грехов в провоцировании конфликта. Как только им выгодно, они – глобалисты, любые свои требования распространяют на весь мир, а если выгода пропадает, то Косово в центре Европы становится особым случаем и применять методiku создания независимых государств уже нельзя. Кстати, почему это особый случай и чем Косово так отличается от любых непризнанных государств, ни один западный эксперт и не подумал объяснить. Видно, это просто мантра международной политики, которую надо не обсуждать, а ей слепо верить, повторяя за западными СМИ по двести раз на дню.

Впрочем, у нас своих информационных мантр хватает, и национал-патриоты, для которых все кавказцы – недобитые чурки, вдруг яростно полюбили осетин и бросились избивать по городам России ничего не понимающих представителей грузинской диаспоры. Главное в порыве национального ража, по ходу дела, не избить какого-нибудь осетина, ну и нескольких русских заодно для компании. Патриотизм – это ведь дело такое, без крови и погромов выглядит слишком несерьезным и поклоунски смешным. А у нас теперь жизнь прифронтовая, и все должно быть серьезно, правда, без отрыва от просмотра Олимпиады и не нарушая священного права депутатов на отдых.

Прифронтовая полоса в отличие от патриотизма – вещь действительно очень серьезная. Кавказ становится новыми Балканами, где грань между политическим, социальным и военным конфликтами стирается за считанные часы. Точно так же, как стерлась эта грань у грузинского руководства за несколько часов объявлением мира²² и штурмом Цхинвали. Кавказ становится вечным очагом бандитизма, имеющим оправдание в виде многочисленных войн, полувойн и столь же предсказуемых будущих «принуждений к миру». Этот бандитизм не один раз проявится у нас на прифронтовой полосе.

Прифронтовая полоса всегда больше, чем линия фронта, и сейчас в нее попала вся Россия и все закавказские республики с другой стороны. На этой территории грань между войной и не войной призрачна и может аукнуться завтра очередным «Норд-Остом», взорванным домом или погромом силовиков, как в Благовещенске. Кормить эту войну мы будем все вместе, потому что на прифронтовой полосе волей-неволей вводятся особый порядок и чрезвычайное положение, даже если никто ничего формально не объявлял. И даже мир выглядит очередной передышкой перед новой военной кампанией.

Ведь, как говорил Оруэлл, – **«ВОЙНА – ЭТО МИР»**.

А нас ждут новые «принуждения к миру», пока всех окончательно не перемирят, разумеется, без отрыва от просмотра олимпийского шоу и не прерывая отпусков наших драгоценных депутатов.

Опубликовано в августе 2008 г.
на сайте Института верховенства права

Примечания

- ¹ Записано в 1993 г. сотрудником ПЦ «Мемориал» А. Соколовым в рамках проекта «Люди Октября», инициатором которого стал Михаил Яковлевич Гефтер.
- ² В ходе обороны Белого дома во время августовского путча 1991 г. эта баррикада находилась около здания Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), позже оно станет зданием мэрии.
- ³ Штаб группировки милиции и внутренних войск, блокировавших Белый дом.
- ⁴ Вооруженный конфликт между Грузией и Абхазией 1992–1993 гг., закончившийся победой Абхазии.
- ⁵ БЛИЦ (Бюллетень Левого Информцентра) – издание информационного агентства, созданного в декабре 1991 г. при поддержке Московского бюро информационного обмена. Выпускался до 2003 г.
- ⁶ АСПИ (Агентство социально-политической информации) – Информационное агентство, отколовшееся в 1994 г. от Левого Информцентра.
- ⁷ Прежде всего за счет сообщений о протестах и выступлениях рабочих и «пролетариев умственного труда», – сообщения о забастовках шахтеров и учителей есть практически в каждом выпуске.
- ⁸ Спровоцированные снижением расценок и резким повышением цен на мясо забастовка и массовые выступления рабочих Новочеркасского электровозостроительного завода 1–2 июня 1962 г. В ходе подавления волнений были убиты по крайней мере 24 человека и 87 ранены. После суда 7 человек расстреляны, 105 осуждены к различным срокам.
- ⁹ ЛИК – общественное объединение научного, информационного и просветительского характера, продолжающее традиции российских научных школ левой ориентации. Клуб собирается работать в русле направления, представленного в прошлом такими историческими журналами, как «Былое», «Минувшие годы», «Голос минувшего», а впоследствии – историческими сборниками «Память», «Минувшее», «Звенья». ЛИК приглашает к сотрудничеству всех, кто считает себя наследниками следующих течений общественной мысли: социал-либеральной, народнической, марксистской, анархистской, христианско-социалистической...» *Бюллетень ЛИКА*.

ЛИК приступил к работе, 10 июня 1994 г. организовав совместно с НИПЦ «Мемориал» круглый стол «Терроризм в России: век XX (pro et contra)».

- ¹⁰ В круглом столе и семинаре участвовали Д.И. Зубарев, К.Н. Морозов, Г.С. Кан, Р.А. Городницкий, доктор исторических наук профессор В.Ф. Антонов, кандидат исторических наук О.В. Будницкий (Ростов-на-Дону), А.И. Колпакиди (С.-Петербург), Б.Ю. Иванов, Д.М. Фельдман, А.Б. Рогинский, А.Ю. Даниэль, Н.В. Петров. / Информационный листок ЛИКА.
- ¹¹ Не все листы записи присутствующих сохранились и нельзя точно установить участие Стаса в дальнейших заседаниях. Он точно присутствовал на заседании «Неизвестные страницы анархо-движения» с участием сына матроса Железняк, о котором опубликован очерк в «Общей газете».
- ¹² Дважды – в 1995 г. в Москве и в 2007 г. в Прямухино Стас смотрел документальную хронику о похоронах П.А. Кропоткина. Февральским днем 1921 г. по тогдашней Пречистенке (в советское время Кропоткинская ул.) тысячи москвичей провожали в последний путь творца идей абсолютной свободы. Это прощание стало последним легальным шествием социалистической оппозиции под красными и черными знаменами в Советской России. Около дома Льва Толстого катафалк с телом Кропоткина остановился и хор пропел «Вечную память»... *Комментарий Я. Леонтьева.*
- ¹³ Наиболее известная голодовка авиадиспетчеров проходила в декабре 2002 г., тогда в переговоры с ними вступил министр труда А. Починок; требования повышения зарплат были удовлетворены.
- ¹⁴ Первый Российский социальный форум прошел 16–17 апреля 2005 г. в Москве в Государственном социальном университете.
- ¹⁵ События июля 2006 г.: протесты в ходе саммита «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге и их подавление. Второй Российский социальный форум прошел 13–15 июля 2006 г. на стадионе им. Кирова в Санкт-Петербурге.
- ¹⁶ Национальная ассамблея Российской Федерации – одна из инициатив коалиции «Другая Россия», попытка организационно объединить активистов широкого спектра оппозиционных движений, избранных в регионах, на основе хартии (www.ej.ru/?a=note&id=8047). Собралась 17 мая 2008 г.
- ¹⁷ Обстрелы и бомбардировки: 7–10 августа грузинскими войсками г. Цхинвали, где погибли или были ранены сотни человек, и российскими войсками г. Гори 8, 9, 11 и 12 августа, где тоже погибли десятки человек. «Пятидневная война» закончилась изгнанием с территории Южной Осетии и части Абхазии грузинских войск и грузинского населения и признанием Россией независимости этих республик.
- ¹⁸ XXIX летние Олимпийские игры в Пекине проходили 8–24 августа 2008 г., их открытие совпало с атакой грузинских сил Цхинвали.
- ¹⁹ Батальон спецназа ГРУ «Запад» сформирован в 2003 г. из этнических чеченцев под командованием С.-М. Какиева, воевавшего на стороне федерального центра с 1993 г. Расформирован в 2008 г. О батальоне «Восток» см. стр. 56.
- ²⁰ Военная операция НАТО против Югославии 24 марта – 10 июня 1999 г.
- ²¹ Одностороннее провозглашение 17 февраля 2008 г. парламентом Косово государственной независимости этого бывшего автономного края Сербии и признание независимости Косово США и европейскими странами.
- ²² В 19.00 7 августа 2008 г. президент Грузии М. Саакашвили заявил об одностороннем прекращении огня в зоне грузино-осетинского конфликта. В это время грузинская армия и силы МВД уже выходили на исходные рубежи для атаки Южной Осетии. В 23.35 начался массированный обстрел Цхинвали. В те же дни российское телевидение, говоря о «стертом с лица земли» Цхинвали, показывало кадры разбомбленного Гори.

Дело об убийстве Александра Рюхина

Московский антифашист Александр Рюхин был убит 16 апреля 2006 г. В ходе следствия с троих арестованных по этому делу – Реутского, Андциферова и Шитова¹ обвинение в убийстве было снято. При этом оно осталось у троих человек, находившихся в розыске². Мать погибшего Татьяна Рюхина и ее адвокат Станислав Маркелов обратились в Генеральную прокуратуру с требованием о возобновлении следствия, о чем заявили на пресс-конференции 14 декабря 2006 г.

19-летний антифашист Александр Рюхин был убит точным ударом ножа в людном месте перед началом концерта популярной среди антифа музыкальной группы. Это не было случайное убийство в массовой драке; убийцы пропустили толпу, ожидая появления именно Рюхина, и напали на него совершенно целенаправленно, подчеркнул Станислав Маркелов.

Как пояснила мать погибшего, ранее ее сын попал на заметку к членам фашистских группировок как активный участник антифашистских акций.

По словам адвоката, обстоятельства убийства позволяют говорить о том, что его совершил хладнокровный, хорошо подготовленный человек... убийца был в перчатках и оставил нож в ране, чтобы не забрызгать кровью свою одежду.

Как подчеркнул Маркелов, учитывая нетяжкий характер обвинений и то, что для всех троих эта судимость является первой, можно ожидать, что обвиняемые будут осуждены к условному наказанию.

Перекавалификация обвинений в отношении задержанных произошла практически вслед за тем, как Генеральный прокурор России Юрий Чайка заявил о необходимости активизации борьбы с экстремизмом и усиления защиты потерпевших, отметил адвокат.

Разделение единого уголовного дела, возбужденного по факту умышленного убийства, на два самостоятельных дела вместо обычного выделения в отдельное производство дела тех обвиняемых, которых на данный момент удалось задержать, по словам Станислава Маркелова, является беспрецедентным решением. Попытки обвиняемых свалить всю вину на тех подельников, кто еще не задержан, «это обычная бандитская “отмазка”, на которую правоохранительные органы никогда не ведутся, – отметил он. – Но здесь я увидел эту “отмазку” со стороны прокуратуры».

В связи с этим мать убитого юноши и ее адвокат заявили о своей глубокой неудовлетворенности следствием и прокуратурой, которые, по

их мнению, не только не предприняли всех необходимых действий для изобличения виновных, но и способствовали уходу некоторых из них от ответственности.

Напомним о произошедшем ранее в Санкт-Петербурге убийстве другого активиста антифашистского движения – Тимура Качаравы³, Станислав Маркелов отметил тревожную тенденцию к возникновению в молодежной среде насилия на политической почве. «Убивают уже не на национальной почве. Убивают по политическим соображениям, из-за того, что эти ребята были антифа и принимали участие в антифашистских акциях», – констатировал он. По его мнению, правоохранительные органы оказались не готовы к такому развитию событий. Более того, заметил Маркелов, действующее законодательство не предусматривает возможность того, что политические мотивы при совершении преступлений могут рассматриваться какотячающее обстоятельство – так, как это происходит с мотивами национальной или религиозной вражды.

В данном случае, отметил адвокат, несмотря на то, что у всех задержанных было изъято огромное количество неонацистской литературы и символики и факт их принадлежности к неонацистским группировкам также несложно доказать, следствие предпочло принять версию защиты. Согласно этой версии, Реутский, Анциферов и Шитов заинтересовались неонацизмом с точки зрения его изучения, а не в качестве активных участников этого движения.

«Я знаю, что моего сына убили за его убеждения», – подчеркнула мать Александра Рюхина. По ее словам, сын глубоко переживал фильмы о Великой Отечественной войне и помнил о том, что дед вернулся с войны инвалидом, а два его брата погибли. «Тогда они стали жертвами фашизма на войне, а сейчас мы из страны, победившей фашизм, превратились в страну победившего фашизма. Безднаказанность будет рождать новые преступления», – с горечью резюмировала Татьяна Рюхина.

«Пока на уровне власти идут разговоры о цивилизованном национализме и об угрозе фашизма, на улицах начинается реальная война», – предупредил в связи с этим Станислав Маркелов.

Суд вернул дело об убийстве московского антифашиста в прокуратуру

15 января Нагатинский районный суд Москвы принял решение о возвращении на предварительное следствие дела о нападении на Александра Рюхина, в результате которого он был убит, сообщил Станислав Маркелов – адвокат потерпевшего Егора Томского⁴ – друга убитого, также пострадавшего от рук нападавших.

Несмотря на протесты со стороны защитников обвиняемых и представителя прокуратуры, суд удовлетворил ходатайство адвоката Маркелова о возвращении дела на предварительное следствие для исправления ошибок в обвинительном заключении. В частности суд счел ошибкой разделение дела и частичное прекращение его по ст. 105 УК в отношении Реутского, Анциферова и Шитова, а также в связи с рядом других

нарушений, допущенных следствием. Как отметил Маркелов, суд обратил внимание на отсутствие в деле результатов прокурорской проверки жалобы адвокатов обвиняемых на то, что при задержании к ним была применена физическая сила. В то же время суд отказал в ходатайстве защиты об исключении из дела протоколов первых допросов, в ходе которых обвиняемые частично признали свою вину.

Нагатинский суд отказал в изменении меры пресечения Реутскому, Анциферову и Шитову, несмотря на то, что защита ходатайствовала об их освобождении под поручительство депутата Государственной думы РФ Николая Курьяновича, известного своими радикально-националистическими взглядами.

«Решение суда просто идеальное, – отметил Станислав Маркелов. – И оно доказывает по меньшей мере некачественность работы прокуратуры. Теперь целостность дела об убийстве Александра Рюхина скорее всего будет восстановлена»⁵.

Как сообщил Маркелов, в суд поддержать обвиняемых явилась группа агрессивно настроенных молодых людей – по-видимому, также активистов ультраправых организаций. Недовольные решением судьи, они попытались угрожать Егору Томскому. «Они сказали: “Пойдем, поговорим”, а когда он отказался идти с ними, продолжали: “Что, умирать не хочешь?” – рассказал адвокат. – Это были прямые угрозы прямо в здании суда. Ему пришлось вызвать подмогу, чтобы друзья вывели его из здания».

По сообщениям информационного агентства Regnum⁶

Закончено следствие по делу «банды Рыно»

Комментарий Станислава Маркелова

в связи с передачей дела в суд

30 июня 2007 г. следственный комитет при прокуратуре завершил расследование уголовного дела в отношении группы скинхедов, обвиняемых более чем в 20 убийствах и 12 покушениях по национальным мотивам. Следствие установило, что действовала группа из девяти человек в течение восьми месяцев. Ее лидерами были Артур Рыно и Павел Скачевский. В первые дни после задержания Артур Рыно сообщил следствию, что на его счету 37 убийств, но не все изложенные им сведения подтвердились в ходе следствия.

Станислав Маркелов: Наше правосудие устроено так, что разницы убил человек двоих или 20 человек практически нет. У правоохранительных органов нет опыта расследования такого рода преступлений. Обычно массовые убийства имеют место в «горячих точках», а следователь из «мирного региона» морально и профессионально не готов. Не раскрывается в предъявленных статьях по делу Рыно и политическая подоплека убийств – если слишком много говорить об идеологической составляющей, властям придется признать наличие националистического подполья. Кроме того, есть опасность превращения осужденных в «героев». Не случайно поначалу Рыно не только не отказывался от показаний, а охотно рассказывал о своих многочисленных «подвигах». Большие

сроки для участников банды, несомненно, будут, но они – так же, как и ореол «мучеников» для наиболее одиозных националистов – могут спровоцировать дальнейшую эскалацию конфликта: с одной стороны, националисты окончательно уйдут в подполье и уголовщину, с другой – кавказцами будут создаваться отряды самообороны, с третьей стороны, будут радикализироваться антифа.

Пока тенденция такова: число и жестокость нападений на иностранцев растут, сроки для преступников – тоже, но преступлений от этого меньше не становится. Над поисками ответа на вопрос «Что делать?» бьются многие, но пока ничего внятного так сформулировано и не было.

Полная версия опубликована в июле 2007 г. на сайте
Института верховенства права: www.ruleoflaw.ru

Наказания для российских расистов и нацистов становятся жестче

dvizh.org: Является ли «Русский марш» легальным мероприятием? Какие законодательные нормы он нарушает? За что можно привлечь его организаторов, а за что рядовых участников?

Станислав Маркелов: Формально у нас уведомительный порядок проведения общественных мероприятий, реально разрешительный. Сам по себе «Русский марш» как акция не противоречит нашим правовым нормам, если заявленные лозунги не противоречат закону. Но лозунги и скандирования, которые регулярно и массово там появляются, очень часто не только не совпадают с заявленными, но и нарушают требования даже уголовного законодательства, в первую очередь ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти или вражды) или ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности).

д.: До прошлого года суды в России осуждали за преступления на почве национальной ненависти по статье «хулиганство». Сейчас ситуация иная. Суды начали выносить приговоры ультранационалистам за их собственные преступления. Какими тенденциями в российском правосудии объясняется это юридическое признание ультранационализма и фашизма преступлением?

С.М.: Националистические преступления перешли за критическую отметку, когда их можно было не замечать или считать исключениями. Сейчас это отдельный вид преступлений. Более того, имеющий тенденцию к росту (кроме летнего периода, когда большинство лиц, склонных к подобным деяниям, разъезжаются) и ориентацию на совершение именно тяжких и особо тяжких преступлений против личности.

К сожалению, помимо чисто правовых причин у нас над правом доминируют причины общественно-политические. Ультраправое движение радикализировалось, вышло из-под контроля, стало менее управляемым как властью, так и правоохранительными органами ввиду своей атомизации. Это мелкие группы, зачастую несовершеннолетние, склон-

ные к совершению преступлений с особой жестокостью. Наличие политических сил, тем более склонных к насильственной деятельности и при этом неподконтрольных власти, для власти сейчас недопустимо. Поэтому меры стали применяться начиная с этого года очень жесткие. Однако применение лишь карательных мер со стороны правоохранительных органов, без ликвидации причин преступления, и условия формирования преступных группировок загоняют проблему внутрь, заставляют лиц, склонных к насилию, радикализироваться и тратить свои усилия не на легальную деятельность, а на силовые акции прямого действия.

д.: Вы могли бы назвать недавние дела, в которых ультранационалисты и фашисты были осуждены за преступления на национальной почве или публичные проявления ненависти? Были ли приговоры более жесткими, чем по статьям «хулиганство»?

С.М.: В последнее время таких примеров много⁷. Сейчас в Мосгорсуде рассматривается уголовное дело банды Рыно и компании⁸. Число осужденных за совершение тяжких и особо тяжких преступлений на националистической почве в этом году выросло в геометрической прогрессии. Вроде бы удалось избавиться от постыдного явления, когда особо тяжкие преступления пытались прикрыть обычным хулиганством.

Однако остались две серьезные проблемы, не разрешенные российской правоприменительной практикой, значение которых намного более важно, чем просто вопрос об усилении санкций.

Во-первых, в качествеотячающего обстоятельства наше законодательство рассматривает совершение тяжких преступлений против личности (убийство, тяжкие телесные повреждения) по мотивам национальной и религиозной розни. Но в последнее время резко увеличилось число преступлений, совершенных по идеологическим причинам, когда жертва нападения не имеет национальных или религиозных отличий от преступников. Недавнее убийство антифашиста Федора Филатова в Москве является еще одним подтверждением этой тенденции.

Во-вторых, применение исключительно судебных и правоохранительных мер создает ситуацию, когда нацистские преступники чувствуют себя жертвами, героями, противостоящими всей системе. Сегодня значительная часть населения оказалась крайне ущемлена в своих правах, и не предпринимается никаких мер для улучшения положения. В этой ситуации будет появляться все большее число недовольных, в том числе и готовых к радикальным действиям. Официальная пропаганда державности, ура-патриотизма подталкивает таких радикалов к переводу этих лозунгов на рельсы насилия, на непосредственные действия для немедленного удовлетворения недовольства.

В таких условиях возникает положение, когда власть одной рукой подталкивает общество к национализму, а другой карает тех, кто воспринимает эти националистические порывы слишком серьезно и пытается их немедленно реализовать.

д.: По Вашей оценке, будет ли российское правосудие все чаще и серьезнее карать за проявления нацизма и расизма?

С.М.: Российское правосудие в своих действиях четко следует за линией, выражаемой российскими властями. Сейчас кампания борьбы с фашизмом, очевидно, связана со стремлением искоренить неподконтрольные и радикально настроенные группы и силы. Можно предположить, что в дальнейшем пресс правоохранительной системы обрушится на все политизированные сообщества, не заявляющие о своей лояльности и законопослушности. Нацисты оказались «крайними» (наряду с национал-большевиками) как люди, открыто игнорирующие закон и прямо пропагандирующие исключительно радикальные и насильственные действия.

д.: Кто может подать в суд и требовать преследования за открытое выражение национальной и расовой ненависти, за призывы расправы над другими людьми? Как привлечь к ответу человека, который открыто призывает «гасить чурок» или «бить педиков»?

С.М.: Хотелось бы на этот вопрос ответить: любой человек. Но, к сожалению, для лиц, желающих проявлять такую гражданскую инициативу, есть два существенных ограничения.

Первое, человек должен доказать, что экстремистское высказывание нарушило именно его права, а не права его соседа, друга, брата и др.

Второе ограничение уже не является правовым, но де-факто оно намного более серьезно. Лицо, открыто заявляющее в государственных структурах о своем противостоянии фашистскому сообществу, не имеет гарантий собственной безопасности и неприкосновенности. Поэтому, если кто-либо захочет проявить такую инициативу, его необходимо предупредить, что он сознательно подвергает себя риску.

Опубликовано 4 ноября 2008 г. на сайте dvizh.org

О проблеме роста нацизма в РФ и убийствах антифашистов

Выступление Станислава Маркелова на состоявшейся 20 марта 2008 г пресс-конференции в связи с убийством 21-летнего Алексея Крылова.

Мне не очень хотелось приходить. После каждого убийства идет ответ в виде пресс-конференций, на которых обсуждается одно и то же – жалобы на действия правоохранительных структур, в первую очередь милиции, сентенции «не пора ли прекратить безобразия». В данном случае я отойду от этих канонов. Ситуация качественно изменилась с этого года. Оба этих тезиса изначально неверны. За последнее время прямых жалоб на не работу правоохранительных органов (а я постоянно работаю внутри), в первую очередь милиции, у меня нет. Они действительно пытаются работать по теме наци-движения. Они были готовы и раньше, но кто-то не давал отмашку. Кто – это вопрос к вам, журналистам.

Другое дело, что да, резко отличается ситуация в Москве, Питере от ситуации на местах. Там говорят: «Это ваша беда, у нас ее нет». Хотя все наоборот – именно в регионах бесчинствуют нацисты беспрепятственно.

Там происходит то же самое, что в Москве и Питере хотя бы год назад, – нацистов пытаются представить как хулиганов. Но сотрудники милиции не умеют работать в этой теме. Проведенная операция «Скинхед» вызвала бурю анекдотов, потому что сотрудники милиции ловили людей по классическому скинговскому виду (бритый, шнурованные ботинки). В таком виде нацисты не ходят в Москве и Питере уже лет пять-шесть. Они стараются как только можно маскироваться под обычных граждан.

Как только отработывает милиция, дело уходит в тину. Прокуратура и суды откровенно их «сливают». Дело Рюхина – самый яркий тому пример. Это прямое убийство, которое вдруг, при наличии трупа, при наличии пойманных за руку прямо на месте лиц, при наличии опознания этих лиц, за день до окончания следствие переквалифицировалось в «хулиганку». Я обычно как адвокат сталкиваюсь с обратной ситуацией, когда людей натягивают на более тяжелое преступление. Такая ситуация есть. Но сейчас вопрос не к правоохранительным органам. Они что-то делают, как могут, да, коряво, да, не разбираясь в тематике. И вопрос не только к тому, как работают оперативники, ППСники, прокуратурщики и судьи. Потому что проблема зашла внутрь и говорить «прекратим безобразие» поздно.

Сейчас распалась умеренная часть националистического движения (или ее искусственно разгромили), и они сами все сознательно ушли в подполье, расширили влияние своего подполья и стали провоцировать именно появление войны. С начала года мы наблюдаем резкую активизацию нацистских нападений, – как на представителей другой национальности, так и по антифашистской линии. Это делается с целью прямой провокации вооруженных действий, как тут сказали, гражданской войны, я не уверен, что она будет малой гражданской войной.

Во-первых, по общей симптоматике возраст участников нацистского движения (обычно это карланы⁹ по 14–18 лет) заметно вырос. Руководят ими люди по 30–40 лет. Во-вторых резко увеличилась массовость. Если раньше это был некий клубный уровень, – собрались, попили пива на улице, кто-то нерусский не понравился и напали, то теперь появились группы, которые не занимаются вообще никакой идеологией, занимаются только боевыми нападениями.

Совершенно верно сказано, что стараются в войне фашистов с антифа нападать не на основных антифа, потому что те могут дать сдачи, а именно спровоцировать людей, внешних к этой среде. Случай с Алексеем Крыловым¹⁰ – очень показательный момент. Вчера только благодаря тому, что антифашистская акция была вовремя переведена в другое место, удалось предотвратить массовые столкновения. Но задержанных на Пушкинской площади с нож-пятаками, с «Осами», со всей экипировкой фашистов, СМИ по ошибке приняли за антифа.

Мы находимся в ситуации, в которой война уже развязана. На острие оказались именно эти две группы, потому что с другой стороны-то никого нет. Кто провел за это время мемориальную акцию по поводу убитого? В политическом мотиве убийства никто не сомневается, о хулиганстве может говорить только тот, кто хочет сознательно этот мотив прикрыть. Ни-

какие это не хулиганы. Такие же разговоры были в августе прошлого года, когда убили Илью Бородаенко¹¹ нападавшие с холодным оружием и криками «убей антифа». Но никакие политические силы никаких даже заявлений не сделали по этому поводу. Только антифа провели собственную акцию. Дело в том, что эта война находится вне сферы привычной нам политики.

И вообще, все политические силы, которые занимают выборы, маршами, не знаю, согласных, несогласных, они к этому не имеют никакого отношения. У них там свои казенные антифашисты, своя оппозиция, которая не хочет влезать в это, потому что здесь можно не пиар приобрести, а реальные жертвы получить. Извините, нынешний состав оппозиции стал во многом совпадать с нацистским активом. Я говорю это на полном основании и подчеркиваю это. Последнее задержание – Яков Горбунов¹², фашист, который нанес 14 февраля множество ножевых ранений представителю антифа. Он один из гауляйтеров, активистов НБФ – это осколок лимоновской НБП.

Теперь посмотрите на оппозиционные акции – это те же самые люди. То есть на фашистские акции они выходят с ножами, а потом идут к демократам размахивать флагами, естественно, имперскими, которые стали чуть ли не официальными знаменами «Другой России»¹³.

Противостояние фашистов и антифашистов – это реальные политические столкновения, которые постепенно переходят в разряд войны, где правоохранительные силы просто упустили время, дав образоваться огромному нацистскому подполью. Ему реально противостоят только антифа, которые появились скорее не из политического, а личностного выкрика: «Достали уже, потому что они начинают командовать в городах и на улицах, устраивать рейды!» Постепенно это перешло в состояние молодежной войны, где юридические дела – просто некая вершина айсберга. СМИ плохо освещают проблему, потому что им надо либо сообщать о проправительственных акциях, либо о положении очередного опального олигарха.

Улица постепенно начинает определять нашу жизнь, потому что реальные столкновения происходят там, и это намного важнее, чем та внешняя политика, о которой мы говорим. Нужно отметить очень болезненный симптом – фашистам удается спровоцировать эту войну. В результате последних нападений они вызвали реакцию диаспор, которые всегда были очень тихими. А последняя их встреча с мэром Лужковым закончилась не просто претензией, а ультиматумом. Потому что находиться гражданам Средней Азии или Дальнего Востока в Москве не то что опасно – они как на минном поле.

В этой войне уже снят вопрос о fair play (честная игра – термин употребляемый в основном футбольными фанатами, означающий неиспользование подручных средств в драках – ножей, костетов и т.д.). Это уже не просто драчки футбольных фанатов, а реальные боевые действия в рамках определенных городов. География значительно расширяется, события приобретают общероссийский, даже общеСНГшный масштаб.

Вопрос сейчас не в том, как остановить это, главный вопрос – как реагировать.

КРАСНАЯ КНИГА АНТИФА

Авторство этой брошюры, выпущенной в 2007–2008 гг., по общему мнению принадлежит Станиславу Маркелову. Сам же Стас публично признавал авторство только в отношении текста «Патриотизм как диагноз».

Открывая эту страницу, ты делаешь первый шаг...

Какая разница, кто ты? Какая разница, сколько тебе лет, на кого ты учишься и где работаешь?

Неважно, интересуешься ли ты политикой или считаешь ее делом карьеристов. Неважно, есть ли у тебя деньги. К счастью, мы еще можем сделать что-то бесплатно, не ради карьеры, благополучия или развлечения.

МЫ МОЖЕМ ЗАЩИТИТЬ СВОЮ СВОБОДУ И ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

Для этого не нужно больших усилий. Всего лишь думать головой и не поддаваться патриотической истерии, которую навязывают нам в газетах, по телевизору и в Интернете. Не молчать, когда рядом нацисты совершают очередное убийство или когда нам пытаются внушить, что во всем виноваты приезжие, маскируя под искусственным образом врага реальные проблемы и преступления власти перед людьми.

Не нужно бросать свои дела или радикально менять свою жизнь. Достаточно иметь гордость и быть честным перед самим собой. Всего лишь оставаться свободным человеком. Избегать главной опасности, подстерегающей наше обманутое, уставшее от борьбы за кусок хлеба общество, – равнодушия. Молчаливого разрешения лгать и нападать из-за угла, которым стремятся воспользоваться такие же обманутые глупые наци, не понимая, что разрушают собственный дом.

Это так просто – видеть, слышать, чувствовать и делать. Об этом говорит «Красная книга». Ее страницы написаны антифашистами, но рассчитаны на всех.

Начни претворять ее в жизнь.

Это станет следующим шагом к настоящей свободе и началом твоего сопротивления СИСТЕМЕ.

Удачи!

P.S. Сегодня в России за такие слова могут убить.

«Достали!» – антифа-движение возникло именно с этого крика, который прежде чем разнести по улицам, раздается в голове каждого.

Достали тем, что заставляют жить по своим звериным правилам и не признают автономии и свободы кого бы то ни было. Достали тем, что не знают другого языка, кроме силы и жестокости, и в отличие от прежних «гопников» пытаются оправдать свое насилие примитивными идеями.

Достали попытками выявить чистоту крови, расы, будто люди превратились в собак и к какой-то выставке очищают породы от дворняжек.

Достали любовью к историческим кровожадным монстрам, уже один раз погружавшим мир в кровавое месиво. Главное, достали тем, что они никому не дают нормально жить.

Они называют себя по-разному: фашистами, расистами, нацистами, национал-патриотами, но при этом все отказываются от человеческого статуса, надевая на себя животное клеймо принадлежности к нацистской стае.

Ладно бы они жили сами по бесчеловечным законам, строили друг другу концлагеря, устраивали между собой этнические чистки, вели бы бесконечные расовые войны. Но основная опасность в том, что они пытаются господствовать везде, всех насильственно загоняя пинками в свой концлагерь. Люди для них –

живой материал, человеческий мусор для чокнутых фюреров и вурдалакской идеи чистоты крови. Если им самим не хватает мозгов и они отдали свою свободу и свою волю каким-то идиотам, называемым себя фюрерами, то при чем здесь мы? Неужели мы также безоглядно отдадим свою жизнь и превратимся в быдло, пушечное мясо?

Неужели в качестве рабов мы готовы войти в их иерархию?

Если организм сопротивляется – значит, он живет! Если общество борется с фашизмом, то это живое общество и это борьба не на жизнь, а на смерть. Это живой фронт, в котором решается, будем ли мы жить дальше.

Нам есть за что воевать, хотя бы за право оставаться людьми, а не фашистами. Мы прекрасно понимаем, что любые попытки пойти на компромисс, переговоры, ублажить их – значит, заживо похоронить себя и свое будущее.

Чуму выжигали сразу в чумных бараках вместе с ее мертвыми носителями. Так было нужно, чтобы выжило все общество. Носители «коричневой чумы» перестают быть нормальными живыми людьми, они уже заражены смертельным вирусом. Нам будут говорить о гуманизме, но гуманизм – это защита людей, а не попытка скрыть болезнь, чтобы затем не хватило сил бороться против эпидемий. Смертельную заразу останавливают сразу, иначе потом некуда будет бежать от ее носителей и вместо фронта борьбы с ней останется только подполье. Лучше сейчас выслушать обвинения в негуманизме, чем спорить о верной тактике перед дверями газовых камер.

ПОЧЕМУ АНТИФА?

Движение антифа обвиняют в отсутствии идеологии, в том, что борьба «против» непродуктивна, надо бороться «за», что антифа – это только форма протеста

без какого-либо позитивного содержания. Это обман тех, кто привык рассуждать лежа на диване или разглагольствовать на бесконечных интеллигентских круглых столах.

Все великие идеи возникали именно как «анти». Либеральные свободы появились как антиклерикальные и антисословные. Социальные права возникли из антикапиталистического движения. В конце концов вспомните заповеди Священного Писания, они тоже все построены на принципе «анти» («Не убей», «Не укради»).

Если фашистская идеология – это идеология зверья, то антифа строится на прямо противоположных принципах. Фашисты говорят об абсолютной иерархии. На самом деле должно быть абсолютное равенство, причем не формальное на бумаге, как у либералов, а реальное равенство свободных людей. У фашистов все общество напоминает казарму, а должно быть именно РАВЕНСТВО РАЗНЫХ.

Когда пытаются ввести равенство среди одинаковых, то это все тут же превращается в скотный двор или очередь на бойню, и вылезает вожди, пытающиеся быть равнее всех. Оставим фюрерам место быть в сумасшедшем доме, потому что желание господствовать над другими людьми – это психическая болезнь. Фашисты пытаются выявить чистоту крови и истинные расы, хотя в мире чистокровные народы остались только в джунглях Амазонки. На самом деле все народы равны, и каждый имеет право выбирать свою национальность по близости культуры, языка и всего, что ему понравится.

ПРОБЛЕМЫ НАЦИИ ВНЕ ПОЛИТИКИ!

Вопросы национальности касаются только быта, культуры и обычаев, все остальное – это обман и профанация национальной принадлежности. Национализму может противостоять только интер-

национализм, но, как всегда, отказываясь от советского прошлого, мы вместе с волей выплеснули ребенка. А в национальном вопросе мы еще втоптали этого ребенка каблуками в грязь. В России сейчас нет силы, откровенно отказывающейся от национал-патриотической демагогии и принимающей идеи интернационализма, кроме движения антифа.

Любая фашистская структура, даже самая мало-мальская организация не может обойтись без фюрер-принципа, без маленьких гитлеров, командующих остальными. Мы же говорим: «Нет никаких вождей!» Есть только неформальные лидеры, но их лидерство не predetermined никакими теориями и сверхидеями и признается добровольно, а не по принуждению кованого сапога. Фашисты твердят о бесконечной расовой войне – мы же не желаем войны. Есть только оборона собственных прав и собственных свобод.

Виновны не нации! В первую очередь виновны те, кто стравливает нас с нашими соседями, с таким же, как мы, пусть даже они говорят на других языках и исповедуют другую веру.

ПОЧЕМУ ДВИЖЕНИЕ?

Мы столько раз обжигались на партиях, официальных структурах, заорганизованных обществах, что от любой формальности надо убежать, как от стихийного бедствия. Антифа сильно именно как движение. Его невозможно уничтожить, потому что движение не имеет структуры. Насильственное прекращение одного приводит к замене его многими. В движении нечего разрушать, поэтому его невозможно остановить. Оно может только иссякнуть само, когда исчезнет в нем надобность. Любая организация предполагает борьбу за власть и систему членства, подчинение, четкие идеологические границы. Каждый из этих признаков организации означает смерть движения.

Антифа не аполитично, оно антиполитично.

Политика – это борьба за власть, это толкание друг друга в стремлении подойти к властной корыту. У политиков нет идей – у них есть желание. У политиков нет принципов, кроме самолюбия, жажды власти, обогащения. Идеальная борьба происходит «на улице», и тот, кто «возьмет» улицы, определит, что будет дальше со всем обществом. Самые принципиальные вопросы решаются в этой войне. Ее фронт очень четкий, он проходит по линии «подчинение или свобода», «власть или равенство», «насилие или автономия», и ничей в этой войне быть не может.

Война давно перестала быть молодежной, молодежь, ввиду своей мобильности, первая, кто выходит на бой, но вопросы, которые решаются в этих боях, влияют на всех. Только нацистские фюреры пускают своих молодежных карланов, как пушечное мясо, желая закалить их кровью и насилием. Они не считают трупы, для них человек – это расходный материал в реализации вождистских амбиций или шизофренических идей.

Когда все равны, попытка спрятаться за спинами других выглядит преступлением. Равенство предполагает братство, без него нахождение в движении для каждого теряет смысл. Ради братства, собственно, каждый и пошел на этот фронт.

ПОЧЕМУ СТОЛЬКО ФАШИСТОВ?

Не надо вспоминать Великую Отечественную, наши деды и отцы уже сделали свое дело. То, что происходит сегодня, – это плевок на их могилы, то, что делаем мы, – это защита чести своих предков. Они смотрели на нацистов через прицел и не пытались вести с ними предательских переговоров или представить нелюдей «умеренными патриотами». Великая Отечественная была по праву мировой,

и с обеих сторон были люди всех национальностей. Как вместе с нами против общего врага воевали союзники, так и у нас были свои предатели.

Ничего не изменилось. Только сегодняшние пособники фашистов страшнее тех, кто был тогда. В войну многие шли на предательство из-за угрозы плена или смерти.

Нынешним предателям своего народа никто не угрожал. Они пошли в услужение фашистам сами. Сами захотели надеть на себя свастику, как клеймо на скот.

Фашизм не появляется просто так. В XX веке это была общественная обида Германии и Италии на последствия ужасов войны и всеобщее унижение. Либералы открывали двери фашистам, а потом стали первыми коллаборационистами. Сталинисты раскалывали левый антифашистский фронт и демонстрировали всему миру, как плохо быть красными. Ничего не изменилось, сейчас они играют ту же отвратительную роль.

Основная масса фашистов – это дети либерально-экономического ужаса 90-х годов, который почему-то называли реформами. У их родителей отнимали работу, за бесценок продавали предприятия, на которых те честно работали многие десятилетия. Их семьи кидали в нищету, а самих лишали всяческих перспектив, говоря, что хорошее образование, работа и карьера доступны только детям «новых русских», воров и прочей олигархической сволочи. Им чуть ли не насильственно вдалбливали в головы, что любой социальный протест, включая требования собственной зарплаты, – это поддержка красно-коричневых и выступления против демократии.

Они выучили пропаганду либералов назубок и стали фашистами. А теперь либеральная интеллигенция кричит: «Откуда у нас такая опасность?» Может, лучше вовремя бы обратили внимание на опас-

ность, исходящую от тех, кто ездит в «мерседесах» и катается на яхтах, проигрывая в казино и спуская на футбольные клубы наворованные у нас деньги?

Конечно, намного выгоднее направлять недовольство детей рабочих кварталов на беженцев или гастарбайтеров, сбежавших к нам со своей родины от войн и нищеты. Нападение на них безопасно для богатых, оно позволяет грабить нас дальше, а интеллигенция пусть бесконечно кричит о фашистской угрозе. Либеральный ужас 90-х перенагрел общество, и этот пар вырывается либо горящими «мерседесами», либо погромами на рынках. Власть упорно хочет, чтобы мы передрались между собой, а они продолжают жить за наш счет.

Посмотрите, затронули ли нацисты-бонхеды во время своих многочисленных погромов и «прыжков» хоть одного мафиози или хоть одного бандита? Их уровень – это продавцы семечек на улице и дворники-гастарбайтеры. Нет чтобы самим пойти в дворники и таким образом решить проблемы нелегальной иммиграции. Фашисты и бандиты – первые друзья, последние используют бритых тупых мальчиков в качестве примитивной наемной силы. То одна мафия, предположим армянская, заказывает «очистить» рынок от азербайджанцев, и скинхеды устраивают акт расовой войны, нападая на торговцев, то азербайджанская мафия, наоборот, «заказывает» армянскую. Нацистские фюреры делают деньги и смеются над рядовыми тупоголовыми фашиками, которые представляют себя героями арийских войн.

Фашистское движение хорошо вписалось в систему мафиозных кланов России, оно выгодно власти как преграда любым социальным протестам. А либералы, спровоцировав фашизм, продолжают кричать: «Как остановить безобразие?» – и сами тихо сползают к национал-патриотам.

Хотите проверить? Спросите у них, считают ли они себя патриотами. Все подряд взовьются в патриотическом раже. Их коробит одно слово «интернационализм». Так пусть остаются со своим патриотизмом. Чем дальше от них, тем лучше, а то снова устроят экономический ужас и спровоцируют появление новых фашистских орд.

ПОЧЕМУ МЫ НЕ ПАТРИОТЫ?

Великий русский классик Лев Толстой в своей статье «Патриотизм или мир?» прямо сказал: «Чтобы уничтожить войну, надо уничтожить патриотизм». Ему хватало храбрости это сказать. У нас же державный патриотизм стал официальной идеологией, и все только и делают, что клянутся в своей любви к Родине. Конечно, они ее любят. Они ее любят как дойную корову. Столько лет обворовывали нашу страну, что было бы странно не любить такой источник халявного богатства.

Любовь к Родине – вещь личная, и некультурно выставлять ее напоказ. Как никто не вывешивает на политических знаменах любовь к родителям, девушке или родному дому. Вещать об этом на каждом углу – это значит спекулировать на лучших чувствах людей. Под маркой патриотизма можно совершить любое злодеяние, прикрываясь самыми светлыми идеалами. И не важно, какой национальности этот патриотизм, рано или поздно он приведет к взаимным счетам с соседями, а затем и к провоцированию межнациональной вражды. Нет народов, живших рядом друг с другом и ни разу не воевавших между собой. Счет можно предъявлять друг другу до бесконечности. Нет ни хороших, ни плохих национальностей, принадлежность к ним вообще не должна влиять на жизнь людей.

Националисты возрождают первобытные инстинкты близости своего племени и вражды с соседями. Они забыли, что мы уже вышли из состояния дикости.

С развалом Союза волна национальной истерии овладела почти всеми республиками. Это значит, что работа у нас есть везде, что не один из национальностей не должен остаться без отпора. Они все опасны – что русский великодержавный, распугавший весь мир так, что у нас не осталось друзей; что кавказские сепаратисты и ваххабиты – «люди со стеклянными глазами», религиозные фанатики, верящие даже не в Коран, а только приказам полевых командиров; что украинские бендеровцы, которые недовольны всеми национальностями соседями; что белорусские нацдемы, пытающиеся внедрить национальные принципы, где их отродясь не было. Они могут быть более или менее радикальными, агрессивными или неагрессивными, парламентски-импозантными или улично-быдловатыми, но опасны они всегда.

Противостояние им должно быть адекватно их угрозе, но противостоять необходимо, потому что зараза национализма выходит за пределы политики, она внедряется в сознание людей, как болезнь. Эта болезнь прикрывается красивыми лозунгами национального возрождения, и тут же они превращаются в обвинение других. Все начинается с хороводов, а заканчивается этническими чистками.

Национальные хороводы должны плясаться дома или в чистом поле, а не на политических подмостках. Нет хороших националистов, есть более или менее опасные враги. Нет честных патриотов, есть те, кто обманывает себя, и те, кто обманывает других. Нет национальности в политике, есть желание власти обеспечить свою безнаказанность.

ПОЧЕМУ ФРОНТ?

Самая серьезная дискуссия – это дискуссия о методах. Пацифизм – это очень хорошо, когда он не переходит в умиротворение. С нацистской Германией на этом уже один раз обожглись.

Пацифизм нужен, он дает моральное превосходство, он останавливает от слепой мести и снимает ненужную ярость. Те, кто выбирает пацифизм, обычно лучше всего обеспечивают информационную и идейную помощь движению. Пацифистская составляющая была (и наверняка будет) одной из самых серьезных в идеологии антифа. Когда конкретные ближайшие цели выполняются, пацифизм наверняка окажется доминирующим, если не единственным принципом всех действий. Но пока антифа принимают на себя удар, своей спиной прикрывая всех. Если бы они не сдерживали фашистскую волну, то первыми жертвами оказались бы молодежь, мигранты, социальные активисты, а потом абсолютно все.

Уже сейчас видно, что активистов не хватает, хотя с каждым днем их становится все больше. Но нацистская волна спровоцирована, и, как всякую вырвавшуюся на свободу стихию, ее тяжело остановить.

Антифа использует все методы, но нацисты понимают только силу. К сожалению, зверям бесполезно читать мораль, а с каннибалами невозможно договориться. Вирус фашизма сродни болезни, при лечении доктора не всегда используют приятные пилюли. Никто не собирается становиться такими же, как они, вопрос не в насилии и тем более убийствах, вопрос в сдерживании.

Фронт – это только видимая часть деятельности. Борьба видна обществу, она на слуху, даже если никто ничего не знает о ее участниках. Фронт предполагает мобилизацию, но на фронте происходит исключительно борьба. Позитивная деятельность ведется в тылу. Она предполагает создание возможностей на время или навсегда уйти от монстров насилия, иерархии и принуждения. Создание сквотов, коммун, альтернативных медиа-пространств, либертарных проектов самого разного вида – это и есть наш тыл.

Тыл важнее фронта. Он обеспечивает нас будущим. Самое главное, он дает абсолютную уверенность в своей правоте. Собственно, все противостояние и ведется для того, чтобы можно было спокойно и безопасно существовать на этих освобожденных территориях и освобождать себя от вдалбливаемых в общество ценностей насилия. В отличие от фронта деятельность в тылу никогда не афишируется и не рекламируется, хотя бы из чувства безопасности и необходимости сохранения позитивных ростков свободы. Но к сожалению, если не будет этого фронта, то вместо автономных очагов сможет возникнуть только подполье. Простая линия фронта ворвется в твой дом.

ПОЧЕМУ МЫ?

Больше никому. Либералы, породившие фашизм, способны только на пустопорожние разговоры и ностальгию по проклятым девяностым. Видно, всеобщее обнищание, власть мафии, чеченские войны, танки на улицах, стрельба по собственному Парламенту и искусственное разделение людей границами вызывают у них ностальгические чувства. Надеюсь, их время ушло навсегда. Либерализм – религия воров. Объявив о свободе, они тут же пожелали себе свободы грабить и начали мечтать о Пиночете. Наши свободы были формальными, а бесправие и нищета более чем реальными.

Меньшая часть либералов, перейдя на позиции умеренных социал-демократов, постепенно приблизится к нам, за что им честь и хвала. Но это абсолютное меньшинство. Большинство демократов опустятся в патриотическое болото, куда многие из них готовы ринуться уже сейчас. Мешает необходимость сохранять лицо перед Западом и чувство брезгливости. Но уже сейчас они спокойно смотрят на имперскую тряпку и готовы с национал-патриотами ступить в одном ряду. Долго ли им до полной любви?

Сталинисты либо умирают в маразме, либо сознательно отходят от любой борьбы, как это сделало руководство АКМ, СКМ и прочих молодежных коммунистических массовок. Они сами объявили себя красными дезертирами, и отношение к ним может быть только как к дезертирам. Если человек в молодости хочет становиться сталинистским маразматиком, то пусть сразу бальзамирует свои мозги и ложится отдыхать в мавзолей вместе со своим вождем.

Вошедшие в радикальный раж нацболы готовы присоединиться к кому угодно, лишь бы было больше эпатажа и экстремизма. Они успели побывать националистами, большевиками, сегодня ходят в одном ряду с демократами. Осталось, наверное, стать столь же бескомпромиссными путинцами. Их фюрер похож на козла-provокатора, треском речей заманивающего молодежь в тюрьмы, зоны и под ОМОНовские дубинки. Даже в своем экстремизме они герои вчерашних дней, сегодня превратившиеся в экзотическую собачку на поводке «Другой России». Нацболы просто неинтересны, как неинтересна малолетняя кисейная барышня, требующая чего-нибудь порадикальнее.

Абсолютно все играют в патриотизм, устраивая соревнование, кто из них скорее залюбит Родину насмерть. От криков «Великая Россия!» и «Держава» жить лучше не становится, зато горлопаны набирают себе очки за счет патриотической трескотни. И чем больше они кричат о величии, тем слабее становится страна. Так уже было в Сербии, где Милошевич объявил государственной целью великую Сербию и от государства стала отваливаться земля за землей.

Теперь великая держава – это чуть ли не официальный лозунг нашей страны. И что нас ждет? Повтор развала под крики о величии? Власть не только не учится на чужом опыте – она с удовольствием по-

вторяет их ошибки, ставя патриотические эксперименты, а в качестве жертв использует свой народ.

У нас нет союзников, кроме тех, кто сам захочет к нам присоединиться. Мы открыты всем, если они не будут пытаться навязать нам свои доктрины или сравить с остальными. Когда национальные диспоры мечтают перегрызться друг с другом, то это их грязное дело, и на их грязню мы можем смотреть только с презрением и негодованием. Если они готовы быть равными среди равных, то пусть становятся плечом к плечу, нам нечего делить, но есть от чего совместно защищаться. Если политики, правозащитники, журналисты готовы предложить помощь, то мы принимаем ее с удовольствием, лишь бы только нас не использовали в политических целях. Политики отдельно, реальная жизнь отдельно. Мы живем в реальности и должны защищать в ней свою свободу.

ПОЧЕМУ ОПАСНЫ ИМЕННО ФАШИСТЫ?

«Доброжелатели», рассуждающие в своих кабинетах или спрятавшиеся за компьютерным монитором, любят кидать красивые фразы, что «главный враг – не фашисты, он в Кремле», «если мы будем бороться с ними их методами, мы станем похожими на них», «надо образовывать общество, а не устраивать борьбу», и прочий бред, от глупости которого увял бы даже гоголевский Манилов.

Легче всего оправдывать свою трусость высокими глобальными целями и ровно ничего не делать для их достижения. Можно до бесконечности спорить о правильности трактовки цитат классиков или метать дротики в портрет президента, но с людьми, которые этим занимаются, скучно даже разговаривать. Это сектанты или профессиональные демагоги, чувствующиe себя безопасно в кружке таких же больших людей.

К сожалению, поздно все сваливать на Кремль. Националистическое движение вырвалось из-под опеки власти, как мутанты из лабораторий в фильмах ужасов. Власть уже не справляется с ними. Ей хватило того, что она разгромила верхушечные официальные организации. Хотя именно они-то и представляли наименьшую опасность. Сегодня зверь вырвался из клеток на волю, еще и заразился бешенством.

Властимущие сдерживаются накопленным богатством, необходимостью сохранять общество как постоянную базу для собственного процветания. Нацисты не сдерживаются ничем, даже обычными человеческими ценностями. Они давно превратились в зверей, и отношение к ним должно быть такое же.

Да, власть постоянно провоцирует появление новых фашистских банд. Но эти дети социального бесправия и тупой державной пропаганды уже давно стали страшнее власти и несут основную опасность.

ПОЧЕМУ СЕЙЧАС НАЧИНАЕТСЯ СОПРОТИВЛЕНИЕ?

Мы никогда не опустимся до их уровня и не будем действовать методом погромов, охоты за слабыми и массовыми запугиваниями. Мы должны быть умнее их, чтобы полностью их уничтожить. Обманутым – разъяренным, отмороженным – бить по рукам, и не только, фюреров – нейтрализовывать, как только можно.

Нацистская система вербовки, провокаций и подготовки своих кланов должна развалиться, и для этого недостаточно одного образования, просвещения и другой мирной длительной работы.

Война идет везде, на всех фронтах, и про посылы «доброжелателей» можно забыть. Они лишние на этой войне. Информационный фронт – один из самых важных, но любой иной (социальный, экологический и т.д.) не менее значим в

сопротивлении. Сейчас уже поздно спрашивать: «Почему я должен противостоять им?» Сейчас уже необходимо отстаивать свое право оставаться человеком, иначе завтра отстаивать будет нечего.

Слабые говорят, что фашизм невозможно до конца победить, он возродится, как произошло после победы наших дедов в 45-м.

Мы же говорим, что его надо побеждать постоянно – иначе он уже не даст никому никогда возродиться.

ПАТРИОТИЗМ КАК ДИАГНОЗ

Страна подседа на патриотизм, как на наркотическую иглу. Любой политик, перед тем как соврать, клянется в своем патриотизме. Любой лизоблюд, перед тем как выбить деньги у власти, рассказывает о своей любви к державе. Любой вор, облизываясь от краденного, объясняет, как он любит Родину и сколько готов еще украсть ради этой любви.

Сегодня в России невозможно занимать начальствующую должность, если ты, расшаркиваясь, не объяснился в своем патриотизме. Невозможно стать политиком, неважно, провластным или оппозиционным, пока не вылизал зад двуглавному орлу и не поклялся в любви к прочим имперским символам.

Патриотизм стал критерием приемлемости граждан для государства. Если ты не патриот, то ты пария и карательный аппарат власти тебя скоро задушит. Уже никто не задумывается: выставлять свои собственные чувства напоказ – это некрасиво, как и объясняться во всенародной любви, чуть ли не тряся на людях своим нижним бельем со следами экстаза. Никто не задумывается, что на самом деле

ПАТРИОТИЗМ – ЭТО ГЛУПОСТЬ!

Личные чувства хороши, когда они остаются личными чувствами. Если мы

любим родную землю наших предков, наши традиции, то это замечательно, но какой же дурак будет выставлять личные чувства напоказ? На самом деле эта любовь может быть истинной именно тогда она остается личной и не переходит в разряд общественно-патриотического онанизма.

Представьте себе, что любовь к своим родителям вы вдруг объявите общенациональной идеей. Вас примут за полного идиота. Почему мы иначе должны воспринимать навязываемый нам патриотизм? Не надо лезть к нам в мозги, проверять, насколько мы любим свою Родину. Люди сами разберутся, кого и как им любить.

Наоборот, общественное поклонение не бывает искренним. Елейная любовь к матрешечным пенатам скоро вызовет обратное рвотное чувство, и мы породим поколение, ненавидящее насильственно запихиваемую в нас любовь к отечеству. Точно так же, как советская власть породила ненависть ко всему советскому, каждый час пичкая нас дебильными лозунгами. Только теперь нам даже не обещают коммунизм, нам просто говорят, что надо слепо любить Родину, не обращая больше ни на что внимания, и властям, олигархам и мафии будет от этого очень хорошо. Поэтому что

ПАТРИОТИЗМ – ЭТО ТРУСОСТЬ!

Вместо того чтобы выяснять, кто нажился на общей нищете и бесправии, кто захапал всю собственность во время бандитских 90-х, кто должен отвечать за приватизированное у нас будущее, за разворованное в одночасье добро, которое накапливалось адским трудом многих поколений, нам предлагают беззаветно любить власть. Общественный патриотизм – это не любовь к Родине, это именно любовь к власти. Правящим кругам выгодно, чтобы, открыв рот и выпучив от радости безумные глаза, мы смотрели

на очередную государственную тряпку, пусть даже под ней воевали власовские предатели своего народа или черносотенцы устраивали погромы. По мнению патриотов, мы должны радоваться успехам власти, а свое будущее класть на заклание олигархам и прочим сытым котам, жирующим на отнятом у нас и наших родителей.

И это вы называете любовью к Родине? Любая Родина скоро содохнет от такой любви, и чем больше мы погружаемся в пучину патриотизма, тем больше растет неравенство внутри общества, тем более наглой выглядит власть богатых.

Кто этого не видит, тот сознательно стал слеп.

Кто видит, но продолжает кричать о своем патриотизме – тот трус, прикрывшийся навязанным государством клише. Нам каждый день вбивают через все СМИ, что мы должны быть патриотами. Правильно, государству больше ничего не остается, как требовать от нас патриотизма, иначе мы спросим с власти за все ее деяния. Потому что народ и власть никогда не были вместе, вторые всегда жировали за счет бесправия и нищеты первых. Так и сегодня:

ПАТРИОТИЗМ – ЭТО ПРЕДАТЕЛЬСТВО!

Чем больше мы кричим о патриотизме и великой империи, тем меньше друзей остается у нашей страны. С последней республикой, которая к нам хорошо относилась, Беларусь, мы поссорились из-за газовой войны. Потому что олигархам наплевать на любые идеи, они имеют прибыль и смеются над тем, как им удалось одурачить общество, впаяв ему патриотическую пилюлю.

Как конченные дураки, мы наступаем на те же грабли, что уже испробовали на себе другие страны. Как только сербы перестали говорить о Югославии и подняли лозунг Великой Сербии, от них отвернулись все.

Даже всегда дружелюбная Черногория поспешила убежать от сербских националистов. Как только в России возник патриотизм, мы стали распадаться на кучу национальных анклавов и глупо удивляться, почему другие национальности отвечают нам тем же и выгоняют русских с мест своего проживания.

Патриотизм выпустил демона национализма из заточения и провоцирует все новые и новые национальные конфликты. Россия от этого становится все слабее, зато как радуются буржуи, наживающиеся на войнах и межнациональных конфликтах. Наша страна всегда была многонациональной, а сейчас нас вынуждают разбегаться по национальным углам и ненавидеть соседей. Чем больше патриотизма, тем слабее народ. Не надо делать разницу между патриотизмом и национализмом. Великодержавные призывы с высоких трибун оборачиваются национальными погромами на улицах, а стояние вчерашних коммунистических атеистов со свечками на паперти провоцирует мракобесие и Средневековье.

Не надо думать, что это глупость власти. Люди, у которых отняли будущее, озлоблены на всех и готовы немедленно выплеснуть свою злость. Властям выгодно, чтобы ненависть вылилась на нищих гастарбайтеров, а не на воровские «мерседесы» с мясной начинкой из новых русских. Наша власть боится горящих «мерседесов», потому что сама на них ездит, ей намного проще сокрушаться по поводу очередных национальных погромов, одновременно пинками подталкивая недовольных к ним.

Они временщики, их задача нажиться и не упустить власть.

А народом они жертвуют, как разменной монетой, кидая в обмен на собственное благополучие и безопасность наркотик патриотизма. Сейчас для нас

ПАТРИОТИЗМ – ЭТО СМЕРТЬ!

Это не преувеличение. Вместо достижений нашего народа, самых лучших традиций и нашей реальной истории нас заставляют любить власть. Даже исторических кумиров власть выбирает таких, чтобы они оправдывали ее безответственность и жестокость.

Александр Невский, лично подавлявший в крови антитатарские восстания, многократно ездивший на поклон в Орду, сжигавший русские города, Переяславль-Залесский и свой родной Владимир, и даже похороненный из-за своих преступлений вне Владимирского собора, вдруг оказался самым почитаемым святым. Это только из-за того, что он отбил одно разбойное нападение на Неве, которое происходило чуть ли не каждый год, и выиграл всего лишь одну битву на Ладожском озере, а в остальное время в полной дружбе с крестоносцами подавлял восстания местных народов?

Это Петр Первый, построивший город на болоте, на костях крестьян, насильственно разрушавший те самые русские традиции и старую веру, о которой сейчас так ратуют патриоты.

Это Николай Кровавый, начавший царствование чудовищной давкой на Ходынке, расстрелявший верноподданную демонстрацию 9-го января, проигравший две войны и доведший страну до двух революций. Хорошими же героями нас потчуют, как будто в русской истории не было действительных борцов за правду и свободу.

Патриотизм – это легенда, сладкая конфетка, даваемая народу в утешение. Ради патриотического бреда можно изменить все, поменять историю, приукрасить реальность, назвать белое черным, а черное белым. Только наркоманы не живут долго, и общество, зараженное патриотической болезнью, обречено на страшные ломки и вымирание из-за патриотического угара.

У новых русских есть только один предмет национальной гордости – сверхприбыли от сырья, оставшегося в наших недрах, и рабского труда рабочих на предприятиях. Это единственная национальная ценность, которая имеет значение.

Все остальное подсовывается народу в качестве красивого фантика. Почему мы должны глотать патриотические пустышки, когда одновременно из страны выкачивается все ее добро и на этом наживается кучка нуворишей? За красивой патриотической пленкой просто скрывается наша боязнь посмотреть правде в глаза и потребовать к ответу тех, кто со времен либерального экономического ужаса 90-х покинул свой народ в бесправии и нищету. Потому что

ПАТРИОТИЗМ – ЭТО СТРАХ!

Намного легче скрывать свое бессилие за громкой трескотней о любви к Родине, чем попытаться отвоевать свои права. Признаться хотя бы самому себе, что в 90-е годы вместо демократии нас унизили и ограбили и сейчас продолжают делать то же самое, не собираясь делиться даже крошками со своего стола.

Патриотизм – это личина нашего бесправия. Это маска, под которой мы скрываем свою трусость. Патриотизм выгоден властимушам, он разделяет народы, так как каждому народу подсовывают свой патриотизм в виде почитания своих воров и правителей. Патриотизм заставляет людей думать, что они лучше всех, и не замечать даже своих оборванных задниц и дыр обворованных бюджетов. По мнению патриотов, мы обязаны гордиться страной, которая довела до нищеты своих стариков, вытерла ноги о тех, кто жил собственным трудом, оставила без будущего молодежь. Мы должны гордиться обществом, жестоко разделенным на золотую элиту и всех остальных, которые, как

рабы, должны обеспечивать процветание этой элиты.

Новые русские будут проедать национальное богатство в Куршевелях, а нам предлагают с патриотическими радостными воплями приветствовать их власть. В России власть и общество всегда были двумя разными и несовместимыми понятиями. Власть никогда не была за народ, она оказывалась либо совсем неприемлемой, либо еще терпимой. С помощью патриотизма нас заставляют любить не Родину, а власть. А Родину в этот момент проедают на роскошных курортах и пропивают в фешенебельных ресторанах.

Многие спросят: почему тогда сейчас власть стала преследовать националистов? Все очень просто:

ПАТРИОТИЗМ – ЭТО БОЛЕЗНЬ!

Те, кто вздумал заболеть ею серьезно, превращаются в махровых нацистов и погромщиков. Между патриотом и нацистом фактически нет разницы. Первый только обманывает себя и других, а второй пытается безумные идеи провести в жизнь. Власти не нужны добровольные помощники, которые пытаются реализовать на самом деле всю ту пропагандистскую муть, которую она льет нам на головы с высоких трибун и из сливного бачка СМИ. Кто бежит впереди властного паровоза, тот под него и попадает.

Власть сама породила нацистов, пытаясь направить социальный протест в нужное ей русло национальной розни, а более верно – национальной резни. Когда националистические молодчики отбились от рук, они оказались не нужны, а то и просто опасны. Вдруг, еще расскажут, как им реально помогали, провоцировали на прямые действия и держали как борзых щенков у своих ног. Оставшись не у дел, нацисты взбесились, и властям ничего не оставалось, как начать на них

охоту. Бешеных собак хозяин отстреливает.

Националисты орут абсолютно те же самые лозунги, что и власть, только по своей природной тупости они в них реально поверили и пытаются привести в жизнь. Кто-то делает вид, что болен официальным патриотизмом, ради выгоды, корысти и карьеры. Кто-то заболевает им всерьез. Эта болезнь смертельна: если националисты не лишаются окончательно мозга сами, то им в тюрьмах помогают это делать власти. Можно представить, как на своих попойках олигархи смеются над ущербными националистами, которых они же вызвали к жизни. Ведь...

ПАТРИОТИЗМ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ СЕРЬЕЗНЫМ!

Патриотические настроения становятся реальными, когда страна подвержена внешней оккупации, а сейчас мы празднуем день независимости от самих себя, как праздник. Нас никто не оккупировал, в 90-е годы власть захватили наша мафия и наши олигархи. Бандитам абсолютно все равно, какой они национальности, для них главное – преступный бизнес. Они спокойно между собой делят страну, оставляя нам патриотизм в виде утешения.

Транснациональным корпорациям абсолютно все равно, кто какой национальности, они делят нашу страну, опять-таки кидая патриотизм в качестве утешительной кости. А мы почему-то должны этим гордиться и радоваться, что мы полные патриоты и обожаем страну, где нас сделали бесправными и нищими. Борьба с олигархами, нуворишами и мафией, разбежавшись по национальным квартирам, невозможно. Те, кто получает с нас прибыль, объединены, а нас заставляют разобщаться и драться друг с другом.

Патриотизм оборачивается «горячими точками», межнациональными столкновениями и взаимной ненавистью. Как будто нам хорошо жить в обществе беженцев, пострадавших от национальной розни и унижений. Если из-за такого полного фантома, как патриотизм, должно страдать столько людей, то зачем он нужен вообще?

Почему страны, которые имеют наибольшее уважение в мире, как те же государства Западной Европы, не провоцируют среди своих граждан чувство национальной исключительности и насильственного патриотизма? Почему во всем мире ненавидят Америку? Не из-за того ли, что там каждому гражданину тоже делают насильственную прививку патриотизма? Но Америка в роли мирового жандарма и всемирного вора может позволить себе быть наглой и патриотичной. А нам зачем культивировать в себе идиотский патриотизм? Чтобы быть объектом всеобщей ненависти и насмешек?

ПАТРИОТИЗМ НЕ ИМЕЕТ СМЫСЛА!

Если кто-то очень хочет показать свою безумную любовь к чему-нибудь, пусть забирается в ванную и демонстрирует. Заниматься любовью на виду – это эксгибиционизм, это безнравственно и аморально. Публичная любовь к вождям, к власти в стране не менее аморальна.

Понятие Родины не определяется государственными границами, территориями или даже расселением кровных родственников. Это личное понятие, и его невозможно навязать другим. Личные вещи не делаются предметом парадов и пламенных выступлений. Это как вывесить в качестве знамени свое нижнее белье.

Кто действительно любит Родину, не будет орать об этом на каждом углу и

клясться в своем патриотизме. Тем более он не будет принуждать к этому других или делать патриотизм государственной доктриной. Если нам в качестве национальной идеи подсовывают патриотическую фальшивку, значит, это кому-нибудь очень нужно, значит, кто-то пытается скрыть свою выгоду и выгоду, мягко говоря, не совсем честную и законную.

Вопрос только в том, согласны ли мы проглотить эту наживку, не совсем ли у нас размякли мозги от патриотической трескотни, хотим ли мы сами наесться национальной ложью и быть готовыми поедать любое дерьмо, лишь бы только оно подавалось под патриотическим соусом? Осталось только выбрать: здоровы ли Вы или эпидемия патриотического безумия успела ввестись в Ваши мозги и они не воспринимают ничего, кроме сладостного елеса, льющегося из телящика, и криков воров о том, как они любят свою Родину?

Честный человек не может быть патриотом, потому что честь несовместима с патриотической показухой. Умный человек никогда не станет патриотом, так как реально воспринимать патриотические лозунги – это удел глупцов, готовых обманывать самих себя. Уважающие себя люди не купятся на патриотический обман, у них есть свое мнение, и им не нужно подменять его официозной пропагандой*.

ВЫБОР ЗА ВАМИ! БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ, А НЕ НАЦИОНАЛИСТОМ

Чем больше власти говорят о борьбе с нацизмом, тем больше становится нацистов. Их призывы к патриотизму оборачиваются на улицах лозунгами о национальных чистках. Их разглагольствования о державности перерастают в штурмовые

*Конец текста С. Маркелова.

отряды под имперскими флагами. Власть никогда не сможет предложить иного способа борьбы с фашизмом, кроме примитивной державно-патриотической пропаганды. Поскольку в ином случае народ сразу поймет, кто отнял у него честно заработанное, сделал бесправным и нищим.

Либеральная оппозиция, брезгливо зажав нос, готова обниматься с нацистами, поскольку у нее уже нет ничего, кроме денег и западной поддержки. Если XX век породил такое чудовище, как национал-социализм, то XXI порождает монстра национал-либерализма, и неизвестно, какой из политических мутантов окажется хуже. Националисты легко принимают лозунги господства частной собственности и свободного капитала, а либералы ничего не имеют против патриотизма, империи и державности. Их кумир Пиночет может показаться скромным экспериментатором по сравнению с теми ужасами, что могут произойти при реализации мечтаний национал-либеральной оппозиции.

В таких условиях любой честный человек, не желающий быть подопытным кроликом имперских проектов, вынужден стать радикальным антифашистом. Национал-патриотическая власть и имперская оппозиция не оставляют нам выбора. Те, кто сегодня останавливает русские марши на улицах, препятствуют националистическим взрывам в национальных республиках и странах бывшего Советского Союза, защищают наши права и наши свободы. Иначе завтра эти марши пройдут по нашим квартирам, и никто не будет спрашивать, хотим ли мы в них участвовать или нет.

С фашистскими силами невозможно договориться, они не понимают человеческого языка, потому что их идеология основана на нашем рабстве. Любые заигрывания национал-патриотов – это

средство использовать людей как пушечное мясо для имперских целей. Больные «коричневой чумой» прикрываются любовью к Родине, но чем больше высокопарных лозунгов, тем слабее становится Родина. Они пытаются определить чистоту крови в стране, всегда бывшей многонациональной, стравливать между собой людей разных культур, чтобы истинные виновники нашего бесправия оказались безнаказанными.

Никогда жертвами националистических погромов не станут мафиози, властимушье или финансовые воротилы. Нас натравливают на несчастных гастарбайтеров и торговцев с рынков, от которых ничего не зависит, чтобы прикрыть господство олигархов и воров, где имеют силу только деньги и власть, а не национальность. Так зачем нам становиться пушечным мясом для этих денег и этой власти?

Антифа – это единственный выход для неучастия в тотальной войне, которая провоцируется внутри общества. Антифа – это единственный способ защитить себя от наступления штурмовиков, которым уже промыли мозги. Антифа – это способ остаться чистым, когда из всех информационных щелей льется националистическая дурь. В конце концов, антифа – это способ остаться людьми в стаде, где главенствуют понятия нация, власть, деньги, доход, империя и иерархия.

Антифа – это способ защиты нашего равенства и нашей свободы.

БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ – СТАНЬ АНТИФАШИСТОМ!

Не надо бояться.

Нас пытаются запугать, потому что сами нацисты – трусы, избравшие путь тупого насилия, и мозги им больше не нужны. Но когда страха нет, нас невозможно победить или принудить отказаться от наших убеждений.

Не надо бояться репрессий власти. Шестерки режима способны только выполнять приказ, но заставить людей отказать от сознательного выбора они не в силах.

Не надо бояться нас, когда мы закрываем лица.

Это нормальная мера безопасности. Из-под разрезов на черных масках на вас смотрят глаза ваших родных и близких. Мы такие же люди, как вы, просто немного раньше стали защищать свое право на человечность.

Не надо бояться обвинений в радикализме и экстремизме! Стоит человеку сделать шаг в сторону, проявить скольконибудь творческой инициативы и смелости, на него тут же вешают ярлык радикала. Мы смеемся над подобными ярлыками. Мы просто остаемся собой и защищаем общество от безумцев, желающих целиком его подавить.

Не надо думать, что от нас ничего не зависит!

От нас зависит слишком много. Больше, чем мы можем себе представить. Борьба идет на улицах, в кабинетах, самое главное – в головах людей. Эта тоненькая книжка – всего лишь маленькая часть нашей борьбы, шаг на пути к всеобщей свободе.

Не надо думать, что все против нас. Кто-то еще не переступил через свой страх, другим промыли мозги, третьи пытаются спрятаться в собственной раковине – дом-семья-работа, не замечая, что хоть завтра бредовые амбиции новых фюреров, жаждущих все большей и большей власти, могут вытряхнуть их из маленького уютного мирка.

Кто не боится – тот выходит из конвейера смерти и остается живым.

**НИЧЕГО НЕ БОЙСЯ!
ЗА НАМИ ПРАВДА.
МЫ ПОБЕДИМ.**

Примечания

- ¹ Летом 2006 г. были задержаны члены «Славянского союза» (СС) Василий Реутский и Андрей Анциферов (Цифер), а также член группировки «Формат 18» Александр Шитов (Шульц), которым предъявили обвинения по ст. 213 ч. 2 УК РФ (хулиганство, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой), ст. 115 УК РФ (умышленное причинение легкого вреда здоровью) и ст. 116 УК РФ (побой).
- ² В розыск были объявлены члены группировки «Объединенная бригада-88» Александр Паринов (Румын) и Никита Тихонов, а также «неустановленное лицо».
- ³ Качарова Тимур Владимирович (21 августа 1985 – 13 ноября 2005 г.) – музыкант, активист антифа, студент философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, убит в результате нападения членами националистической группировки.
- ⁴ «Стас очень сильно помог по делу Саши тем, что оказал информационную поддержку. Он сразу включился в дело, но толком ничего исправить уже не мог, было поздно. Решили, что важно обратить внимание прессы, сделали несколько пресс-конференций, появились статьи в газетах. Это, наверное, помогло посадить тех, кого поймали». – Комментарий Е. Томского.
- ⁵ По приговору 19 июня 2007 г. Реутский получил 6,5 лет лишения свободы, Анциферов – 5 лет, Шитов – 4 года. Статья «убийство» в приговоре не фигурировала.
- ⁶ Выдержки из двух новостных сообщения агентства Regnum: первое – по итогам пресс-конференции 14 декабря 2006 г., второе – 15 января 2007 г., после решения Нагатинского районного суда.
- ⁷ Станислав имеет в виду, например, приговор Свердловского областного суда от 30 июня 2007 г. – от 6 до 10 лет общего режима шестерым участникам сообщества «ЗИГ-88», которые убили человека «из-за неславянской внешности». Еще один несовершеннолетний обвиняемый получил 6 лет воспитательной колонии.
- ⁸ 15 декабря 2008 г. Московский городской суд вынес приговор по делу Рыно и Скачевский (несовершеннолетние на момент совершения преступления) получили по 10 лет лишения свободы, еще пятеро подсудимых – от 6 до 20 лет. 16 декабря СКП сообщил об аресте еще четверых предполагаемых членов банды.
- ⁹ Неонацисты среди футбольных болельщиков.
- ¹⁰ Крылов Алексей (15 января 1987 – 16 марта 2008) – житель Ногинска (Московская обл.), убит в центре Москвы группой неонацистов.
- ¹¹ Бородаенко Илья (Ugler) (1981–2007) – наборщик, активист антифа и экологического движения, анархист, основатель клуба «Бригантина» в Находке. Убит 21 июня 2007 г. при нападении неонацистской группировки на экологический лагерь под Ангарском.
- ¹² Яков Горбунов, член НБП в 2002–2006 гг., исключен за несогласие с Э. Лимоновым в вопросе участия в коалиции «Другая Россия». После раскола создал неонацистский «Национал-большевистский фронт».
- ¹³ Коалиция «Другая Россия» – широкое оппозиционное общественное объединение, основано 11–12 июля 2006 г. Среди участников – Объединенный гражданский фронт, напболы, движение «За права человека». Коалиция организовывала «Марши несогласных», «Национальную ассамблею».

Часть 6

СОВРЕМЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ

Новое Средневековье: восстанут ли умершие монстры?

Выступление Марелова на конференции «Стратегии России: "общество знаний" или "новое Средневековье"?", прошедшей в Москве 3–4 апреля 2008 г.

Маятник качнулся. Закат капитализма не представляется дикой ересью на фоне экономического процветания и зрелища либеральной свободы. Свобода и процветание, правда, хорошо видны только на ширмах капиталистического общества в виде самых развитых стран, а в остальных – нельзя даже говорить о постиндустриальном обществе, так как они еще не успели войти в индустриальное. Зато камеры телевидения снимают именно красивые ширмы и довольствуются потемкинскими деревнями потребительского рая крупных мегаполисов. Но ширмы стоят меньше домов, и потемкинскую деревню, как известно, разобрали сразу после проезда Екатерины, а страшный картонный вокзал, который с показушным изумством сделали фашисты в Треблинке, рухнул от первого налета на приближение войск-освободителей.

Держаться за картинку общества потребления больше невозможно. Картинка не выдерживает навешенной на нее идеологической тяжести и обещаний «конца истории» и потребительского рая. Ни один из глобальных вызовов не разрешается, максимальная степень социального вмешательства правящих олигархий – это затягивание решений проблем и перекладывание болезней на плечи потомков. Радость от того, что худшие прогнозы «Римского клуба» не оправдались, тут же нивелируется новым букетом тотальных вызовов, о котором мирные участники «Римского клуба» еще даже не подозревали.

Переход от динамичного капиталистического общества к статичным общественным отношениям настолько очевиден, что уже не отрицается никем, кроме, может быть, самых неоллиберальных ортодоксов. Название для регресса уже придумано – это «постиндустриальное общество». Идиотизм этого клише очевиден даже визуально: не называем же мы феодализм «пострабским обществом», а капитализм – «постфеодалным». Социальной критике правящей леволиберальной идеологии предпочитают более емкое и точное определение – «Новое Средневековье».

Критерии, по которым заметно приближение к «темным векам», очень емко в виде 13 тезисов высказал профессор А.В. Бузгалин.

Однако все не так просто. Повкальвав несколько сот лет на заводах и фабриках, нам и нашим семьям вновь придется уйти в крепостную зависимость к феодалам и баринам. Или, с другой стороны, мы вновь осядем на землю и возродим крестьянскую культуру, полностью отгородившись от ужасов мегаполисов с их тотальным доминированием и безграничной экологической экспансией. Средневековье ли нас ждет? В конце концов, при возникновении капиталистических отношений все говорило именно о приходе Новой античности. Под знаком Новой античности прошли и Возрождение, и Великая французская революция. Однако можно как угодно оценивать сегодняшнее общество, но никто никогда не думает называть его античным.

***

«Новое Средневековье» – это было бы слишком просто и ясно. Но, чтобы не быть голословным, представлю свои аргументы, опровергающие 13 тезисов в пользу идеи прихода Нового феодализма.

Итак, первый блок – общественно-политический:

1. Глобализация

Средневековье принимало глобализацию только в духовной сфере, и то у каждой средневековой цивилизации была своя глобальная духовная идея. В общественном же плане все Средневековье прошло под строго противоположной тенденцией локализации. Появление абсолютистских режимов означало закат Средневековья, и абсолютные императоры своим земным всевластием ставили крест на средневековых ценностях. Кратковременные империи раннего Средневековья, будь то королевство Франков при Карле Великом или Арабский халифат, эту систему не нарушают, поскольку их роль в основном сводилась к прививанию общих культурных и духовных ценностей в пределах большого пространства, а политически они распались практически сразу после смерти своих создателей-лидеров.

Тенденция нового общества прямо противоположна. Глобализация духовности интересуется его в последнюю очередь, просто ввиду вымывания таких ценностей, а политическая глобализация поставлена во главу угла и стремится к всеобщему и всемирному охвату, независимо от государственных границ и культурных особенностей. В Средневековье проникновение общественных институтов и ценностей могло происходить только путем уничтожения последних (зороастрийцы в Иране, иудеи в Испании и т.д.). Это была крайне жестокая практика, однако она вынужденно консолидировала малые общества, полностью консервируя их. Сейчас подчинение осуществляется, не обращая внимания на ценностные ориентиры, даже с целью ликвидации последних. Культурные различия теряются сами собой и быстрее, чем в Средневековье. Деградация

оказывается более действенной, чем уничтожение. Глобализация сильнее локализации, а мягкая власть лучше обеспечивает всемирное единство, чем жесткий вассалитет с опорой на глобальные духовные ценности.

2. Централизация

Классическая ситуация Средневековья: житель деревни понимает язык соседней области, но через область уже понимает с трудом, а через две – речь становится абсолютно непонятной. Литературный язык – латынь в Европе или классический арабский на Ближнем Востоке – знал только узкий слой элиты. Национальный язык отсутствует как факт, языковая ситуация напоминает сегодняшнее положение в Папуа – Новой Гвинее, где такая же система языковой шахматной доски, когда невозможно выделить основной язык и диалекты. Соответственно, сведения друг о друге распределяются именно по такому же принципу – исключительно горизонтально, на уровне контакта с соседями, без какой-либо централизации. Средневековые центры и города представляют собой закрытые сообщества, сознательно не пускающие в себя никого лишнего. Странники-паломники – это носители религиозного сознания, которые способствуют распространению скорее религиозных идей и мифов, а не реальных знаний о других землях. Другая категория странников – торговцы, они не подвержены религиозной экзальтации, но из соображений конкуренции сознательно скрывают сведения о других странах.

В наступающем обществе централизм оказывается общественным стержнем, диктующим правила жизни даже в самых отдаленных населенных пунктах. Новости СМИ буквально забиты сообщениями из мегаполисов, включая чисто бытовые и откровенно развлекательные. В результате житель небольшого города лучше знает, что происходит в Москве, Нью-Йорке и т.д., чем в соседней области. Более того, горизонтальные связи специально обрываются ради абсолютной монополии в отношениях мегаполиса с обслуживающей его остальной территорией. Сейчас из Москвы в США звонить дешевле, чем в соседнюю республику СНГ. Билет на самолет в Европу, оказывается, покупать более выгодно, чем билет на российский Дальний Восток или в Сибирь. Количество туристов, отправляющихся в зарубежные туристические центры, несравнимо превышает количество людей, приезжающих в российскую глубинку, и т.д. Причем это не только российская ситуация, – сознательный разрыв горизонтальных связей ради установления монополии отношений «центр-периферия» становится одним из показателей нового общества.

3. Основные материальные ценности

Экономика средневекового общества исключительно монетарна. Но это не монетаризм торговли, это монетаризм накопления. Повсеместно в Средние века богатство подсчитывается в золоте, серебре,

драгоценных камнях, производных от этого ювелирных изделиях и владении участками земли. Все остальные критерии богатства временны и ненадежны, даже фетиш Средневековья – еда и вино – в случае их переизбытка превращается в бедствие, поскольку нет технологий хранения, а цены на рынках падают до неприемлемых. Средневековое богатство – богатство накопительства, рассматриваемое буквально. Какие-либо виртуальные критерии роскоши не принимаются. Материальные ценности в Средние века – это синоним духовных ценностей, что не относимо к экономике.

О таком ортодоксальном монетаризме сейчас только говорят последователи Хайека и Фридмана, и то очень тихо, поскольку их взгляды никак не совпадают с реальностью. Экономическое богатство давно ушло из-под реальных оценок и в большей степени вертится на основе спекулятивных величин. Полубандитская поговорка в России 90-х годов – «Понты дороже денег» очень четко характеризует критерий богатства в возникающих социальных отношениях. Степень влияния более значима, чем обладание конкретными материальными ценностями, в том числе деньгами, причем значимость имеется в виду именно экономическая, являющаяся синонимом богатства. Сейчас богатство – это не эквивалент роскоши, что осталось вторичным признаком, а признак влияния. Соответственно меры этого богатства становятся виртуальными, спекулятивными величинами.

4. Принадлежность орудий труда

Феодалная экономика уникальна в своей организации тем, что предоставляла работникам орудия труда в их полную собственность. Она могла отнять предмет труда (землю, зерно), сделать бесправным самого работника, обложить его невыносимыми трудовыми обязанностями, но на соху и плуг никто из феодалов особо не покушался. Более того, во многом основная производственная единица в Средневековье – крестьяне – рассматривались просто как продолжение своего орудия труда, некий элемент приложения физической силы. Поэтому мужчина ценился несравнимо больше, а женщина не рассматривалась вообще как лицо, обладающее производственным потенциалом.

Многие заметят, что сейчас орудия труда в виде компьютеров и предметы труда в виде информации могут также принадлежать работнику, но это относительная принадлежность машины работнику в мануфактуре. Да, работнику может принадлежать компьютер, но без единой сети Интернет его труд не имеет выхода, а единые информационно-технологические сети как раз работникам не принадлежат и никогда принадлежать не будут. Получается, что без объектов собственности информационных олигархий частный компьютер человека становится не более чем пишущей машинкой. С другой стороны, рынок информации, степень ее востребованности и критерии распространения являют-

ся исключительной принадлежностью олигархий. И эта собственность сейчас выглядит абсолютной настолько, что даже слабые попытки ее демонополизировать встречают жесткую и однозначную реакцию. Так называемое альтернативное медиапространство по степени значимости напоминает альтернативные религиозные коммуны в Средние века и скорее выглядят интересными социальными проектами, не оказывающими серьезного влияния на господство правящих олигархий.

***

Следующий блок – культурно-идеологический:

5. Идеиные ценности

В отношении Средневековья обычно говорят не об идейных, а о духовных ценностях, которые лежали в основе всего мировоззрения того времени. Жители в Средние века не разменивались по пустякам, предпочитая крайности. Очевидно, что постоянное маргинальное состояние общества, готового впасть то в голод, то в эпидемию, то в нескончаемые войны, провоцирующие и первое, и второе, подталкивали людей к радикальному поиску удовлетворения в ином мире. Мир средневекового человека настолько часто оказывался на грани уничтожения, что апокалипсис представлялся желанной и близкой целью. Все мирское априори подлежало уничтожению как производное дьявола. Причем такой подход был характерен не только для народных низов, но и для самой просвещенной части общества. Великий Боттичелли сжег свои произведения, наслушавшись проповеди Савонаролы¹. Под лозунгом «сжигания сует» дамы уничтожали свои украшения и выкидывали дорогостоящие наряды. Если мирской жизнью правит дьявол, то отдушина – в духе, а дух только на небесах. Идеиный спор Средневековья: застрял ли дух в храмах как островах благочестия или духовность священничества продалась вместе с индугенцией?

А теперь представьте себе, что какая-нибудь «новая русская» Матрена сжигает свои украшения?! Да даже в пьяном угаре новоявленный босс не позволит себе купеческой удали сжигать деньги, и придворный художник типа Шилова никогда не наслушается ничьих проповедей, кроме «проповеди» биржевого агента и представителя власти. А Церетели скорее разрушит все чужие скульптуры, чем смахнет пылинку со своих скромных ваяний. Их творения – живые деньги, деньги – мерило удовольствий, удовольствие дает наслаждение. Именно наслаждение становится главным фетишем современного общества, радикально отличая его от Средневековья. Даже если ты не обладаешь сколько-нибудь значительным богатством, тебе доступны наслаждения от целого, значит, ты причастен к основной ценности имеющейся цивилизации. Все Средневековье боролось с наслаждением, теперь наслаждение борется с нами.

6. Характер проникновения идей

Такое ощущение, что в Средние века церковная кафедра выплеснулась на улицу. Проповедь сменяется проповедью, и странствующие адепты создают основное медийное пространство Средневековья. Для предотвращения крупнейшей ереси катаров Ватикан посылает помимо войска своего лучшего проповедника², и значимость его речей была чуть ли не больше, чем военный поход против ереси. В самих знаменитых крестовых походах момент проповеднический абсолютно довлеет над политическим. Пик средневековой духовности – «Поход детей». Как известно, общество бранило тех родителей, которые отказывались отдавать своих чад в поход на верную гибель. Даже неминуемая смерть этих детей приобретает характер проповеди, но уже проповеди народной в виде знаменитой средневековой легенды о крысолове, уводящем детей под воду из-за неуплаченного вознаграждения за работу. Идеи доминируют над военно-политической значимостью. Когда сарацины предлагают предмет чаяния всех крестоносцев – Иерусалим с гробом Господним, то последние отказываются, потому что их дух не позволяет идти на сделку с сарацинами.

А теперь попробуйте представить, что американцы в Ирак посылают не столько войска, сколько проповедников и духовных пастырей? Или отказываются от контроля над нефтью из-за того, что нельзя о таком договариваться с покровителями террористов? Само предположение об этом выглядит смешным. Проповеди исчезли даже из церкви, их заменили сектантские растяжки: «Что за Бога мы имеем?». Проводник идей новой цивилизации – это развлечения, а все идущие войны рассматриваются как новомодные милитаристские шоу. Теперь ценности в голову вбиваются не проповедниками, а рекламой, и от людей требуется не экстатический порыв для их принятия, а наоборот, полное расслабление для засасывания в болото развлекательного потребления.

7. Оппозиционные ценности

В средневековой морали всегда была очень жесткая и непримиримая оппозиция инородной культуре. Война между ними велась не на жизнь, а на смерть многие века. Если церкви, власти и господствующим ценностям удавалось срубить верхушку язычества, то корни и побеги никуда не девались. Запретное, личностное, телесное, материальное постоянно пробивалось через народные обряды. Слабые уступки в виде «натягивания» религиозных праздников на дни языческих гульбищ выглядели не более чем приемлемым компромиссом. Стоило отойти на пять километров от храма, как церковные песнопения становились неслышны, колокола умолкали и в свои права вступал природно-календарный цикл, требующий соблюдения отнюдь не спекулятивных, а материальных правил. Народная культура начала хиреть, замирать и бальзамироваться с началом умирания высокой рыцарской будуарной культуры. Так тень сохнет вместе со своим престарелым хозяином.

А теперь вспомните, что вы знаете из народной культуры, кроме пары похабных частушек и выступления, так сказать, фольклорного ансамбля, стучащего опереточными каблуками по эстрадным подмосткам? Раньше такого вопроса не возникало, и прелаты веры были вынуждены уходить из мира, чтобы очистить себя от знаний народного фольклора и народных ценностей. Именно последнее и называлось «мирским». Ну неужели новое общество не имеет своей антитезы? Безусловно имеет, но песочные часы перевернулись, и теперь идейной альтернативой возникающей цивилизации становится фундаментализм. Причем фундаментализм не только религиозный. Он на виду, как самый радикальный и заметный. Фундаментальная наука, фундаментальная классическая культура, фундаментальные ценности – это прямые бастионы противостояния господствующим взглядам. И чем больше будет проявляться новое отношение, тем четче станут видны бастионы фундаментализма. Также и в Средневековье попытки примирения фундаментальных ценностей и потребительской культуры выглядят надуманными и только на время спасают от прямого конфликта. Эти два полюса будут бороться друг с другом вечно, пока не погибнут вместе с обществом, которое они раздирают на части.

***

Третий блок – национально-исторический:

8. Экспансия и закрытость

Общество в Средние века – это общество «одного двора», которое может быть расширено до города или области, но никак не больше. Выход за пределы этого круга не то что порицается, а считается отягчающим преступлением. Это отход от системы традиционных ценностей, отход от того мира, который дает фундамент бытия и защиту каждому. Такой подход повсеместен, вспомните знаменитый фильм Куросавы «Тень война», где красной нитью проходит мысль, что «гора непобедима, пока стоит на месте». Как только правитель выводит войска за пределы своих земель, он терпит сокрушительное поражение. Единственное, что давало силы оторваться от привычного круга бытия, – это религиозный упадок. Этот стимул действовал как на индивидуальном уровне пилигримов, так и для целых общественных движений (основание Халифата, крестовые походы). Соответственно, каждое путешествие превращалось в подвиг и окрашивалось сквозь призму мистического религиозного опыта, пусть даже оно и сопровождалось вполне реальными захватническими порывами. Все остальные, кто связал свою судьбу со значительными перемещениями, рассматривались как маргиналы – будь то маргиналы социальные (разбойники, странствующие студенты), или маргиналы национальные (скандинавы, монголы, венгры в раннее Средневековье), пусть послед-

ние и покоряли огромные, более цивилизованные территории. Даже странствующие торговцы, к которым многие испытывали естественную материальную зависть, в социальном статусе были ущемлены и ощущали на себе полупрезрительное отношение общества.

Экспансия – бог нового общества. В отличие от классического капитализма она реже проявляется в прямой форме. Только когда это очень нужно и диктуется необходимостью контролировать ресурсы, в первую очередь нефть (Ирак, Сомали). Прямая экспансия, как и поддержание колониальных режимов, очень затратна, вызывает прямое недовольство местных жителей и опасность своевольничанья местных начальников. Современное общество держится на основе «soft power» («мягкой власти»), правда, держит эта «мягкая власть» намного жестче любой диктатуры. Мягкой экспансии сложнее сопротивляться, потому что она проводится чужими руками на расстоянии. Удобство отдаленной экспансии выявилось еще во времена колонизаторов, когда народы-метрополии вообще не страдали от колониальных войн, оставляя минимальный риск своим подготовленным армиям. Теперь не рискует даже армия, потому что экспансия проводится через деньги, массовую информацию, вдалбливание единых ценностей, местную власть и полную экономическую зависимость от остального мира. Экспансия – процесс постоянный, не связанный с каким-либо порывом и тем более религиозным экстазом. В отличие от средневекового общества современное рушится не от направленности вовне, а наоборот, от замыкания в самом себе. Чтобы постиндустриальный мир существовал, он должен проводить перманентную экспансию, выкачивая ресурсы у других и реализуя собственные политические и социальные потенциалы.

9. Критерий идентификации

Основная ценность феодализма – земля, и люди привязаны к земле не менее, чем деревья. Соответственно каждый ценен своими корнями, т.е. происхождением, родом в самом тесном кровном понятии. Нации не играют существенной роли, сосед совершенно других кровей оказывается ближе, чем человек одной национальности, проживающий в других землях. Средневековье переполнено примерами межнациональных государств. Крупнейшие державы феодальных времен (Византия, Великое княжество Литовское, Священная Римская Империя, Монгольская Орда) абсолютно не имеют национального стержня. Когда российские ученые устраивают совершенно идиотский спор, каких кровей были приглашенные князья, они не обращают внимания, что звать этих князей приходили представители восточнославянских и финских племен, совершенно различных и по языку, и по происхождению. Средневековая идентификация исходит из земли, а не из нации. «Мы – лотарингцы», «мы – эльзасцы», «мы – провансальцы», а не «мы – французы». «Мы – суздальцы, владимирцы, новгородцы»,

а не «мы – русские». Самое четкое определение понятия «средневековый житель» – здешний, понимающий язык, обычай, имеющий здесь родственников и, соответственно, защиту своего рода. Религиозная идентификация существенна, но только в момент острых религиозных конфликтов. Средневековое общество экстаично, но в вопросе веры настолько плотно переплетается с бытовой языческой обрядностью, что официальная религиозность тонет в необходимости соблюдения норм календарно-природного цикла.

В буржуазном обществе все решала нация. Француз или англичанин, пусть даже родившийся в колонии, оставался представителем колониальной державы, а не туземцем. Буры, потомки голландцев в Южной Африке, считали себя уже коренными жителями страны, но ни при каких обстоятельствах не смешивались с черными африканцами. Религия отходила на второй план, религиозные предпочтения могли разделять американцев, немцев, украинцев, корейцев и японцев на сколько угодно частей, что не мешало чувствовать им национальное единение. В современном обществе вопрос нации часто является вопросом выбора, но от этого он не перестал быть более жестким. Причем выбор национальности есть не результат прогресса наиболее развитых стран, а часто – продукт суровой необходимости. Во время грузино-осетинской войны один брат мог идентифицировать себя как осетин, второй как грузин, и фанатично воевать друг с другом. В наиболее острых конфликтах национальность есть момент вызова и выбора противостоящей стороны. Вспомните хотя бы конфликты в Югославии или бесконечную войну в Курдистане. Происхождение уже не важно, религия идет как дополнение к национальности там, где это играет существенную роль. Постиндустриальное общество разрешило свободу выбора национальности, но эта свобода означает жесткое самоопределение в конфликте или хотя бы в своем месте под солнцем.

10. Концентрация власти

Вопрос власти в Средние века – каноничен и освящен, аристократия – символ благородства, рыцарство из военных наемников превращается в синоним слияния лучших человеческих черт. Переход из одного класса в другой невозможен или только по высочайшему повелению правителя, держащему в своих руках высшую обожествленную власть. Она сакрализована, и покушение на нее носит характер святотатства. Сосредоточение власти происходит необязательно в одних руках, но оно монополено именно в плане принятой концепции правления. Даже если у правителя не осталось никаких полномочий, кроме ритуальных функций, эти ритуальные функции всячески демонстрируются и афишируются. Власть – самый заметный политический институт в Средние века. Сравниться с ней может только Церковь, но Церковь

выходит за пределы политики, теряя свои купола в бескрайних границах духовных занебесных полей. Светский правитель не залезает так далеко, чтобы в любой момент своей рукой достать подданных и напомнить о собственном всемолии. Основное идейное стремление Средневековья – соединить духовные и светские купола власти. Создать господствующую аристократию духа – монашеские ордена и суфийские братства, самурайские кланы и рыцарские знамена. Каждая из этих привилегированных групп обязательно создает свой кодекс чести, действующий сильнее общегосударственных законов. Понятие «честь» наполняется неслыханным содержанием и доминирует над всем образом жизни. То, что все эти благородные классы всегда являются социальными паразитами, в расчет, естественно, не принимается, так как паразитизм дает возможность им быть благородными.

Современная аристократия духа в лице интеллектуалов напоминает старых загнанных зубров, выставивших рога, чтобы спасти себя от неминуемого вымирания. Так же как у беловежских зубров, у них возникают проблемы взаимного перекрепления, только вместо кровосмешения происходит смешение идей, все более и более удаляющихся от нужд общества и от всяческого понимания. Реальная власть не отягощает себя словами «честь», «доблесть», «благородство» и прочими радужными клише. Она откровеннее и собственный паразитизм не скрывает от общества, давая последнему возможность даже посмеяться над собой, но власть в постиндустриальной среде не спешит выдавать себя. Если в Средневековье за слабым правителем были видны кукловоды-аристократы, то сейчас кукловоды-олигархи спрятаны в тени настолько, что их случайная демонстрация равносильна проигрышу и потере степени влияния. Источник власти не сакрализуется, но при этом возводятся в абсолют властные рычаги – владение ресурсами, информацией, рынками сбыта. Нынешняя власть не менее оторвана от общества: вместо занебесных тронов она предпочитает отчаливать от нас на роскошных яхтах. Это показательно – мы не видим ее каждый день, не находимся в блеске ее величия, но при этом все сильнее зависим от ее рычагов.

11. Оправдание власти

В Средние века идея власти была сильнее самой власти, особенно в раннем Средневековье. Постепенно это положение сходило на нет. В самых ранних страницах «темных веков» фигура правителя была настолько сакральна, что могла подвергаться ритуальному убийству или ритуальной замене, что для властной идеи одно и то же. Реальными правителями становились полководцы, которые в очень скором времени попадали под свет лучей божественности. Даже восстания не посягали на сакральную функцию власти. Одно из самых значительных восстаний «Краснобро-

вых» в Китае I в.н.э. закончилось полной победой, и это привело только к появлению новой династии. Идея фикс любого феодального восстания: власть нарушила принцип преемственности, трон захватили самозванцы, и, следовательно, надо восстановить божественный порядок. Необходимость легитимации власти истинных самозванцев приводила к экстраординарным поступкам. В том же Китае крупнейшие морские походы и географические открытия под руководством Жэнг Хе в XV в.³ делались ради того, чтобы захватившего трон императора признало как можно больше земель и местных князьков, пусть даже и не имеющих представления, где находится этот Китай. Благодарность подданных властителя завоевывал тоже своеобразными поступками, свойственными если уже не богам, то божественным героям. Это могла быть многократно подчеркнутая в дифирамбах храбрость на поле боя, царская милость или, наоборот, беспощадность. Даже когда аристократия реально забирала власть, правитель только по формуле был «первый среди равных», в реальности подразумевалось, что это «первый среди лучших», ибо тогда сакральная власть распределялась среди многих лучших, которые всячески отделяли себя от народа.

Идеологи буржуазии открыли идею, перевернувшую концепцию власти. Божественность потеряла всякий смысл. Дух ушел в сферу морали, а власть возникла благодаря естественному порядку. Игры с естественностью и приближение к природе постепенно из прогрессивной борьбы с прошлым перешли к крайности и превратились в социал-дарвинизм, когда власть перестала скрывать звериную сущность. Потребовалась реализация естественности власти и насилия в фашистской практике, чтобы современное общество отказалось от схемы опускания человеческих отношений до уровня природы. Но поворота обратно, к сакральному, как не было, так и нет. Теперь власть – это, действительно, первый среди равных, при этом первый – не обязательно лучший, он может быть и худшим. Роль правителя определяется не божественностью наследства или его личными качествами, а умением подстраиваться под интересы общества здесь и сейчас и отвечать требованиям тех, кому реально интересна власть. Естественный порядок заменен естественной борьбой монополий и олигархов. Современная концепция власти – это вершина айсберга этой борьбы. Как всякая вершина, она красива и величественна, но сама по себе никуда не плывет, действительно же большая часть айсберга управляет всеми властными пирами.

***

Теперь различия определены, и возникает вопрос: «Зачем нам все это?» С такой же легкостью мы могли найти отличия современного общества от древнего или даже первобытного уклада. Но определение необходимо, хотя бы для поиска путей сопротивления и ухода от неизбежности подчинения. И это диктует необходимость обозначения раз-

личий. При феодализме трудами многих в разные времена и в разных странах были найдены пути поиска свободы. Феодальное общество было жесткое, очень часто ставило людей на грань жизни и смерти, но оно не было всеконтролирующим. Уход из него лишал стабильности, но давал свободу. Уходить сейчас особо некуда, это могут быть индивидуальные порывы, но никаких коллективных, автономно существующих общин. Само их наличие подрывает основы монополии системы, даже если они никого не трогают, как, например, община духоборов в Канаде.

Феодализм давал возможность для локализации, достаточно было закрыться в городе-коммуне, чтобы получить свободу для его граждан, а то и замахнуться на соблюдение принципов справедливости и равенства (как, например, в Мюнстерской коммуне 1534–1535 годов)⁴. Локализация сейчас невозможна. В современном обществе все те, кто не в мейнстриме, смываются волной. В отличие от феодализма оно не застойно и, следовательно, не дает возможности для существования отдельных островков справедливости.

В Средние века был шанс добиться равноправия благодаря автономным проектам. И автономные ремесленные образования жили самостоятельной жизнью, защищая всех своих членов по правилам, принятым только ими. Во внутреннюю жизнь крестьянских общин особо никто не вмешивался, главное, чтобы те выполняли наложенные обязательства да платили подати. Сегодняшний так называемый «третий сектор», мир некоммерческих организаций, отнюдь не автономен. Он жестко вписан в систему как инструмент влияния и используется теми же властными кругами для контроля над обществом и смягчения противостояния в нем.

Особенность сложившейся ситуации в том, что заведомая обреченность локальных очагов сопротивления вынуждает к расширению как его тематики, так и географии. При этом позитивные проекты, т.е. направленные на появление действительных отношений, не совпадающих с ценностями сегодняшнего мира, происходят как можно более незаметно, сознательно не афишируя себя. Получается уникальная ситуация, когда максимально громкое, разрекламированное сопротивление сочетается со столь же максимально закрытыми, нигде не высветляемыми позитивными действиями. Эта ситуация вынужденная, диктуемая именно новым обществом, столь неудачно названным «постиндустриальным».

Локальные протестные настроения никому не интересны и подавляются на корню, если они не имеют глобальной поддержки. С другой стороны, всяческие попытки создания автономных структур бывают сразу жестко подавлены, как только они заявляют о своей серьезности, альтернативности, организованности. Постиндустриальное общество рождает внутри себя сеть автономных ячеек, не спешащих заявлять о себе, для которых любые столкновения с системой – это только внешний

видимый край их деятельности. И новые ценности рождаются именно внутри таких сетей, а отнюдь не в культурных протестах против монстра «Нового Средневековья».

Опубликовано в «Новой газете» 22 января 2009 г., № 6

Прямой потомок старых традиций

Выступление Станислава Маркелова на круглом столе 3 июня 2008 г. «Феномен и парадоксы русского демократического социализма: 56-я годовщина манифеста “На пути к единой социалистической партии”. Социалисты и анархисты – участники сопротивления большевистскому режиму»⁵.

[Станислав Маркелов]: Очень симптоматично, что я несколько выпадаю из общего ряда людей, собравшихся за этим полукруглым столом. Не только потому, что я крайне левый и даже табличку с моей фамилией поставили на левом конце стола, но и по профессии: я оказался в кругу историков и политиков, а я, наверное, человек, к которому упоминавшаяся выше формула меньшевика Церетели о том, что эсдеки решали вопросы здесь и сейчас, относится ближе всего.

Я адвокат и защита прав человека «здесь и сейчас» – это и есть то, что я делаю каждый день на своей основной работе. Я вдруг почувствовал после воспоминаний об этих словах Церетели, что уж если я не революционный оборонец, то по меньшей мере прямой потомок тех старых традиций хотя бы в своей профессиональной деятельности. И кроме того, этот манифест, подписанный в 1952 году в эмиграции группой меньшевиков и эсеров, которому посвящен наш сегодняшний «круглый стол», мне очень близок, как и эта синтетическая традиция объединения двух течений, двух направлений социалистической мысли в России, потому что я всегда, будучи левым, был западником по своим мировоззренческим позициям, но никогда не был марксистом. Это очень редкое сочетание, потому что меньшевики почти поголовно все были марксистами, а эсеры – это все-таки народническое течение, и оно было ближе к левой группе славянофильской почвеннической ориентации.

[Реплика К. Морозова]: Но Маркса они не отрицали.

Они не отрицали, но брали его в реформированном виде. Но все-таки нужно учитывать, что это начало XX века. А тот документ, который мы сейчас рассматриваем, оказал на всех нас влияние. Причем это не просто так было: собрались эмигранты за чашкой чая и решили, что их стало мало и надо объединяться. К 1952 году эмигрантов социалистического направления осталось уже крайне мало, и вот они решили: поскольку мы все в красной книге (в данном случае «красная книга» в двух смыслах – редкие виды и последние красные), давайте объединимся, чего нам делить-то? Тогда ведь такие объединения произошли и у анархистов (там синдикалисты с коммунистами между собой договорились), и у либера-

лов. Но, как ни странно, эта попытка объединения ознаменовала собой переходный этап. Прежде всего это действительно такая, как правильно говорили, in metoia, буквально надгробный камень над всеми отрицательными чертами народничества и меньшевизма. Я напомню эти отрицательные черты, я думаю, их никто не будет оспаривать, потому что это уже приговор истории. У меньшевизма это безумный ортодоксизм, которым они гордились. Помните, один из лидеров меньшевиков, Аксельрод такой себе псевдоним и взял – «Ортодокс». Это догматизм.

[Реплика П. Кудюкина]: Это не один из лидеров. Это не Павел Борисович. Это Любовь Исаковна.

Да-да-да. Во всяком случае, своим ортодоксизмом гордились все. Это марксистский догматизм. Безусловно. Что в принципе привело к ситуации, когда меньшевиков называли – вечно опаздывающая партия. Это пролетартизм. Все-таки социальная база меньшевиков была крайне узкая. Это именно был пролетариат, ну и, так скажем, определенные национально-территориальные области: Грузия, еврейские общины в виде Бунда, который в 1918 году объединился с РСДРП. КВЖД, кстати. Интересно, мало кто вспоминает, что это просто был меньшевистский оазис – КВЖД.

Что касается эсеров, это, безусловно, акцент и патетика индивидуальных действий, а потом уже отталкивающая практика индивидуального террора. Это, как ни странно, одна из особых эсеровских черт – революционность. Как ни странно, потому что революционность позволила эсерам стать самой популярной, самой массовой партией именно во время революционных взрывов. Во время революций эсеры набирали немыслимую популярность. 500 тысяч человек эсеров это не 500 тысяч бабушек КПРФ в 90-е годы. Это наиболее социально мобильная группа, это в первую очередь молодежь, которая буквально двигала историю. Но что становилось с этими сотнями тысяч, как только революционная волна спадала? По данным царской охранки, в 1912 году внутри страны эсеровских групп фактически не было. Все переместилось за рубеж. Меньшевики держались на уровне профсоюзов, рабочих комитетов, как-то держались, эсеровское влияние упало почти до нуля. Я здесь не могу сравнить, но присутствующие здесь историки ПСР могут уточнить. А вспомните еще знаменитый спор (по данным из Амстердамского архива), который был между эмигрантскими группами в 20-е годы. Основной аргумент социал-демократов (меньшевиков) был такой: нас намного больше оказалось в Советской России. И это при том, что буквально год-два назад соотношение их было несравнимо больше в пользу эсеров, в пользу народников.

Вот от этих крайностей к 1952 году уже избавились. Другое дело, что, объединяясь между собой, они стали рождать новые мифы и новые заблуждения. И вот мы сейчас во многом испытываем на себе негативные последствия тех мифов и заблуждений.

Первый миф, основной, который взяли и народники и эсдеки-меньшевики от западных социал-демократов, который мы ощутили на себе в 90-е годы, это что после развала жуткой тоталитарной советской системы простое население, привыкшее к системе социальных гарантий, к стабильному социальному обществу, воспримет именно идеи демократического социализма. Это была глубочайшая ошибка. Это было заблуждение, ударившее по нам, по всем тем, кто в 90-е годы пытался возродить идеи демократического социализма. В первую очередь выкидывают символы во время любых революций. Символ советской системы не отвечал содержанию, это было красное знамя, серп и молот, это была советская демагогия. Что в первую очередь выкинули? Именно символы со всей содержательной частью. Стали говорить, что богатым быть не стыдно. А быстрое богатство какое? Это спекуляция. Стали говорить, что защита прав трудящихся – это несерьезно, над этим надо смеяться. И трудящийся класс...

Да. И ликвидировали министерство труда... Стали втолковывать, что говорить о каких-то народных интересах, коллективных интересах недопустимо, у нас есть индивидуальные интересы, которые выше них. Ну ладно, на народные интересы плевали в советские времена, но у нас хотя бы была система советского патернализма. И таким образом идеи демократического социализма просто рухнули, они не были востребованы во все 90-е годы. Сейчас появилась возможность как-то их возродить, и теперь, возвращаясь к прозвучавшему здесь слову политика, я хочу сделать одно очень серьезное замечание. Я бы не сказал, что ветер дует в наши паруса. Скорее наоборот: если и будет что-то появляться, то это скорее в духе социалистического патернализма. В Аргентине похожая ситуация. Когда советские гарантии совмещаются, ну, скажем, с не очень демократическими тенденциями. Здесь же ближе к авторитаризму, а ля Лукашенко в Белоруссии...

Вот здесь все мрачно, мрачно, мрачно... Я подхожу к тому, что вечный вопрос русской интеллигенции: «А что же делать-то нам осталось?».

Дело в том, что мы сейчас пережевываем все-таки еще один миф, от которого не избавились со времен эсеров и меньшевиков, от которого не избавились те, кто согласился преодолеть ситуацию друго-врагов и пойти на призыв к единым социалистическим действиям, о которых идет речь в манифесте 52-го года. Я заметил: у всех, кто здесь говорил, будь то историки или политики, слово «партия» звучало через фразу. А нужна ли она там, где сейчас партийность не влияет на политическую ситуацию? Реально, сейчас?

Постменьшевицкие тенденции можно проявлять в независимом рабочем движении, в протестном движении, которое сейчас возникает и оказывает уже более или менее серьезное влияние на ситуацию. Постнароднические тенденции (безусловно, классическое народничество уже давно в прошлом), но постнароднические тенденции проявляются в но-

вых движениях, в движениях новых левых. Кстати, здесь прямая аналогия, обратите внимание, что даже один из авторитетов новых левых, Питирим Сорокин, тот самый член эсеровской партии, который стал одним из великих социологов XX века, был не белым, а красным эмигрантом в Америке. Такое левое народничество проявилось не только в России. Оно очень себя проявило в тенденциях новых левых в Европе и Америке. И естественно, оно сейчас может появляться в экологическом движении, в протестных молодежных инициативах. В антифа-движении, которое сейчас является крупнейшим молодежным движением, безусловно, заметны эти надклассовые народнические нотки, неонароднические нотки.

Да, классическое народничество рухнуло, как и классический меньшевизм. Но свое наследие они оставили. Вот Павел Михайлович Кудюкин говорил о наследии в диссидентском движении, я к этому могу добавить. В 1982 году была попытка воссоздания партии меньшевиков. Это было известное диссидентское дело, и их, естественно, всех пересадили⁶. Молодежь начиталась трудов Мартова и других лидеров меньшевиков, которые сумела где-то откопать, начиталась и попыталась воссоздать нечто именно с таким названием: партия меньшевиков. Но и народнические тенденции оказали влияние не только на Россию. Вспомните советскую историографию. Даже она отмечала, что национально-освободительные движения развивающихся стран 60-х годов можно называть неонародническими. Я очень не люблю советскую историографию, но я не думаю, что в этом она ошиблась. Это действительно был всплеск надклассовых революционных движений.

Ну и, понимая, что у меня уже времени осталось очень мало, я хочу сказать, что спор, какой у нас будет социализм, наверное, можно оставить на следующий круглый или полукруглый стол, который у нас сейчас получился. А вот вопрос о том, как нам это наследие реорганизовать, какие мысли принять, а какие — отбросить, это вопрос действительно для обсуждения здесь и сейчас. И вот если мы это сможем сделать, то защищать права человека здесь и сейчас мы сможем намного лучше, чем бы мы ни были по профессии.

Опубликовано 19 января 2009 г.
на сайте «Меморала»: <http://socialist.memo.ru>

Бесконечный застой, или Почти ностальгия по советским магазинам

Ну, конечно же, вы помните плавленый сырок «Дружба» за 20 копеек. Вернее, помните, если вам за тридцать.

Интересный психологический эксперимент, который я много раз проводил на своих знакомых. С людьми, которые намного старше меня, у меня одни и те же воспоминания, с тем же набором радостей, дефици-

тов, общих интересов и даже мест тусовок. Но если кто-то младше меня на 2–3 года, то образуется временной провал, дети перестройки помнят все совершенно иначе, как будто бы они уже жили в совершенно другом государстве.

Сегодня, разбирая розовые грезы о телевизоре «Рубин», финском сервелате и сырке «Виола», вдруг обнаруживаешь, что ностальгия не соответствует тому, что было тогда. Воспоминания юности не только у обывателей, но и у ученых с политиками далеко ушли от реальности. Словно это был не застой, а сладкий петушок на палочке, продаваемый цыганами на рынке в виде подкрашенного акварельными красками жже-ного сахара.

Ностальгия по застою – это извечная мечта России о спокойствии и единстве, когда послезавтра будет то же, что и вчера, а единственным достижением оказывается смена времен года: «прошла весна, настало лето – спасибо партии за это!».

На самом деле общество застоя не было единообразным. Оно, как советский магазин тех времен, состояло из трех разных несовместимых друг с другом частей, где люди жили в совершенно обособленных мирах, почти никогда не сталкиваясь друг с другом. Итак, начнем экскурсию воспоминаний по нашим достопамятным магазинам.

Прежде всего, нас встречала витрина. В отличие от современного магазина, витрина застойного общества всегда имела больше товаров, чем было в самом магазине. Внешняя картинка должна была рекламировать не товары, а образ жизни и поэтому быть ярче, чем сама жизнь.

У нас в стране лозунги заменяли рекламу, как в капстранах, и с той же целью промывки мозгов. Представления для интуристов были похожи на обертки западных товаров, когда под красивой яркой этикеткой содержится безвкусная синтетика.

Это в Венгрии был «гуляш-социализм», у нас в стране венгерский гуляш, наряду с курами и лечо, относились к разряду дефицита. Советскому блоку нужна была витрина перед Западом, и роль витрины хорошей жизни выполняли та же Венгрия, ГДР и частично Чехословакия. Москва – витрина Советского Союза, и каждый, кому посчастливилось приехать в столицу из других регионов, обязан был привезти мешок подарков для всех родственников, так же как советские командировочные – из-за рубежа. Такие витрины были в каждой Советской республике в лице их столиц. Но даже выставка на витрине отличалась от такой же в нормальном магазине. Если, по определению, образцы должны быть открытыми, то советский блок породил закрытые магазины с закрытыми от постороннего глаза витринами, где за непроницаемым для постороннего глаза стеклом могла отовариваться элита. Жизнь этой элиты так же была абсолютно закрыта от всего общества. Спецпайки, спецдачи, спецмашины и спецотдых на спецкурортах – это обязательные элементы жизни тех, кто обитал за затемненным стеклом советских элит. Их было мало, и в

отличие от сегодняшних олигархов они не выставляли свои привилегии на показ. Номенклатура времен застоя – это резервация для богатых и властимущих, отдельная каста, в которую нельзя было попасть, даже наворовав много денег.

Вслед за витриной нас ждет общий зал магазина с тем самым сырком «Дружба» для всех, бутылкой свежеразбавленного кефира и докторской колбасой, если повезет. У большинства людей были радости, но эти радости всегда маленькие, бытовые и едины для всей страны. Победила хоккейная сборная, удалось поймать что-нибудь из дефицита или, наконец, после пяти лет ожидания, переехать из коммунального муравейника в выделенную ячейку в панельном муравейнике.

С затененной радостью вспоминая те годы, люди говорят: была же уверенность, что такая-то семья получит квартиру через три года. И забывают, что у другой семьи была абсолютная уверенность, что в ближайшие десять лет им ничего не светит. Конечно, память фильтрует плохое, и бесконечные очереди, погони за дефицитом в виде всего самого необходимого и склоки на коммунальной кухне забываются, потому что они недостойны воспоминания. Остается смотреть старые фотографии, где все одеты одинаково серо, будто они из инкубатора, носят одни и те же прически и слабо отличаются от солдат в казарме, встающих по общему приказу и ложащихся по общему указанию телевизора об окончании эфира.

Самое интересное, конечно, было не в общем зале. Все, кто хоть чем-то отличался и не входил в официальную номенклатуру, проникали в подсобки. Интересно, что нынешнее поколение даже слабо понимает смысл этого слова, так же как, глядя в упор, не представляет, что такое «положить под прилавок». Именно в подсобках формировались те самые клубы по интересам, где кипела реальная жизнь. Туда проникали любыми путями – через связи, деньги, благодаря излишкам ума, любопытства, переходящего в настойчивость. Поскольку помещений много, но они маленькие, то и группы разделялись на маленькие атомизированные сообщества, подчас не знавшие о существовании друг друга. Когда кто-то из них совсем нагел или они становились слишком громкими, – это вызывало репрессии и дружное недовольство общей массы народа, не имевшей туда доступа.

Кружковщина в подсобных помещениях советского общества – это уж точно не подполье. За одно пребывание там еще не наказывали. Но сама возможность доступа говорила, что ты иной, как минимум не до конца советский и можешь гордиться хоть какой-то толикой собственной независимости. Именно там властвовал дефицит в виде западных товаров или не менее запретных идеологических кушаний – самиздата, тамиздата, специздата и перепечаток на машинке со слепым шестым экземплярном. Жизнь этих подсобных помещений давала ту самую романтику, которая начисто отсутствовала в советском офицозе. Даже сейчас

можно ностальгировать, смотря на шепелявость Леонида Ильича, но я еще не встречал сумасшедшего, который назвал бы съезды маразматиков под названием КПСС романтическими.

Самое интересное, что помимо чисто возрастных воспоминаний о молодости больше всего ностальгируют те, кто относился к общей массе, довольствуясь сырком «Дружба» и заказами под праздник с добавлением чая грузинского плиточного несъедобного сорта третьего в качестве нагрузки к, так и быть, выдаваемой банке красной икры. Видно, дело не просто в стабильности и отсутствии перемен. Архетип застоя намного глубже. Это мечта Ивана Ильича Обломова о борще ночью как главной радости, это Пошехонская старина, ставшая старой еще до своего появления, это старосветские помещики, радующиеся скрипу двери, которым даже в голову не приходит, что эти двери можно смазать. Если Илья Муромец 30 лет от рождения до появления чудесных «калик переходящих» лежал на печи, то 30 лет лежания входит в образ русского богатыря. Если Емеля дождался чуда, лежа на той же печи, то зачем с нее вставать вообще? В конце концов, чудо придет как-нибудь само, а не придет, то будет какая-нибудь катастрофа в виде ядерной войны, и вот тогда мы все встанем, не важно для смерти или новой победы.

Застой бесконечен, и в блеске сегодняшних супермаркетов я опять вижу ту же самую трехчленную формулу, разбивающую наше общество на не соприкасающиеся друг с другом части.

Одни, как на витрине, живут в основном на Западе, отмыывают там деньги, посылают детей учиться в лучшие западные вузы, чтобы они здесь не умерли от скуки, и возвращаются на грешную родину, только чтобы поучаствовать в дальнейшей грызне за место у властного корыта. Делается это тихо, подковерно, чтобы не мешать стабильности, ставшей главным критерием всей деятельности нынешней власти. Последние восемь лет все, что она делает, направлено на ее самоусиление, стабильность и то, что красиво названо «укреплением властной вертикали», забывая, что сверхукрепление лишает любую структуру гибкости. Но олигархически-властная витрина уже создана, и для нас она так же недоступна, как кортеж из «Чаек» и черных «Волг» для советского обывателя.

Не надо говорить, что власть не думает о народе. Думает, оставляя те же самые бытовые радости, что и тридцать лет назад. Канал «Спорт» с обязательными нашими победами, пускай даже и купленными на деньги корпораций, «Евровидение» и как превеликая радость, поездка на пляж в Турцию или Египет, если хватит денег. Да, конечно же, я забыл о сырке «Дружба», но поскольку у нас общество модернизировалось и термин «застой» никто не вспоминает, то сырок «Дружба» заменяем на «Сникерс», хотя, по-моему, тот плавленный сырок был вкуснее и полезнее, чем засовываемая в нас из рекламы липучая гадость.

Все, кто почему-то не хочет удовлетвориться «Ксюшей – юбочка из плюша», лезущей к нам из телеящика, разбегаются по тем же самым маленьким коморкам. Это опять-таки не подполье. Их никто не выгоняет из душных клоповников, потому что там они мелки и безопасны. Сами условия не позволяют собираться большими группами и объединяться с другими подобными тусовками. Те, кто слишком вылезает наверх, громко кричит или пытается всех объединить, получают по голове, подчас буквально. Единственное достижение пока, что понятие дефицита потеряло продуктивно-вещественный характер и превратилось в информационный интерес маргинальных кругов. Теперь вместо джинсов и перепечатки Булгакова друг другу дарят реальную информацию как самое ценное, что поддерживает уголок общения между такими же, как ты. Воистину, времена меняются – застой остается.

Вопрос только: надолго ли эта самая устойчивая в России система? Можно поразмышлять, тем более времени для обсуждений у нас будет очень и очень много. Главное – не кричать о своих выводах слишком громко, чтобы не вылезать из своих подсобных клоповников, где так удобно пережидать новый бесконечный застой.

Опубликовано 18 ноября 2008 г. на сайте
Института верховенства права: www.ruleoflaw.ru

Игорь Подшивалов и Прямухинская Вольная артель

Выступление Станислава Маркелова
на Прямухинских чтениях в июле 2007 г.

У меня с вольной артелью интересные ассоциации. Здесь на конференции присутствуют в основном историки и журналисты... И самое главное – философы. И почти у всех основные ассоциации связаны с именем Бакунина. А у меня это – топор, бревно, лопаты... Вольная артель – это конкретная работа на конкретных участках. Столбики до сих пор еще стоят, и они были поставлены не только мной, но и Игорем Подшиваловым. Мы тогда были в параллельных бригадах. Я организовал бригаду из «панков», а «Атаман» (И. Подшивалов) как-то не очень с ними сдружился и сам организовал бригаду из более идейных анархистов. Кстати, именно в Прямухинской Вольной Артели и произошло мое знакомство с Игорем, и я помню свое удивление этим человеком.

Дело в том, что я никогда не был анархистом по своим взглядам.

Я на все это смотрю как бы извне, и это очень удобно, так как можно видеть объективно и плюсы, и минусы анархистского движения. Волею судеб, с начала 90-х годов, даже с конца 80-х, развитие различных

анархистских групп происходило на моих глазах. В положении вольного наблюдателя я видел появление, зарождение, распад различных по названию анархистских групп, состоящих из одних и тех же людей. Количество организаций всегда превышало количество людей! И попробуйте тут мне возразить... Однако личность Игоря Подшивалова решительно выходила за рамки сложившегося у меня тогда образа анархиста современной России, а сейчас можно сказать – и современной истории.

В конце 80-х самой крупной анархической организацией был КАС – Конфедерация анархо-синдикалистов. Я, как вольный наблюдатель, прекрасно понимал, что они ни в коем случае никакие не синдикалисты – в классическом понимании этого слова. Это скорее аналог студенческого анархизма, нравится это или не нравится старейшим членам КАС.

Потом, в 90-е годы, оно вообще перестало быть движением и превратилось в круг – достаточно замкнутый. Это был круг людей, варящихся в собственном соку, сконцентрированных на внутренних проблемах движения – кто, как и что делает, каких взглядов придерживается и т. д., оторванных от действительности и не отвечающих на общественные вызовы 90-х. Так возникла «своя среда», которая, с одной стороны, почти не обновлялась за счет прихода новых людей, а с другой – не выходила вовне с какими-либо действиями.

И из этой среды Игорь Подшивалов резко выпадал. В России связь между диссидентством и современным протестным движением практически отсутствовала. Если и были лево-радикальные или анархистские проявления среди диссидентского движения, то они потом никак не вливались в анархистское движение, за редкими, единичными исключениями. Что же касается Подшивалова – тут была прямая связь. Он начал свой путь от протестного литературного движения (альманах «Свеча»)⁷, а потом, по мере роста его идейной и общественно-политической активности, выработал анархистские взгляды. И поэтому довольно органично перешел от протестных выступлений конца 1980-х годов, в которых он принимал самое активное участие, прямо в 90-е годы.

В принципе, людей со сходной биографией было очень много, но на другом идеологическом полюсе. Это либеральные диссиденты, пришедшие из правозащитной либеральной оппозиции 70-х – 80-х годов, ставшие в 90-е ярыми либералами и работающие в правозащитных организациях вплоть до сегодняшнего дня.

Но в левом движении, даже в его умеренных крыльях, такого не было. В этом отношении личность Игоря Подшивалова была уникальной.

Второй аспект. В 90-е годы левая кружковщина уже не соответствовала массовым социальным протестным движениям конца 80-х. Я думаю, все помнят массовые выступления по экологической и социальной тематике, собиравшие сотни тысяч активных участников – шахтерские заба-

стовки, выступления на волне Чернобыля и др. Многие ли из участников той протестной волны остались в кружках 90-х? Я таких не знаю. Но те, кто остался, «не поступились идеологическими принципами». Я имею в виду постулаты – не важно, какие: анархические, социалистические, социал-демократические, синдикалистские... Эти «принципиальные» сохранились в «заспиртованном» состоянии в 90-е годы. Иногда это действительно происходило в заспиртованном состоянии – из внутреннего протеста кто-то сбивался в глобальную пьянку.

А Игорь вышел из протестного движения и был одним из инициаторов этого движения у себя в Иркутске. При этом он умудрился сохранить прежний подход и в 90-е годы.

Посмотрите на биографию Игоря Подшивалова и сравните ее с деятельностью других лиц, групп, действующих активно, – неважно, анархисты они или не анархисты – в 90-е годы. В основном это были попытки научной деятельности или же образовательные проекты. А Игорь Подшивалов всегда появлялся там, где была хоть какая-то возможность повлиять на ситуацию в стране. Если возникала социальная протестная деятельность – он появлялся там. Когда возникали какие-то организации, как Прямухинская Вольная артель, он появился в Прямухино. До этого, насколько я знаю, он и близко не приближался к среде, в которой здесь оказался.

Представьте себе, что человек абсолютно консервативных взглядов – жутко традиционалистских взглядов – оказывается в среде: 15 панков, 10 хиппи, 5 идейных анархистов, несколько левых разгильдяев – но при этом все упорно работают. Да, да – не удивляйтесь. Это относится к периоду не упадка, а взлета Прямухинской вольной артели. Столбики, ими вкопанные, стоят более десяти лет, – не знаю, кому они нужны, но – стоят. И пруд до сих пор стоит очищенный (вот тут меня поправляют – зарос наполовину...).

Что для меня было удивительным в личности Подшивалова, так это его уникальная способность адаптироваться к любой ситуации. Закончилось все это тем, что последний прием в КАС происходил здесь, в Прямухине – панков туда принимал Подшивалов. А ведь с самого начала он объявлял, что ненавидит всяких панков. А потом они ему понравились! И он им понравился.

После Прямухино наиболее активная сфера деятельности Подшивалова была связана с протестными лагерями «Хранителей радуги». Но до 1996 года (а это ростовский лагерь)⁸, т.е. до «Хранителей радуги» Подшивалов долгое время вообще не занимался экологией, и подобная форма лагерей ему вообще не была знакома. И вот это стало для него новым делом, где он мог проявить себя. Но он и тут пошел против волны, поскольку во многие структуры в этих лагерях, в их организацию он не вписывался. Но при этом он не пытался подстроиться под систему, а сам перестраивал систему путем ее реорганизации, что для совершенно

дезорганизованной экологической и анархистской среды было непонятно. Он пытался ее построить на идейных принципах, что порождало достаточно серьезные конфликты.

Однако, если мы возьмем все крупнейшие акции, которые проводило либертарное движение в 90-х годах, то практически во всех ведущая роль принадлежала Подшивалову. Мне вспоминается Сартр и его замечательная формулировка, что настоящее человеческое счастье – это когда человек умудряется навести порядок в хаосе. Подшивалов, возможно, не читал Сартра, но он был именно таким человеком. Ему очень часто приходилось попадать в хаос, и ему при этом удавалось, и не раз, навести в нем порядок.

Здесь, в музее⁹, я прочитал на одном стенде, что Прямухино – это некая утопия. В 96-м году это для нас не было утопией. Перефразирую: для нас это была реализованная утопия. В конце концов, именно здесь заработала система вольной организации труда. Люди трудились даже не за еду: мы сами добывали еду, собирая грибы и ягоды, чинили кровли у соседей и пр. А система работала, потому что такая организация труда людям нравилась, они с готовностью шли на тяжелый физический труд. И это во многом было заслугой атамана Подшивалова.

Кстати, интересно, что ввиду молодежного, а во многом и маргинального характера анархистского движения, оно никогда не признавало традиционных ценностей. А вот Атаман совмещал в себе вещи несоместимые: жесткие анархистские убеждения и принадлежность к традиционным структурам.

Он действительно был атаман казачьего войска! Как это стало возможно, что он поддерживал традиционные ценности и пытался объединить их с необузданным вольным анархистским духом? Оказалось, что возможно.

Есть понятие «неожиданная смерть», когда жалко потерять человека. И безусловно, так было с Игорем Подшиваловым. Но с позиции истории, даже по прошествии года становится понятна та грань, за которой дальнейшее совмещение столь разных течений уже невозможно. В последние годы и сам Игорь это понимал – я сужу по нашей переписке. Он уже не мог находиться на развилке, поддерживая и дорогие ему традиционные ценности, и анархистские идеи. И эта внутренняя конфликтность, противоречивость фигуры Игоря была всегда заметна. С другой стороны, это был человек, которому все отдавали должное. Он был единственным, кто мог сохранить идейность там, где другие ее теряли, и мог выстоять там, где общая волна двигалась в другую сторону.

Пусть это мое субъективное мнение, но мне кажется, что Прямухинская Вольная артель в жизни Игоря Подшивалова была одним из ярчайших явлений. Потому что здесь сочетание традиционных подходов и стремление к реализации анархистских идей нашли довольно полное

выражение. Он смог это реализовать, и это не вызвало никаких конфликтов. Наоборот – только приятие.

Идеология левого движения в 90-е годы – это постоянные протестные акции. Антивоенное движение против войны в Чечне, экологическое, социальное... Что говорит на это обыватель: «Вы только протестуете и не даете никаких позитивных примеров, у вас их нет. Вы не можете создать ни мощный профсоюз, ни мощную политическую организацию и пр., и пр.». Прямухинская Вольная артель была той самой позитивной альтернативой, которую можно было предъявить. Она была создана без денег и без указки сверху. Заслуга Игоря Подшивалова состояла в том, что он смог реализовать эту утопию.

Если считать, что левые идеи реализуемы через 150 лет, то в таком случае все движение превращается в движение мечтателей, далеких от жизни и видящих какую-то перспективу только в рамках научной дискуссии. Но – попытаюсь закончить.

Взгляды Игоря Подшивалова и мои могли сильно отличаться. И мы это прекрасно понимали – при самых дружеских отношениях. Но я глубоко уважаю людей, которые могли делом доказать, что либертарное движение – это не научная фантастика и не взгляд какого-нибудь провидца, наподобие Белинского, который говорил в 1842 году, что через сто лет у нас будет замечательная жизнь. Ничего хорошего через сто лет не было.

А вот то, что анархисты сделали свою баррикаду на второй день трехдневного противостояния на ступеньках мэрии в 1991-м, было всегда предметом гордости Игоря.

По материалам сборника:
Прямухинские чтения. М., 2008 г.

Два мира, две смерти

У нас и в Европе не только живут по-разному, но и по-разному умирают. Во всяком случае, общественную значимость вызывают абсолютно разные смерти, и последствия этих трагедий тоже чуть ли не противоположные. Чтобы не говорить загадками, предлагаю просто включить телевизор и сравнить первые темы новостей у нас и на любых европейских каналах.

Когда просматриваешь телепрограмму, создается впечатление, что Россия никак не может вырваться из глубокого и беспредельного траура. Так и ждешь, в память о советских временах, «Лебединого озера», неизменно отплясываемого на экранах в честь очередного почившего генсека. Ловя себя на подобном сравнении, не можешь отделаться от вопроса: патриарх же ведь не генсек, не глава государства? Церковь – обще-

ственная организация. Почему вся страна должна впадать в траур из-за смерти главы общественной организации? По официальной статистике, воцерковленными у нас являются 4% граждан, для остальных верующих церковь – это скорее дань традиции. Но если включаешь телевизор, такое ощущение, что мы живем при теократической деспотии и никаких событий, кроме доставки икон и чьих-то мощей из одного пункта поклонения в другой в нашей стране не происходит. А уж смерть Алексия¹⁰ обязана быть личным горем каждого. Хорошо еще, что не устроили давку на похоронах, как было, когда умер Сталин.

Безусловно, смерть главы главенствующей конфессии – важное общественное событие, и очень бы хотелось, чтобы оно стало поводом для обсуждения серьезных вопросов. Например, мог ли Алексей, возглавляя церковь в самом проблемном советском регионе – Эстонии, добиться таких церковных высот без крепкого сотрудничества с компетентными органами? Особо циничные граждане уже тихонько напевают себе под нос песенку Пугачевой: «Ах, какой был мужчина, настоящий полковник». Или как с христианскими ценностями связан безакцизный провоз спиртного и табака, на чем богатели церковь в 90-е годы? Вроде алкоголь и курево пока у нас не заменили ладан и не стали предметом церковного культа. Можно было бы еще порассуждать на тему, точно ли все деньги, собираемые чуть ли не путем государственного рэкета со всей страны, пошли на храм Христа Спасителя, в котором столь торжественно отпевают усопшего? Или же на эти деньги можно было построить целый городок из храмов Христа Спасителя? Но вместо ответов на эти и еще многие другие вопросы нам показывают реалити-шоу, делая из интимного вопроса смерти человека и личного горя его близких и родных чуть ли не сериал «Похороны за стеклом».

На фоне желаний немедленно причислить Алексия к святым замечательно выглядят российские комментарии на события в Греции по поводу трагической гибели подростка от пули полицейского¹¹. Вся аналитика официальной журналистики примерно сводится к двум посылам: «они там с жиру бесятся» и «они с ума посходили, устраивают столько шума из-за гибели какого-то молокососа».

Только эти комментарии не ложатся даже как текст под картину греческой революции. Можно ли «беситься с жиру», подставляя себя под водометы и пускаемый полицией газ? Если бесится с жиру греческая молодежь, то почему вся страна поддержала их требования, объявив всеобщую забастовку? Или что, страна сама сошла с ума и решила коллективно взбеситься с жиру?

Даже вопреки в нашу официальную догму противопоставление российской духовности и западной распущенности в данном случае никак не выполняется. В Греции тоже православие, и страна настолько пропитана принципами именно православного христианства, что может послужить примером даже для российских радетелей церкви.

Не имея официальной версии, попробуем сами объяснить, почему у нас и в Европе такое разное отношение не только к жизни, но и к смерти.

В России важен официальный статус человека. Чем выше он забрался по иерархической лестнице, тем больше ему уважения и, как сейчас выяснилось, тем активнее ему приписывают святость. Святым у нас становятся по должности, и ожидание нового патриарха похоже на чаиние нового святого. Газеты прямо пестрят заголовками: «В ожидании нового духовного отца». Причем это газеты не церковные и не религиозные, а самые что ни на есть светские и даже развлекательные. Когда насильственно становятся родителями – это плохой признак. Я почему-то думаю, что уж кого-кого, а отцов, в том числе и духовных, каждый человек может определить себе сам.

По государственной доктрине власть безгрешна и окружена ореолом абсолютной самоценности. Те, кто добился в ней высшей ступеньки, сразу становятся отцами нации и святыми по статусу. Мы точно следуем византийским правилам, где каждый новый император автоматически становился святым. В эту доктрину никак не вписывается, что смерть простого подростка может стать общенациональным событием, а на его похороны без всякой рекламы и круглосуточных репортажей по телевидению соберутся 5 тысяч человек. У нас личная инициатива должна быть санкционированной, иметь государственную поддержку и всестороннее освещение в СМИ. Вот тогда получится «хорошо организованное стихийное личное горе каждого россиянина».

Во время похорон Алексия центр Москвы был перекрыт, даже киоски не работали. Проходя по пустынным улицам и не имея возможности купить бутылку воды, я думал, почему обязан мучиться из-за смерти человека, к которому не имел никакого отношения. В Греции люди испытывают неудобства ради того, чтобы отменили реформы, ущемляющие интересы большинства жителей. Для такой цели можно перетерпеть и беспорядки на улицах. Но терпеть из-за телешоу под названием «Смерть патриарха»? Нет, уж лучше вовремя переключить кнопки телевизора на любой нероссийский канал, если, конечно, к нему есть доступ, или выключить телевизор вообще.

Опубликовано в декабре 2008 г. на сайте
Института верховенства права: www.ruleoflaw.ru

Примечания

¹ Согласно преданию, 7 февраля 1497 г. во Флоренции Сандро Боттичелли сам бросил несколько лучших своих полотен на мифологические темы в «костер тщеславия», устроенный по наущению Савонаролы из предметов роскоши.

² В 1206–1207 гг. среди катаров проповедовал Святой Доминик – Доминик де Гусман (1170–1221), основатель ордена доминиканцев.

³ Жэнг Хе (1371–1435) – китайский флотоводец и дипломат, в 1405–1433 гг. совершил семь военно-торговых экспедиций в Индокитай, Индостан, Аравию и Восточную Африку.

⁴ Мюнстерская коммуна – теократический режим анабаптистов в Мюнстере (Вестфалия). В осажденном городе было конфисковано церковное и монастырское имущество, отменены долги и деньги, введено уравнильное распределение предметов потребления и общность жен. Просуществовала 14 месяцев.

⁵ Круглый стол организован НИПЦ «Мемориал» и Фондом Плеханова. Публикуется в сокращении.

⁶ «Дело социалистов» – Бориса Кагарлицкого, Павла Кудюкина, Андрея Фаина, Юрия Хавкина, Владимира Чернецкого, Михаила Ривкина, входивших с конца 1970-х годов в левый неофициальный кружок. Издавали самиздатский журнал «Левый поворот». Арестованы в апреле 1982 г., вскоре освобождены все, кроме Ривкина, осужденного на 7 лет лагерей.

⁷ Издававшийся в 1983–1984 гг. группой студентов Иркутского государственного университета самиздатский альманах. См.: Подшивалов И. Альманах «Свеча»: правда и вымысел.: <http://avier38.livejournal.com/71531.html>.

⁸ 26 апреля 1996 г., через 10 лет после катастрофы в Чернобыле, было принято постановление о возобновлении строительства Ростовской (Волгодонской) АЭС. В 1996–1998 гг. «Хранители радуги» организовывали летние лагеря протеста рядом со стройплощадкой. Милиция и администрация препятствовали проведению лагерей: неоднократно громили лагерь, избивали и задерживали пикетчиков. В марте 2001 г. был введен в эксплуатацию первый энергоблок РАЭС, в 2010 г. – второй блок.

⁹ Музей Бакуниных в селе Прямухино.

¹⁰ Патриарх Алексий II скончался 5 декабря 2008 г.

¹¹ 7 декабря 2008 г. в афинском районе Эксархия был убит полицейскими 15-летний подросток-анархист Александрос Григорулуос. В тот же день в Афинах начались массовые беспорядки и столкновения с полицией. 10 декабря в Греции началась общенациональная забастовка. В годовщину событий, 6 декабря 2009 г., в Афинах вновь начались массовые беспорядки.

Я устал встречать своих знакомых в криминальных хрониках. Я устал от того, что я открываю уголовные дела и первым же пунктом обвинения идет то, что человек является представителем движения антифа. И за это не только предъявляют обвинения. За это арестовывают и сажают.

Я устал читать криминальные хроники и ловить списки убитых. Это уже не работа. Это уже вопрос выживания. Нам нужна защита от нацистов. Нам нужна защита от мафиозных властей. Даже от тех же правоохранительных органов, которые просто часто прислуживают им. Нам всем нужна защита.

И мы прекрасно понимаем, что кроме нас самих, нам больше никто, никогда эту защиту не даст. Ни Бог, ни царь, ни закон. Уже никто. Только мы сами. И вот тогда, когда мы поставим друг другу плечо, когда мы сможем друг друга защитить – только тогда мы прорвемся. Надеюсь что это будет.

**Станислав Маркелов,
из речи на митинге. 30.11.08**